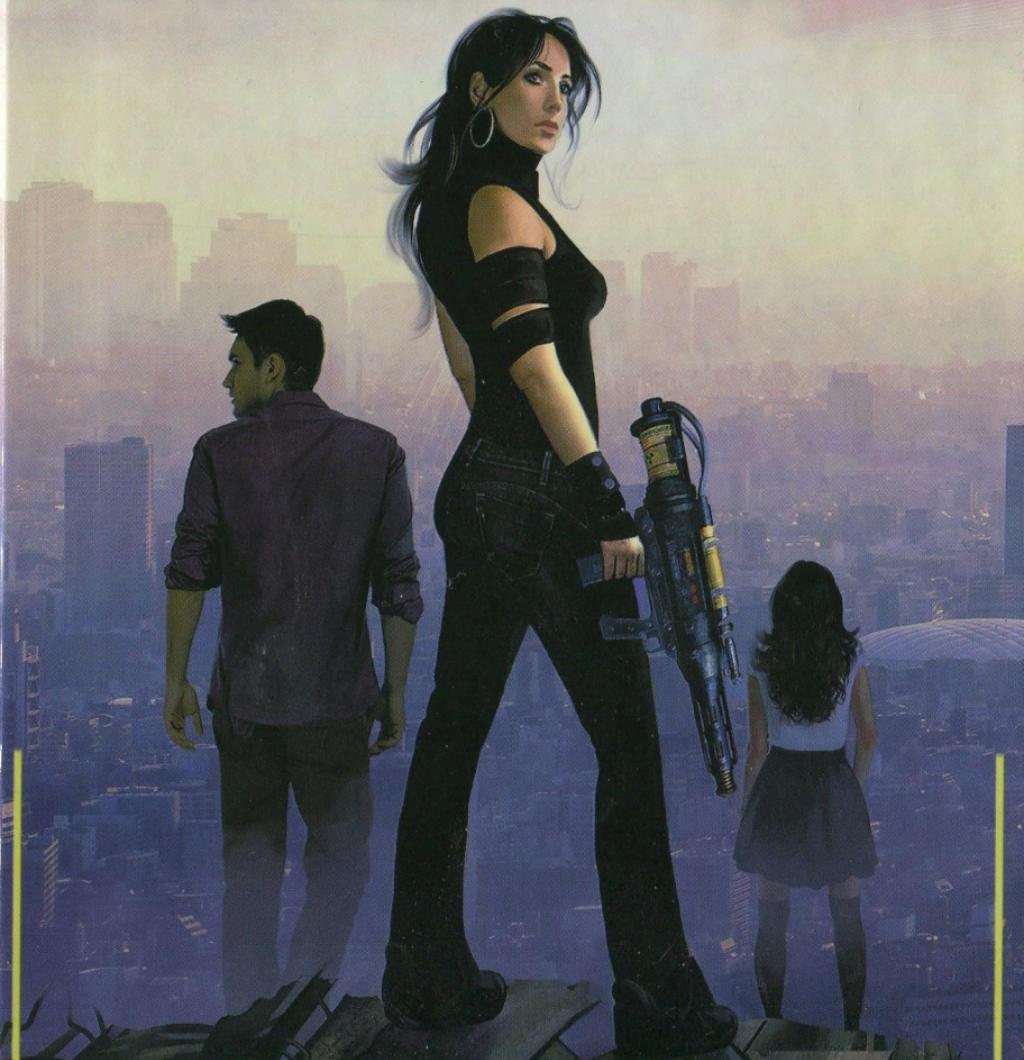

Онлайн-сенсация теперь в виде книги

ДИВНЫЕ НОВЫЕ МИРЫ

СОМНИРУМ

МАРГАРИТА ТАРА

И у судьбы, и у Системы на каждого из них свои планы...

МАРГАРИТА ТАРА

ДИВНЫЕ МИРЫ
НОВЫЕ

СОМНИРУМ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т19

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «Дивные новые миры» основана в 2016 году

Художественное оформление — Виктория Лебедева

Внутреннее оформление — Олег Лёвкин

Тара, Маргарита.

Т19 Сомнорум : [фантастический роман] / Маргарита Тара. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 320 с. — (Дивные новые миры).

ISBN 978-5-17-099673-5

Преступности нет — Система заботится об этом, руками Реконструкторов корректируя изъяны человеческого разума, представляющие опасность для общества.

Смертность минимальна — синты, совершенные машины в человеческом обличье, все чаще заменяют своих прототипов там, где требуется расчетливый ум и выверенные движения, и все больше людей вверяют им свои жизни.

Сомнорум — бесконечный виртуальный мир — способен исполнить любые мечты, воссоздать любую фантазию: о дальних краях, об ушедших эпохах.

Но так ли идеален этот мир? Рискуя собственными жизнями, юным Блэки, Харту и Десс предстоит найти ответ...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© М. Тара, 2016

ISBN 978-5-17-099673-5 © ООО «Издательство АСТ», 2016

Часть первая

НЕ ГЕРОИ

Глава первая

ХАРТ

Элси выглядела очаровательно. В туфлях-лодочках, обнимающих узкую стопу, с темными волосами, ниспадающими на плечи и контрастирующими со светлым платьем. Его цвет она называла «цветом шампанского», хотя и сама едва представляла, что это означает.

Глядя на нее, Харт вспомнил день их знакомства. Казалось, с тех пор прошла целая вечность. Смешливая девчонка с пухлыми румяными щеками превратилась в элегантную молодую леди. Пухлость щек исчезла, но обворожительная улыбка на сочных губах осталась неизменной.

Элси заметно волновалась. Тревожно нахмурившись, она легким прикосновением к дужке сделала визор прозрачным. Обычно ярко накрашенные глаза с черными, тянущимися к вискам стрелками сегодня были лишь слегка тронуты макияжем. Весь облик Элси олицетворял скромность и чистоту. Без сомнения, она хотела понравиться тем, кто должен был озвучить ее дальнейшую судьбу. И все-таки это вполне естественное желание было совершенно бессмысленным — práко лишь оглашали решение, которое принимала Система. А ей — хладнокровной, расчет-

ливой, беспристрастной — не было дела до людских желаний и страхов.

Двадцать одну свечу торжественно задули под фальшивое пение Харта, торт разрезали и съели. Улыбаясь во весь рот, Харт вручил подруге подарок в разноцветной упаковке, увенчанной бантом. Элси засияла, клятвенно заверив, что распакует его позже, и скрепила клятву нежным поцелуем. Они уже опаздывали на церемонию.

Элси приказала дому запереть за ними дверь. Вышла под руку с Хартом. Села за руль, дождалась, пока он устроится рядом, и тронулась с места.

Двухместный аэромобиль заскользил по полуупрозрачной воздушной полосе. Харт понимал, насколько недостойно завидовать собственной девушке, но каждый раз, подходя к ее ярко-красному аэромобилю, не мог сдержаться, чтобы с невольным вздохом не провести рукой по гладкой прохладной поверхности. У него самого был только видавший виды ховерборд. Когда Харту было четырнадцать, ему пришлось убить все лето на подработку, чтобы осуществить свою давнюю мечту. С тех пор он значительно поднаторел в ховербординге, но мысль о собственном аэромобиле его не оставляла.

Харт надеялся, что ждать долго не придется — в этом году он заканчивал университет и должен был попасть на работу по распределению. Как говорили прако — вестники безликой, но могущественной Системы, у него были высокие шансы получить хорошую должность. Это помогло бы ему решить проблемы в семье и избавиться от неловкости, которая появлялась всякий раз, когда подруга подвозила его

на своем ярко-красном — она называла его алым — аэромобиле.

— Так... — Элси сложила губки и судорожно выдохнула, как делала всякий раз, когда сильно нервничала. — Ты уверен, что все заполнил верно?

Харт едва удержался от того, чтобы не закатить глаза. Он уже сбился со счета, в который раз подруга спрашивала его об этом. Предстоящая церемония совершеннолетия Элси волновала его не меньше, просто реагировали они по-разному. Собственно, как и всегда.

— Уверен, — покладисто ответил он. — Я перечислил все твои любимые книги, кроме «Раскила» и «Дитя моря», слишком уж они... прости, девчачьи. Вместо этого добавил парочку своих. То же самое с фильмами, едой, любимым местом в Сомнитуме, моем видении будущего Бене-Исс... и прочая, прочая, прочая. Элси, да я твою анкету уже наизусть знаю! В общем, некоторые варианты я, разумеется, изменил, чтобы не вызвать подозрений, но в целом придерживался твоих ответов.

Элси удовлетворенно кивнула. Легким порханием пальцев над сенсорной панелью ускорила аэромобиль и, улыбнувшись Харту, накрыла его ладонь своей.

План обмануть Систему пришел в голову именно ему. Они с Элси настолько несхожи во вкусах, насколько это вообще было возможно. Ей нравилась спокойная музыка, ему — взрывной олд-рок. Она — отличница и поклонница философских книг, он — типичный разгильдяй, лишь стараниями возлюбленной получающий неплохие отметки. Элси делала его лучше... но для Системы это лишь пустые слова.

При таких исходных данных Система никогда не смогла бы записать Харта в электы — идеальные спутники жизни для Элси. Поэтому его осенила мысль сделать их анкеты максимально похожими. Он тщательно изучил каждый пункт ее черновой анкеты. В ней содержались самые разнообразные вопросы — от глобальных «кем вы видите себя через десять лет» до любимого цвета, времяпрепровождения — в реальности или Сомнируме — и даже принадлежности к «собачникам» или «кошатникам».

Свою анкету Харт заполнил в день своего совершеннолетия, полгода тому назад. Но правила Системы, понимающей, что характеры и вкусы людей могли меняться с течением времени, разрешали обновлять данные — что Харт недавно и сделал. Теперь их с Элси анкеты пусть и не были совершенно идентичными, но выставляли их близкими по духу, складу ума и характеру людьми. И только предстоящая церемония должна была показать — удался трюк или же все их старания были напрасны.

Церемонии совершеннолетия для юношей и девушек несколько разнились. Парни лишь заполняли специальную форму и выслушивали от празко сухие поздравления, не отличающиеся ни искренностью, ни особым разнообразием. Девушки проходили ту же процедуру за сутки до дня совершеннолетия. На самой церемонии им выдавался список из двадцати имен. Двадцать картотек электов — данные анкеты, фото и, при желании, трехмерное изображение их будущего ребенка и практически точный коэффициент его интеллекта. В течение года девушка обязана

была сделать выбор, с каким из электов она свяжет свою дальнейшую судьбу.

Два десятка анкет — грустная иллюзия выбора.

Система не «сводила» девушку с кем-то моложе двадцати одного года и старше тридцати. Считалось, что слишком большая разница в возрасте между будущими мужем и женой могла создать дискомфорт между супругами и стать причиной семейных неурядиц. Электом совершеннолетней не мог стать человек, который разительно отличался от нее вкусами и взглядами. Причина — все те же возможные несогласия мнений, а значит, ссоры, постепенный разлад в отношениях и, в конце концов, крах семьи.

Только люди со схожими характерами имели шанс заслужить одобрение Системы и создать новую ячейку общества. Система учитывала не только совпадения взглядов, но и генетическое сходство, и физические показатели. Голосами праэко она убеждала людей, что все эти меры — только им во благо. Все это — ради будущего, ради здоровья их детей, ради крепкой семьи, основанной пусть не на любви, но на доверии, уважении и душевном родстве.

Однако то, что противоположности притягивались друг к другу с завидным постоянством, Система предпочитала не замечать.

Именно сегодня, в день совершеннолетия, Элси должны были выдать злополучный список. И если его имени там не окажется...

Повернув голову, Харт изучал нежный профиль Элси. Они были знакомы еще со школы. Он и сам не заметил, когда детская дружба превратилась в нечто... совсем иное. Он не хотел называть это лю-

бовью, потому что она в их веке не стоила ничего. Любить Системой не запрещалось, но если девушку угораздило влюбиться в того, кто не был выбран ей в электы... будущего у такой чувства просто не было.

Харт знал одно: он хочет быть только с Элси. И ни с кем другим. Засыпать, просыпаться, строить планы на будущее — банальные, казалось бы, вещи, которые приобретали смысл, только когда она была рядом. Года перед два Система мягко напомнит им о священном долге продолжения рода. Харт был к этому готов и знал, что и Элси готова.

Аэромобиль мягко приземлился. Харт обошел его, чтобы галантно открыть дверцу возлюбленной. Она рассмеялась, подавая ему руку, но в ее сме-хе чувствовалось напряжение. Обоих сейчас мучил один и тот же вопрос: «Удалось ли?»

Зал церемониального дворца был полон молодых людей. Девушки, парни — взволнованные, торжественные. Кто-то развлекался, попивая синтетический коктейль, кто-то, судя по насупленному виду и тереблению одежды, чувствовал себя не в своей тарелке. Прохаживались пражко, скрытыми за визорами взглядами — но определенно цепкими и пристальными — скользя по залу. У стен и сцены стояли маршалы, облаченные в пуленепробиваемые бело-черные костюмы. Боялись бунта? Харт развеселился, представив, как одна из участниц церемонии — этих миловидных тростиночек, — недовольная решением Системы, в ярости рвет список и нападает на маршала. В ход идут ногти, каблуки...

Элси бросила на Харта косой взгляд, и он тут же придал лицу серьезное, подобающее случаю выражение.

жение. Они подошли к своим местам. При их приближении плитка пола качнулась назад, из его недр вытянулась толстая трубка, напоминающая металлический пень. Покрывающие ее пластины раскрылись и сформировались в не слишком удобное на вид кресло. Харт и Элси заняли места и, переплетя пальцы, приготовились к ожиданию.

Церемония началась вовремя — минута в минуту. Когда на сцену поднялась праэко в длинном серебристом платье, зал мгновенно затих.

Нудная пространная речь о долге перед обществом, о необходимости придерживаться правил и уставов Системы выпила из Харта остатки терпения. Ту же речь — слово в слово — он слушал полгода назад, на собственной церемонии совершеннолетия. Кресло казалось неимоверно жестким, словно не желало задерживать сидящего на нем дольше положенного, слова, произнесенные голосом, навевающим мысли о кубиках льда в пустом стакане, падали в мертвую тишину зала, заполненного благоговеющими совершеннолетними. Мучительное ожидание. Все это действовало ему на нервы.

— Да когда же они, наконец, перейдут к делу? — процелил Харт сквозь сжатые зубы.

Некстати пролетевший над головой дрон-дизаггрессор мигнул красным и завис в воздухе: система распознавания эмоций зафиксировала его вспышку ярости — по тону голоса, выражению лица или же по стиснутым кулакам. Маршал, прежде стоявший к Харту полубоком, повернулся, среагировав на сигнал прикрепленного к поясу датчика. Его взгляд

за совершенно непроницаемыми черными стеклами визора, без сомнения, не сулил ничего хорошего.

Харт выдохнул, стараясь замедлить сердцебиение. Заставил себя разжать кулаки и расслабить мышцы рук. Не хватало еще, чтобы его выперли с церемонии, сочтя «агрессивно настроенным» — кажется, так это называла Система.

Элси сжала его руку, улыбнулась краешками губ. Это подействовало на парня лучше любого успокоительного. Он улыбнулся ей в ответ, чувствуя, как легчает на душе. Дизаггрессор — глянцевый черный шар с красной полосой дисплея — еще повисел в воздухе, затем, удовлетворенно мигнув, продолжил свое неспешное блуждание по залу.

— Элси Ларей! — хорошо поставленным голосом произнесла со сцены праэко.

— Ох, боже мой! — быстро прошептала его подруга.

Их руки разжались. Харт вдруг ощутил тоску и смутное беспокойство.

Оправляя на ходу безупречно сидящее платье, Элси поднялась на помост. Харт нажал на кнопку подлокотника, вызывая перед глазами проекцию возлюбленной. Он видел ее чуть расширенные от волнения глаза, тонкие кисти, прижатые к телу в таком искреннем и неловком жесте.

Праэко, дежурно улыбнувшись, поздравила Элси с совершенномлетием. Печатью с симпатическими чернилами поставила на ее запястье новую метку. Следующая появится лишь тогда, когда Элси выйдет замуж — за одного из выбранных для нее Системой электов.

Харт подался вперед, когда увидел, как праэко протягивает Элси заветный сверток, перевязанный серебристой лентой. Руки девушки чуть подрагивали от нетерпения, когда она принимала дар от праэко.

Элси поблагодарила, спустилась со сцены, держа спину идеально прямой. Харт тут же потерял интерес к происходящему в зале. Все его внимание было приковано к свертку в руках подруги. Элси опустилась в кресло и торопливо развязала ленту, мелькнувшую в воздухе блестящей серебристой змеей. Развернула скрученный в рулон планшет и, скользя пальцем по экрану, впилась взглядом в картотеки электов — «жертв», как в шутку называл их Харт. Вот только чем дольше Элси молчала, тем меньше ему хотелось веселиться.

— Меня там нет... — сказал он обреченно, качнув головой, словно отвечая на собственный вопрос.

Элси оторвала от планшета взгляд. Глаза ее были огромны, в их синеве плескалось недоумение.

— Как же так?.. — прошептала она.

— Это моя вина. Я где-то просчитался.

— Нет, Харт... — Элси замолчала, не зная, что сказать.

Они еле досидели до конца церемонии. Уйти раньше не позволяли приличия. А еще маршалы и праэко, снующие по залу.

Как только раздался гимн их города-государства, поднялись. Побрали к выходу. Элси машинально свернула планшет в рулон и теперь судорожно сжимала его в руках, словно желая раскрошить тонкими пальцами. Если бы это решило их проблемы, Харт первым бы разорвал планшет в клочья. Тут же

некстати вспомнилась его недавняя фантазия, уже не казавшаяся такой забавной.

Они вышли на стоянку. Харт переминался с ноги на ногу, не в силах выдавить ни слова. Он просто не мог подобрать нужных фраз. Элси замерла, обхватив себя за плечи. Оба молчали, не зная, чем заполнить тишину между ними.

— Харт Карвел?

Он стремительно оглянулся. Позади стояла неизвестная ему прайко в окружении двух маршалов.

— Пойдем со мной, — она говорила мягко, но лицо казалось словно высеченным из камня. Харт задавался вопросом: почему все прайко делают свои визоры черными? Что они прячут?

Глаза — зеркало души, но у прайко души не было.

— Элси, я... — начал он, повернувшись к подруге.

— Немедленно, — и снова этот мягкий тон с металлическими нотками.

— Иди. — Элси была бледной, взгляд ее метался между его лицом, лицами маршалов и прайко. Она хотела сказать что-то еще, но не осмелилась — присутствие стражей порядка и вестницы Системы кого угодно могло привести в замешательство.

Харт пошел вслед за прайко, старательно отгоняя от себя назойливую мысль: что ей нужно от него? И к чему здесь маршалы?

Они вернулись в церемониальный дворец, поднялись на второй этаж. Как только все четверо оказались в комнате, стражи порядка расположились по обе стороны от запертой двери. Харт недоуменно посмотрел на маршалов и отвернулся. Прайко кив-

нула ему на стул, и он, пожав плечами, послушно уселся.

Тесное пространство было заставлено металлизированными предметами мебели — по последнему писку моды. Стол, стулья, даже диван — выглядели гладкими и словно хромированными, но сохраняли подобающий им комфорт.

Праэко облокотилась о стол, совсем по-человечески сложив на груди руки. Сделала визор полупрозрачным — так, чтобы Харт мог видеть ее глаза. Неожиданное проявление этикета от вестницы Системы.

Он скользнул взглядом по ее лицу. Чересчур правильные черты, слишком ровная кожа без малейших изъянов. Все праэко — синты, но от людей практически неотличимы. И все синты — совершенны. Ловкие, быстрые, обладающие гибким искусственным интеллектом, зачастую превосходящим человеческий.

Мать Харта — учительница старшей школы Трианского округа, в те нередкие моменты, когда на ее душе было особенно тоскливо, сетовала на засилье синтетиков в Бене-Исс. Среди людей уже давно ходили упорные слухи о скором внедрении синтетиков во все сферы жизнедеятельности. Люди боялись того часа, когда на работу вместо них будут принимать лишь синтов — идеальных, практически не способных ошибаться. Первый тревожный звонок раздался четыре года назад, когда в одной из клиник Бене-Исс появился единственный в своем роде синт-хирург. Сотни тяжелейших операций — и ни одного смертельного исхода. С тех пор больницы все чаще соглашались подменять человеческих врачей синтетиками.

Будущее, которое рисовала Система жителям исполинского города-государства Бене-Исс, и вдохновляло, и пугало одновременно. Да, Харт бы и сам с большей охотой лег под лазерный нож хирурга-сinta, нежели хирурга-человека, у которого в самый неподходящий момент могла дрогнуть рука. Вот только что станут делать люди, когда их заменят совершенные машины, внешне неотличимые от них самих и не знающие, что такое халатность, леность, вспыльчивость? Уйдут в профессии, где не нужен будет холодный расчетливый ум, выверенные движения и знание невероятного количества информации?

Праэко прервала его размышления. Наклонив голову, как хищная птица, наблюдающая за обреченной жертвой, произнесла:

— Харт Карвел, ты разочаровал Систему.

В устах любого другого это прозвучало бы излишне пафосно. Но слова праэко таили в себе угрозу. И все же Харт нашел в себе силы ухмыльнуться и небрежно бросить:

— Сомневаюсь, что Системе есть до меня дела.

— Система заботится о каждом из нас.

«Вас, ты должна была сказать: «vas», — подумал Харт. — Между сintами и людьми нет знака равенства. И никогда не будет».

— Я обязана предупредить тебя — ты приближаешься к Чертке. Надеюсь, ты знаешь, какое наказание последует, если твое имя окажется за ней.

О да, Харт знал. Наказанием станет появление на пороге его дома Реконструкторов — синтетиков в темных защитных костюмах, которыми пугают детей, когда те не желают слушаться.

Точнее, наказанием будет то, что Реконструкторы сотворят с его разумом.

Система с помощью своих вестников составляла досье на каждого жителя города-государства. Никто не знал о них доподлинно — Система умела хранить секреты. Шептались, что электронное досье велось с самого рождения человека. По итогам информации, обновляющейся ежеминутно, гражданин Бене-Исс попадал в один из двух списков. С «белыми списками» все было ясно: в них содержались имена людей с хорошей репутацией — то есть те, кто, с точки зрения Системы, считались полезными обществу, действовали ему во благо. А вот с «черными списками» и пресловутой Чертой, чаще называемой «черной линией», все было гораздо сложнее. Ведь в лапы Реконструкторам можно было попасть за любой проступок, зафиксированный Системой. И чем серьезнее правонарушение, тем сильнее Реконструкторы меняли сознание провинившегося.

— Я приближаюсь к Чертой? — Харт постарался не выдать свою тревогу. Вышло не слишком убедительно. — Но... за что?

— Попытка обмануть Систему — серьезное правонарушение, — хладнокровно пояснила прако. — А составление ложной анкеты — это и есть попытка обмана.

— Я... — он замялся, не зная, что сказать. Был ли смысл отнекиваться, когда правда всплыла наружу?

— Мы изучили книги, которые ты читал. Многие из них запрещены Системой. Они пропагандируют жестокость, употребление алкоголя...

— Они просто рассказывают о том мире, в котором жили наши предки. Эта наша история, — упрямо ответил Харт.

Итак, его обман был раскрыт. Но кто поспособствовал этому? Дроны? Камеры, натыканные по всему Бене-Исс? Сомнительно. Он всегда был осторожен, когда делал то, что могло оказаться на его «репутации». Тогда кто? Его знакомые, однокурсники? Он бы не удивился. Люди были готовы пойти на многое, чтобы выслужиться перед Системой и теми, кто скрывался за ней.

— Мы ушли от того дикого общества и его беспутных нравов, — бросила праэко. И снова это выражение лица — мягко опущенные губы и стальной блеск в глазах. Будто бы праэко не могла решить, какую выбрать тактику в их разговоре — запугивать или убеждать? — И Система не позволит, чтобы все это повторилось снова.

«Ну да, все во благо людей» — раздраженно подумал Харт.

— Мы отследили запросы, которые ты посыпал в Сеть. Многие из них носили довольно агрессивный характер — я говорю о видео, фильмах и книгах. Это лишь подтвердило наши предположения о том, что ты представил о себе ложные данные.

— Не сомневаюсь, что вы даже в курсе, зачем именно я это сделал, — с некоторым вызовом в голосе ответил Харт.

Он отдавал себе отчет в том, что находится на грани — всего в нескольких шагах от злополучной Черты. Но сейчас ему было наплевать. Слишком сильным был шок от осознания, что Элси — его ми-

лая Элси — теперь никогда уже не будет принадлежать ему. Теперь все потеряло смысл: предстоящее получение диплома, хорошая работа, квартира со всеми удобствами, а не тот ретро-дом, который он делил с матерью.

— Разумеется, — кивнула прако, приняв его слова за чистую монету и, уж конечно, не распознав в них горечи и ехидства. — Система зафиксировала ваши достаточно близкие отношения с... — лишь мгновенное колебание, — ... Элси Ларей.

— О боже мой, — пробормотал Харт. Представил, как камера прицеливается, чтобы запечатлеть их в тот момент, когда они держатся за руки или целуются. Как фото-дрон подлетает к окну его спальни, чтобы поймать в объектив их с Элси на простынях. — Боже мой, — повторил он. Вскинул голову, заглянул в неестественно голубые глаза прако, такие ослепительно сияющие, какими могут быть только глаза синтетика. — И это не «близкие отношения», — передразнил он. — Это называется «любовь». Хотя... что вам об этом знать?

— Мне расценивать твои слова, как оскорбление по отношению к синтетикам и, в частности, прако? — бесстрастно осведомилась вестница Системы.

Похоже, его «репутация» только что понизилась еще на несколько пунктов.

В голове забилась яростная мысль: «Ну, давай же, будь же крутым! Скажи ей все, что думаешь — о синтах, об этой треклятой Системе». И тут же на смену ей пришла другая: «И что потом?»

— Нет, что вы. Я просто неправильно выразился, — устало ответил Харт.

Праэко чинно кивнула. В глазах ее не было ничего, кроме холодного безразличия. Харт вышел, прикрыв за собой дверь.

Его бунт закончился, так и не начавшись.

Едва он покинул здание, к нему подбежала Элси. Бледная, встревоженная.

— Ты в порядке? — взволнованно спросила она. Не дав ему ответить, быстро проговорила: — Зачем прако тебя вызывали? Это из-за...

— Да, — просто ответил Харт. — Из-за.

Невольно стрельнул взглядом по сторонам, ловя себя на мысли, что теперь ему всюду будут мешаться скрытые камеры, следящие за каждым его движением.

— Все обойдется? — спросила Элси с надеждой. Приблизилась, взяла его за руку, привычно переплела пальцы.

Ухо пронзил голос — безликий, механический, словно бы окрашенный в тускло-серый цвет:

«Предупреждение Системы. Нарушение дистанции между совершеннолетней и совершеннолетним, не являющимся ее электром».

Эти же слова прозвучали и в голове Элси, потому что она резко отдернула руку и отступила на шаг. Тут же опустила глаза, устыдившись своей реакции. Прошептала:

— Извини.

— Ничего, — отозвался Харт, ощущая в груди какую-то пустоту. Система заберет у него Элси. Рано или поздно, заберет.

— Я... — она стояла, теребя бант на белом платье и все так же не поднимая глаз. — Я пойду.

Харт кивнул. Заложив руки в карманы брюк, зашагал по тротуару. Вслед ему донесся голос спохвавшейся Элси: «Тебя довезти?»

В голове пронеслась вереница мыслей. Плюс — несколько драгоценных минут он побудет с ней наедине. Минус — эти минуты будут заполнены тишиной, гнетущей и напряженной.

Харт не сбавил шага. Сделал вид, что просто не расслышал.

Глава вторая ДЕСС

Отец широкими шагами пересек маленькое пространство кухни. Панель холодильника отъехала в сторону. Задумчиво нахмутившись, Керк Ларсо извлек хлеб для сэндвичей, запечатанные в пакетик куски мяса и сыр. Принялся сооружать бутерброд.

Десс, сидя за барной стойкой и подложив под голову руку, наблюдала за отцом. Его движения всегда были порывистыми, а лицо — сосредоточенным. Как будто он в каждую минуту был готов получить приказ и тут же броситься на его исполнение. Сказывались три десятилетия, которые он отдал защите государства. В свое время Керк Ларсо стал самым юным маршалом Бене-Исс — ему тогда стукнуло двадцать.

Десс намеревалась обойти отца. Ей уже исполнилось девятнадцать, а значит, оставалось меньше полугода, чтобы осуществить желаемое. На кону — испытания, которые определят ее дальнейшую судьбу. Либо ей предстоит надеть бело-черный костюм

с закрепленной на поясе кобурой с лазерным пистолетом, либо продолжать обучение в академии, надеясь когда-нибудь все же убедить комиссию, что она достойна стать маршалом и служить во благо Бене-Исс.

По крутой спиралевидной лестнице спустилась Блэки — младшая сестра Десс. Сегодня она надела одно из излюбленных светлых платьев и плотные черные чулки. Блэки пошла в маму: волосы сверкали чернильным блеском, голубые глаза из-под веки смотрели на мир взглядом грустного щенка. Или мечтательного ... если щенки вообще могли мечтать. Из-за этого взгляда Блэки казалась младше своих шестнадцати лет.

Десс иногда казалось, что Блэки делает все возможное, чтобы не быть похожей на старшую сестру и лишний раз подчеркнуть, насколько они далеки друг от друга. Десс любила облачаться в практичные вещи — брюки и куртку из саморегенерирующегося кожзаменителя, Блэки носила только платья, открывая худые ноги. Десс собирала волосы — темно-русые, как у отца — в тугой хвост, Блэки всегда оставляла их распущенными. Десс каждое утро рисовала себе дымчатые глаза, Блэки едва трогала блеском тонкие губы.

Все еще сонная младшая сестра держала в руках толстенную тетрадь. Десс закатила глаза и отвернулась. Блэки вечно носилась с этими допотопными вещицами: бумажными книгами и блокнотами, ручками с пастой, акварелью.

И все же ретроградом Блэки назвать было нельзя. На днях Десс нашла в ее комнате новехонький электронный дневник. Из любопытства решила про-

листнуть пару страниц, но не смогла прочитать ни строчки — Блэки писала ручкой с симпатическими чернилами. Дневник требовательно запищал — для проявки ему требовался отпечаток пальца хозяйки. Десс пожала плечами и швырнула его на кровать. Не больно-то и хотелось.

Сестра любила и их серебристый аэромобиль, который — к неудовольствию обеих — приходилось делить между собой. Отец не покупал его — считал излишним баловать несовершеннолетних. Он достался им от матери. Модель выглядела слишком женственной, поэтому отцу ничего не оставалось, как отдать аэромобиль дочерям.

Потому Десс и недоумевала: какое удовольствие могла получать сестра от покупки очередной бумажной тетради и писаницы в ней? Она постоянно фыркала и называла многочисленные книги Блэки старьем, а та, поглаживая потрепанную картонную обложку, упрямо поправляла: «Не старье, Десси, а антиквариат».

Знала же, как ее раздражает, когда ее называют этим слашавым «Десси».

С папой Блэки поздоровалась вполне искренне, ей лишь бросила хмурое «добroe утро».

— Как учеба? — за пару минут прикончив внушительных размеров бутерброд, осведомился отец.

Он никогда не называл дочерей «солнышко» или «мои девочки». Только по имени. Десс знала — Блэки это обижало. Она вообще была довольно чувствительной особой.

— Хорошо, — пожав плечами, обронила старшая дочь. Сказала бы «отлично» — она и впрямь делала

успехи в академии, — если бы не знала, что за этим последует долгая лекция на тему «нет предела совершенству». Отец не любил, когда Десс зазнавалась, даже если искренне считала, что вправе гордиться собой. А ведь она как никто другой умела быть самокритичной.

Блэки, нацелившись взглядом в самое спелое яблоко в корзине, принялась воодушевленно рассказывать о вчерашнем дне. Десс изо всех сил старалась не зевнуть. Сестре определенно нужно научиться фильтровать слова и эмоции. Блэки вгрызлась в яблоко, брызнув соком, продолжила говорить с набитым ртом, за что заслужила неодобрительный взгляд отца. Десс злорадно усмехнулась. Соскочила со стула, воспользовавшись повисшей паузой. Уже на пороге обернулась и лениво спросила:

— Ты в школу идешь?

— Я даже не позавтракала! — воскликнула Блэки, метнув в нее возмущенный взгляд.

— Спать меньше надо было, — вкрадчиво произнесла Десс.

Нахмурившись, сестра сползла со стула. Зажав в руках старую тетрадь, с которой, кажется, никогда не расставалась, заспешила к выходу. Всю дорогу Блэки сидела в аэромобиле с насупленным видом. Десс не торопилась разряжать обстановку и нарушать ласкающую слух тишину. Долетев до школы за несколько минут, высадила сестру и направилась в академию.

В раздевалке было тесно и душно. Десс всегда приходила на учебу раньше остальных, чтобы в спокойном одиночестве переодеться в кадетский серо-черный костюм. Она не выносila столпотво-

рения, пытливых девичьих взглядов и глупой болтовни. Слушать сокурсниц для нее было сродни пытке: складывалось ощущение, что они воспринимали учебу в академии только как повод найти себе симпатичных парней: разговоры в раздевалке в основном крутились вокруг количества кубиков на животе того или иного кадета и пересказа последних сплетен — кто кому нравится и кто с кем спит.

В отношении девушек и женщин, ставших маршалами, Система была более лояльна: предлагала электов, но не заставляла выходить замуж и рожать детей, как остальных достигших совершеннолетия. Даже одобряла, если маршал выбирала одиночество и служение своему государству. Маршалы — исполнители ее приговора, призванные сохранять порядок в Бене-Исс и следить за тем, чтобы его жители четко следовали правилам Системы. И чем меньше голова маршала была забита посторонними мыслями — семейными проблемами и любовными драмами, тем больше он отдавал себя работе. Системе — хладнокровной, бесстрастной — плевать на эфемерные человеческие чувства.

Ей нужно лишь одно — результат.

Совсем скоро обстановка в академии изменится. Вместо глупых разговоров в коридорах и раздевалках повиснет напряженное молчание, тренировки станут жестче, взгляды — озлобленней. Так происходило всегда, когда начиналась подготовка к испытаниям и тренеры забывали, что кадетам нужен отдых, сон и еда. Десс ощутит все это на себе — ей впервые предстоит сменить роль наблюдателя на роль испытуемого.

Она покинула раздевалку и направилась в тренировочный зал. На лестнице ее уже ждали Раск и Ангес — братья-погодки и ее единственные приятели, и в академии, и во всем Бене-Исс. Высокие, кареглазые, темноволосые, они были лучшими друзьями и вечными соперниками. Раск, вальяжно облокотившись о перила, беседовал с краснеющей кадеткой. То и дело слышался ее смущенный смех. Ангес со скучающим видом рассматривал собственные ногти. Увидев Десс, заметно оживился.

— Ну, неужели! — воскликнул он вместо приветствия. — Наконец-то хоть одна адекватная личность!

Десс широко ему улыбнулась. Раск, привыкший к подколкам брата, пропустил сказанное мимо ушей. Его собеседница негодующе фыркнула и, попрощавшись, ретировалась. Десс проводила ее прищуренным взглядом и повернулась к Раску.

— Не надоело еще? — со смешком осведомилась она.

Раск слыл бессовестным ловеласом. Десс уже и не старалась запоминать имена его «жертв», зная, что эти связи скоротечны.

— Разве это когда-нибудь может надоест? — с притворным изумлением воскликнул приятель.

Десс, рассмеявшись, легонько стукнула его по плечу. Вместе они поднялись на второй этаж.

— Готова к испытаниям? — негромко поинтересовался Ангес.

— Готова, — твердо ответила она. — А ты?

Он мотнул головой.

— Я не буду участвовать.

— Отец тебя убьет, — прокомментировал Раск.

— Пускай, — пожимая плечами, отозвался Ангес. — Мне нравится здесь, и ничего менять я не хочу. Подожду, когда отец перебесится... или осознает, что маршалом мне все равно никогда не быть. Брошу академию, стану... не знаю, тренером или еще кем-нибудь.

Раск осуждающе покачал головой, но ничего не сказал.

Десс поняла однажды: именно в схожести их историй заключалась причина их сближения. У всех троих был суровый и требовательный отец, жаждущий увидеть своих детей в бело-черном костюме маршала, — с той лишь разницей, что отец Раска и Ангеса маршалом никогда не был. Но всегда мечтал. И теперь, как это часто бывает, делал все возможное, чтобы его дети достигли того, чего у него не получилось.

Еще одним общим звеном в истории двух семей — Ларсо и Бербен — была разница характеров двух молодых людей, связанных кровными узами. Полярное различие в их взглядах и стремлениях, которое с годами становилось все отчетливее.

Ангес поступил в академию на пять лет позже Раска. Как он однажды признался Десс — просто не выдержал постоянного давления. Когда отец узнал о нежелании сына становиться маршалом, о его горячей ненависти к Системе и к ее правилам, то просто перестал его замечать. Ангес в одночасье стал изгоем в собственном доме — в доме, где за обеденным столом велись разговоры о политике, благах Системы, ее созданиях — синтах, которые с каждым годом становились все совершеннее и все больше

облегчали людям жизнь. Ангес — тогда еще пятнадцатилетний мальчишка — чувствовал себя лишним, не нужным и не любимым собственной семьей.

Ему просто не оставили выбора — хотя и выражалось это не в прямом приказе, не в предъявлении ультиматума, а в холодном молчаливом равнодушии. Кто, как не Десс, мог знать, что последнее гораздо страшнее. Ангес все же поступил в академию и со временем стал одним из лучших ее учеников, но по-прежнему не разделял рвения Раска и Десс сменить серо-черную форму кадета на бело-черную.

История Блэки начиналась примерно так же, но закончилась иначе — их отец быстро понял, что маршала из вечно витающей в облаках дочери не выйдет, как бы он этого ни хотел. Блэки была безмерно счастлива, что ее наконец остарили в покое и представили самой распоряжаться собственной судьбой. Десс, правда, сомневалась, что из этого выйдет толк. Младшая сестра представлялась ей эдаким нежным цветком посреди безжалостной пустыни. Нелегко ей придется в этом мире...

— А тебе не кажется... мmm... неправильным, что людей на должность маршала будут избирать прако? То есть синтетики? — изогнув бровь, спросил Ангес Десс.

— Опять ты за свое, — раздраженно бросил Раск. Ангес сделал вид, что его не слышит. Повернув голову, он пытливо смотрел на Десс, ожидая ее ответа.

— Прако как никто другой знает, кто именно достоин защищать Систему. Они ведь созданы ею, — уверенно отзвалась она.

Ангес протяжно вздохнул. Он никогда не разделял взгляды Раска и Десс на Систему и готов был спорить до хрипоты.

— Вот именно, Десс! Какими бы совершенными не были синты, они — лишь творение человека. Роботы. Попросту говоря, умные машины.

— Не просто умные, — скривившись, бросила она. — Гениальные, совершенные. Создатели не просто слепили из кусков железа подобие человека, они вложили в синтов частицу своего разума, наделили собственным сознанием, мышлением и логикой! Если бы я была романтиком, то сказала бы, что Создатели вложили в синтетиков часть своей души.

О Создателях и их гениальных творениях Десс знала все. Или же почти все. Их личности оставались в тени, что лишний раз свидетельствовало о них как о людях, которых не интересовало ничего, кроме благополучия жителей государства. Именно Создатели разработали Систему. Создатели оградили Бене-Исс от всего остального мира — дикого, невероятно опасного. Точнее, того, что от него осталось. Они буквально собирали город по частям, десятки лет спустя превратив его в техногенный рай.

— И все равно это не дает им права распоряжаться человеческими судьбами, — стоял на своем Ангес.

Раску уже порядком надоела их дискуссия, повторяющаяся изо дня в день с завидной регулярностью. Он застыл у входа в тренировочный зал, приветственно махая однокурсницам. Послышались игривые девичьи смешки.

— Разве? — Десс многозначительно вскинула бровь. — Не забывай, синты обладают лишь логи-

кой — чистой, не замутненной человеческими эмоциями. Если надо убить, они убьют, не терзаясь муками совести. Если нужно выполнить приказ Системы, они это сделают, каким бы он ни был и кто бы ни стоял перед ними — хромой щенок, маленькая девочка или сам Создатель! — выпалила она.

— И ты считаешь, что это правильно? — спросил Ангес. Ей показалось или в его взгляде и впрямь мелькнуло разочарование? — Что бы ты сделала, если бы Система приказала тебе арестовать собственного отца? Или Блэки?

— Этого никогда бы не случилось, — твердо ответила Десс. — Просто потому, что мы знаем правила. Мы уважаем Систему.

Он молчал, странно улыбаясь — уголки губ дергались и тут же опускались. Качая головой, заглянул в ее лицо и тихо произнес:

— И все-таки. Что бы ты сделала?

Десс молчала, Ангес знал ответ. И она его знала. Система не ошибается.

А маршалы не имеют права колебаться.

Глава третья

БЛЭКИ

Небо за сверкающими окнами школы было хмурым и тусклым. Грязно-серое, оно словно просило поскорее его отмыть.

Она еле дождалась конца уроков. Мысли сегодня бродили где-то далеко от своей хозяйки. Блэки прослушала вопрос учительницы и чуть не заработала низкую отметку. Отец был бы разо-

чарован. Впрочем, ему не привыкать — он любил разочаровываться в ней. Неторопливо прохаживаясь по коридору, чьи стены едва не сотрясались от гомона взбудораженной свободой толпы, Блэки не сумела сдержать расстроенного вздоха. Конечно, до Десс — сильной, ловкой, всегда уверенной в себе — ей было далеко.

Блэки всегда отличалась особенной наблюдательностью. Помнится, в детстве она спрашивала мать: могло ли быть такое, что ее подменили в роддоме? Слишком уж она была... другой. Даже для своей собственной семьи. Маму тогда позабавил ее вопрос. В памяти остались смеющиеся голубые глаза, задорный смех. «Нет, солнышко, Система не допустила бы подобной ошибки».

И снова эта вездесущая Система. Даже в мыслях, даже в воспоминаниях, где царствовала мама.

Блэки снова вздохнула, покрепче прижала к груди тетрадь — словно щит, замаскированный под желтевшую от времени бумагу. Старье, как сказала бы ехидница Десс.

Она с невольным облегчением покинула здание школы, спустилась по ступеням выходящей во двор лестницы. Вполуха слушая разговоры одноклассников, скользя рассеянным взглядом по взмывающим вверх аэромобилям, Блэки думала о матери. Папа не разрешал сестрам видеться с ней. Говорил, что их мать уже другая — не та, которую они знали. И лучше они будут помнить ее той, прежней, чем увидят и почувствуют... что? Разочарование? Боль?

Что вообще чувствовали люди, сталкиваясь с родными, пережившими Изменение?

Блэки не знала. Она хотела увидеть маму, и не важно, как сильно та изменилась. Ведь руки, которыми она баюкала «малышку Блэ», голос, который напевал любимую колыбельную, глаза, которые умели смеяться, — все это по-прежнему принадлежало ей. Но папе не объяснишь... А Блэки не умела отстаивать свою точку зрения — как это умела делать Десс. Вот если бы сестра вступилась за нее, если бы она настоящая... Но Десс была слишком увлечена академией. Полностью зациклилась на своем будущем и совсем позабыла о прошлом.

Иной раз, задыхаясь от тоски, переживая из-за очередной ссоры с отцом или Десс, Блэки, тихо рыдая в подушку, мысленно взывала к матери. Корила, что та оставила их однажды. Это решение — чем бы оно ни было продиктовано — повлекло серьезные последствия для всех них. Системе не нравилось, когда кто-то нарушал правила. Когда мама собрала свои вещи и объявила, что уходит от мужа и забирает с собой детей, Системе тут же стало об этом известно. Слишком ли громкой была ссора или слишком любопытны и остры на слух соседи — теперь уже никто не скажет. Как бы то ни было, но спустя несколько минут входная дверь открылась, впуская незванных гостей — именно в тот момент, когда мать, держа в одной руке чемодан, а другой схватив за руку сонную Блэки в пижамке с заячьими ушками на капюшоне, тянула ее к выходу. Реконструкторы зашли без стука — им никогда не требовалось приглашение.

Блэки тогда была слишком испугана, чтобы как следует их рассмотреть. Но в ее памяти навсегда

остались высокие фигуры в черном, в черных масках вместо лиц, с серебристой горизонтальной полосой вместо глаз. Тогда они представлялись ей некими монстрами, лишь притворившимися людьми. Впрочем, это было не так уж далеко от истины.

Мама никогда не давала себя в обиду. И тот день исключением не стал. Наверное, если бы ей предоставили выбор, если бы рассказали о последствиях, то она повела себя иначе. Если бы она только знала...

Отшвырнув чемодан, мама оттолкнула плечом одного из Реконструкторов и, вылетев за порог, бросилась бежать. Блэки бежала рядом, намертво вцепившись в ее руку. Их нагнали очень быстро, просто не дали ни единого шанса скрыться. Реконструктор подхватил Блэки, чей пушистый тапочек с мордой белого зайчонка некстати зацепился о камень во дворе.

Мама закричала, чтобы они не смели отбирать у нее малышку. А малышка бессильно билась в чужих руках. Ощущения до сих пор были так живы — почти осязаемы. Больше всего Блэки пугала не хватка незнакомых мужских рук, а то, что они ничем не пахли. Совсем. От папиных рук часто исходил еле уловимый запах сигаретного дыма — электронные сигары он не любил, от маминых — нежный запах мыла или с приятной ноткой горечи — духов. Но эти руки не пахли ничем и... они были ни холодными, ни теплыми... никакими. Первое, что тогда ей пришло на ум — а она давно научилась воспринимать мир не одними лишь глазами, — что руки были мертвыми. Но стихийная мысль, пришедшая следом, поправила: не мертвыми — кукольными. Искусственными. И от

этой мысли она разревелась — ей было безумно страшно находиться в этих искусственных руках.

Для любой матери плач ребенка — как самая громкая, самая тревожная и пугающая сирена. Боль ребенка — как некий ментальный хлыст, обостряющий все инстинкты и эмоции.

Мама Блэки услышала крик своего испуганного до одури дитяти, и просто не могла оставаться в стороне. Подлетела, как разъяренная фурия, как хищная птица. Стремительно наклонившись к земле, подняла тот самый камень, о который споткнулась Блэки. И с силой приложила им по искусственной голове человека в черном.

Разумеется, ни к чему хорошему это не привело. Реконструктор не выпустил Блэки из стальной хватки, а ее матери так и не удалось сбежать. Зато ее действия расценили как агрессию. Сопротивление Реконструкторам, попытка нападения, попытка побега, попытка уйти из семьи — а значит, поставить под сомнение правоту Системы, грубо нарушить ее правила.

Блэки оставалось лишь бессильно наблюдать, как Реконструкторы скрутили руки ее матери и затолкнули в серебристо-черный гироплан.

С тех пор она не видела маму. И с каждым днем, с каждой недомолвкой отца и его попыткой уйти от правды в ней все больше крепла уверенность, что мама все-таки сумела вырваться из лап Реконструкторов. Что она покинула Бене-Исс, эту огромную, роскошную, но все же клетку, с которой Система ни на секунду не спускала свой пристальный взор.

Шестиэтажное здание школы, сияющий чистотой внутренний двор с его идеально ровной, идеально

зеленой лужайкой остался позади. Над головой Блэки по воздушной дороге сновали аэромобили. Один раз пронесся и серебристо-черный гироплан. Сердце девочки екнуло, вновь нахлынули старательно спрятанные в складки сознания воспоминания. Мимо проносились молодые и не очень люди на ховербордах — простых, внешне незамысловатых или же модных, сверкающих неоном.

А Блэки шла пешком, притягивая к себе косые и несколько удивленные взгляды. Люди постепенно разучивались ходить — просто прогуливаться по улицам без всякой причины. Ощущать под ногами не доску или днище аэромобиля, а гладкий асфальт. Магнитные полосы испещряли все пространство Бене-Исс, пронизывали его стальными венами, словно подталкивая людей встать на магнитную доску, скоростью и высотой выделяться из все больше редеющей толпы пеших прохожих.

Блэки и сама любила ощущение полета, ветер в волосах и холодок на щеках. Но скорость стирала краски и запахи, заглушала своим свистом звуки, которые издавал огромный, противоречивый стальной организм — Бене-Исс. Поэтому Блэки, даже имея в копилке достаточно денег, которые выдавал ей отец на «карманные расходы», предпочитала после школы добираться до дома пешком. На это уходила пара часов, но их нельзя назвать напрасным времяпрепровождением — это был лишний повод рассмотреть окружающий ее мир в самых мельчайших деталях, заметить то, что не удалось заметить прежде. Изо дня в день она выбирала новую дорогу, поставив себе задачу исследовать каждый уголок

родного квартала, и постоянно открывала что-то неизвестное для себя.

По мощеной дорожке Блэки спустилась к Старым прудам — ее маленькому островку спокойствия и уединения. Это было одно из немногих мест в городе, которых модернизация почти не коснулась — не слышно было шумных аттракционов, вода была настоящей, а не той серебристо-голубой субстанцией, на которую транслировалось голограммическое изображение водорослей и рыбок — золотых и пестрых, как на Центральных прудах Шерасского квартала. Не было и фонтанов, исторгающих из самого центра прудов водяные струи, которые, изгинаясь, принимали самые невозможные формы, а затем обрушивались вниз и распадались на сотни мельчайших брызг.

Был лишь каскад из четырех чистейших прудов, отделенных друг от друга пешеходными аллеями, да скамейки, аккуратно выстроившиеся вдоль набережной. И тишина, изредка нарушаемая пролетающим над головой аэромобилем.

Блэки с наслаждением втянула в себя свежий воздух и медленно выдохнула. Забравшись с ногами на причудливую резную скамью, оглядела пруды прищуренным взглядом. Солнце слепило, а она практически никогда не надевала визор. Благодаря живому воображению и умению улавливать малейшие оттенки голоса ей не нужно было видеть лица собеседника, чтобы понять, когда он хмурится, злился или улыбается. Только дужка наушника за правым ухом была неизменна, но не потому, что ежеминутно разрывалась от звонков. Блэки привыкла слышать го-

лоса только двух, самых близких ей людей. Но большего ей и не требовалось.

Сегодня на прудах она оказалась не одна — что уже само по себе удивительно. Молодая пара — по возрасту чуть старше Десс — прогуливалась рука об руку. Парень с красивым мужественным лицом смотрел прямо перед собой и говорил что-то своей подруге. Девушка смеялась, изредка заправляя падающую на лицо прядь светлых волос обратно за ухо. Выходило это у нее совершенно искренне и совсем не кокетливо.

Блэки, задумчиво оглядев незнакомку, мысленно окрасила ее в серебристый цвет. Таким ей казался ее смех — хрустальным, нежным, как множество колокольчиков. Присмотрелась к ее спутнику. Четкий, гордый профиль, под тонкой тканью футболки вырисовываются крепкие мышцы. Блэки воспринимала его чуть иначе. Темно-серым, цвета пасмурного неба. Сдержанный, сильный — именно таким она хотела видеть своего будущего избранника.

Блэки любила определять в людях подходящий им цвет. Если бы Десс признала о ее невинной забаве, всенепременно подняла бы на смех. Ей не объяснишь, что многие вещи Блэки привыкла видеть иначе. Когда долго пребываешь в одиночестве, невольно придумываешь себе увлечения, какими бы странными они ни казались. Чем больше проводишь времени наедине с самой собой, тем больше отыскиваешь в своей душе потаенных уголков, незаметных для посторонних.

Воображение рисовало Блэки совершенно другой мир — принадлежащий ей одной и не допускающий чужого грубого вмешательства.

В этом ее фантазийном мире, где царствовали цвета, звуки и ощущения, Десс принадлежал бордовый цвет — цвет силы, ярости, внутреннего напора. А ей — темно-синий, спокойный и глубокий, как море, которое она видела лишь однажды — во время ее единственного, но запомнившегося на всю жизнь посещения Сомнирума.

Блэки вынырнула из глубин памяти, положила на колени тетрадь и вооружилась ручкой. Быстро набросала портрет пары — она не слишком была сильна в рисовании, но это помогало лучше прочувствовать момент. Задумчиво глядя на свое творение, Блэки попыталась понять: кто они, эти двое? Как давно знакомы, что значат друг для друга? Просто друзья, влюбленные или даже супруги? Как часто ссорятся? Есть ли у них собственные традиции — вроде поедания шоколадного мороженого за просмотром видеовизора по воскресеньям?

Она задумчиво полистала тетрадь. Страницы приятно шуршали, кончики пальцев ощущали шероховатость бумаги. Листы похрустывали от пролитых на них чернил и графитовых зарисовок. Пометки, наблюдения, мысли, подслушанные когда-то удачные диалоги, цитаты, слова, подчеркнутые жирными линиями — кусочки одного большого пазла. Когда Блэки будет готова, она его соберет.

Девочка предвкушала этот момент. Книга о Бене-Исс должна была стать делом всей ее жизни. Блэки хотела написать историю, которая изменит представление граждан города-государства о мире, в котором они живут. О людях, которые их окружают. О Системе и ее механических слугах.

Поэтому каждый божий день Блэки скрупулезно записывала в толстую тетрадь все, что видела и слышала. Слова кружились в голове в ожидании подходящего часа, чтобы выплеснуться на бумагу. Перед глазами вставали эпизоды из жизни выдуманных ею героев, которых и не существовало вовсе — но Блэки видела их так отчетливо, так ясно ощущала все их эмоции, что и сама начинала верить в собственную фантазию.

И она чувствовала себя ответственной за то, чтобы донести истории этих людей всему Бене-Исс. Правко называли себя вестниками Системы. Блэки же хотела стать голосом, вестницей живых.

И пусть она была странноватой для других одиночкой, лишенной друзей и популярности, за которой так гнались сверстники. Пусть Система лишила ее матери, в одночасье разрушив и без того невеселую жизнь. Одного Система не могла отобрать у Блэки — ее мечту.

Глава четвертая НАРУШИТЕЛЬ

Харт парил над землей на стареньком ховерборде. Впервые любимое увлечение не приносило никакого удовольствия. Все его мысли сейчас занимала Элси. Чертовый список электов, с которыми ее свела Система. Испуг, заполнивший прекрасные глаза девушки, когда она услышала предупреждение. Элси — одна из многих, для которых правила Системы были непреложны и нерушимы.

Что делать со всем этим, Харт не знал.

Стеклянные двери института приветливо распахнулись, впуская его внутрь. Он ловко соскочил с магнитной доски. Выдвинув панель, сложил ховерборд и закинул в свой шкафчик. В коридорах учебного корпуса царило оживление. Девушки, сбившись в стайки, вдохновлено о чем-то шептались, парни громогласно обсуждали последнюю игру.

Харт обменялся парой приветственных фраз с однокурсниками. От него не укрылись их сочувствующие взгляды — все здесь знали о нем и Элси. И, разумеется, уже знали о том, что его в списках ее электров не было. В городе, где любительского дрона едва ли можно было отличить от дрона Системы, где сообщениями по визору обменивались со скоростью звука, где можно скачать на видеовизор шпионскую программу и наблюдать за жизнью соседей, устроив себе персональный развлекательный канал, не было шансов что-то утаить.

Слушая голоса, скользя взглядом по лицам, Харт не мог избавиться от навязчивых мыслей, что именно благодаря кому-то из них Система узнала о несовпадении данных его анкеты с реальными данными. Ведь если список фильмов, которые Харт закачивал из Сети на видеовизор, был действительно Системе доступен, то что насчет всего остального? Откуда Система могла знать о книгах, которые он читал, всегда старательно пряча в непроницаемую обложку? В электронном виде таких книг не существовало — не одобренные Системой, они были попросту стерты из Сети. Откуда знала о музыке, которую он слушал?

Кто-то из этих людей, сейчас глядящих на него честными глазами, предал его. Ради благ Системы стал осведомителем. Стукачом.

Стало мерзко. Даже если он ошибался и его со-курсники к доносам были непричастны, ему не нужно было их сочувствие. Ему нужна была Элси.

Харт прошел в туалет, плеснул холодной воды на щеки. Зеркало со встроенным чипом не преминуло отметить его нездоровий цвет лица и голосом Системы учитиво поинтересовалось, не хочет ли он посетить доктора. Харт беззвучно выругался. Даже здесь невозможно побывать в одиночестве.

Он вышел из туалета и нос к носу столкнулся с «учебным» дроном-наблюдателем. Тот прошелся синими линиями по лицу и, просканировав, сообщил, что лекция началась семь минут назад. Назвал номер аудитории и проследил, чтобы Харт послушно поднялся на второй этаж. Поплыл прочь — отслеживать других нарушителей дисциплины. Как только дрон скрылся из виду, Харт взбежал на этаж выше. Осторожно выглянул из-за угла, но курирующего этот сектор наблюдателя не увидел.

Стихийно возникшее желание прогулять лекцию вдруг показалось очень заманчивым. Харт посмеивался над самим собой — нарушая правила, он словно бы мстил Системе. И плевать, что ей, по большому счету, до него не было никакого дела.

Он преодолел пустой коридор. Замер у огромного, в пол, окна, выходящего на внутренний двор кампуса. Тишина стояла невероятная, казалось, можно ножом резать — звуконепроницаемые двери не пропускали голосов лекторов и учеников. Но внезапно внимание Харта привлек какой-то посторонний шум. Повернув голову, он увидел уборщика — высокого громилу с непривлекательным лицом. Несмотря на

жутковатую внешность, уборщик был самым спокойным и миролюбивым человеком из всех, кого знал Харт.

Он был Измененным.

Харт помрачнел. Некстати в голову полезли мысли о Чертеже, к которой — по словам его недавней знакомой праэко — он неумолимо приближался. И все из-за чего? Из-за чтения запрещенных книг, из-за музыки, которая казалась Системе слишком агрессивной? Идиотизм.

Судя по тому, насколько уборщик — столько лет учась в институте, Харт так и не узнал его имени — был спокоен, даже апатичен, Реконструкторы хорошенько поработали над его сознанием. За все эти четыре года Харт не слышал от него и пары слов. Зато слышал, как орал на него декан, а широкоплечий громила, чей кулак легко мог оставить вмятину на голове декана, втянув голову в плечи и виновато опустив глаза, расстроенно кивал.

Что же он натворил такого, что Реконструкторы превратили его в ходячую ростовую куклу? В том, что уборщик в прошлом был убийцей, Харт даже не сомневался. Возможно, до того, как маршалы его поймали, он умудрился убить даже нескольких человек, что в Бене-Исс с его тотальным контролем — неслыханное дело. Кто знает, может, он даже убил маршала, когда тот пытался его задержать?

Харт поймал себя на том, что думает об этом с каким-то холодным любопытством. Измененных не боялись — перемены в их разуме необратимы. Человек, над которым поработали Реконструкторы, никогда больше не помыслит ни о чем подобном —

функция, отвечающая за импульсивное желание нанести вред другому человеку или же синтетику, стерта из его сознания.

Институт вполне мог позволить себе роботов-уборщиков — компактные машины, наводящие чистоту с ненавязчивым журчанием. Но Система обязывала государственные учреждения нанимать на простую физическую работу Измененных. Весьма похвальное с ее стороны решение — ведь шансы попасть на какое-нибудь серьезное место у них были равны нулю. Возможно также, Система пыталась показать гражданам, что Измененные — обычные люди, успешно излечившиеся от тяжелой болезни.

Все эти годы Харт именно так Измененных и воспринимал. И только сейчас в голову вдруг закралось подозрение: а что, если они были слугами Системы — такими же, как празко или маршалы?

Эта мысль прочно засела в сознании Харта. Кто-то ведь сдал его! И если это не сокурсники — он в жизни бы не признался им в том, что читает и слушает запрещенные вещи, не Элси и не его мать, которые хоть и знали обо всех его проступках, но никогда бы не предали его, тогда кто? Почему бы этим «кем-то» не мог быть двухметровый амбал с вечно невозмутимым лицом и апатичным взглядом? Что, если Измененные были вынуждены следить за людьми — в наказание за свои прошлые прегрешения?

Харт медленно выдохнул, глядя, как уборщик елизит по полу тряпкой. Кажется, у него уже началась мания преследования. Или нет?

Пройдя мимо Измененного, Харт направился вниз по лестнице. Ему удалось избежать встречи

с дроном-наблюдателем и без особых препятствий покинуть здание института.

Дом встретил его настороженной тишиной. Стены молчали — мама так и не собралась купить систему управления домом, подобную той, что была у Элси. Она вообще не слишком-то жаловала новейшие технологии, ворчала, что и без них можно прекрасно обойтись.

Мать была на работе, отец — в очередной командировке, на другом конце Бене-Исс. Командировка затягивалась, но Харта это не удивляло. Его визиты домой год от года становились все более редкими и краткими. Харт не мог не замечать, что отношения между отцом и матерью уже давно не были прежними — от них так и веяло прохладой. Но... Система никогда бы не одобрила развод, а потому родителям приходилось делать вид, что они счастливы в браке. Харт часто задавался вопросом: упрекала ли себя его мать в том, что много лет назад из списка депутатов выбрала именно имя отца?

Не зная, чем убить время, Харт прошел в комнату, коснулся панели на интерактивном столе. Дисплей ожил, приветствуя его неизменной надписью. Нежным девичьим голоском сообщил, что у него пониженное давление, а также низкая отметка на шкале настроения. Харт до сих пор не знал, как относиться к подобным заявлениям программы, но сложно было игнорировать тот факт, что она никогда не ошибалась. Вот и сейчас, распознав его мрачный настрой, предложила на выбор несколько развлекательных фильмов. Харт отказался.

— Элси, открой папку «Элси», — сказал он, чувствуя себя как-то глупо.

Да, он назвал искусственный интеллект именем любимой девушки. Ну и что здесь такого? Когда интерактивный стол — подарок мамы на его совершеннолетие — был установлен в его комнате, а затем попросил выбрать имя для программы, он не сомневался ни минуты.

Элси-программа послушно выполнила его приказ. Одно касание — и настоящая Элси улыбалась ему с дисплея. Сияющая кожа, сияющие глаза. В ней всегда был какой-то внутренний свет, согревающий окружающих. Чуткая, внимательная, неравнодушная к проблемам других, даже чужих ей людей.

Созерцание фотографий любимой совсем не помогало восстановить душевное равновесие. Скорее наоборот. Когда Харт в очередной раз коснулся панели, чтобы получше рассмотреть фото, «Элси» обеспокоенно отметила, что его текущее настроение «перешло в фазу зарождающейся депрессии». Вместо того чтобы повиноваться движениям пальцев Харта по сенсорной панели и увеличить фото возлюбленной, на котором она в белом купальнике бродила по песку, ее прототип вывела на экран рекламу «Блисса». Наставительно произнесла:

— Система рекомендует вам использовать синтетический коктейль «Блисс» для улучшения настроения, повышения физической активности, поднятия общего тонуса, снижения раздражительности...

Синтетические коктейли были совершенно безопасны для здоровья — так, во всяком случае, утверждала реклама. В них не содержалось запрещенных веществ, но благодаря своей секретной рецептуре и не менее таинственным «гормонам сча-

стья» «Блесс» положительным образом влиял на настроение и эмоции.

Безусловно, Системе не нужны были недовольные — ведь они могли стать причиной бунта или агрессии. Счастливые люди с улыбкой на губах — вот что ей было нужно. Залог безопасности, который обеспечивался за счет недорогих — а значит, доступных любому слою населения — синтетических коктейлей.

И все бы ничего, если бы не одно «но» — слухи, робкие, произносимые лишь приглушенным шепотом, за тщательно запертыми дверями и занавешенными окнами. О том, что в «Блессе» могли содержаться компоненты, подавляющие волю. Харт слышал это от двух человек, мнению которых действительно доверял, — от Элси и от его старого школьного друга Нескиля. И до недавних пор в подобное не верил. Пил коктейли, как любой нормальный молодой человек, желающий чуточку развлечься, — на шумных вечеринках, дома, перед видеовизором, в неспешной прогулке по Бене-Исс.

Но теперь... Как знать, вдруг правы были Элси с Нескилем, а он — неправ? Система, выдумавшая пресловутую Черту как способ понять, когда человек перешел в фазу, требующую вмешательства в его сознание, и не на такое способна.

Не сводя глаз с серебристой баночки с неоновой надписью «Блесс», Харт медленно покачал головой. Неужели он становился параноиком?

Настроение было и впрямь ни к черту. Слишком часто в последнее время Система влияла на его жизнь, не хватало еще подавляющих волю коктейлей.

— Нет, Элси, я не хочу «Блесс».

Только проговорив это, он понял, чего же на самом деле хочет. Чтобы забыть о судьбоносном решении Системы, разрушившем его будущее, об Элси, которая вот уже сутки упорно не отвечала на его звонки, ему нужно средство посеребренное.

Харт крутанул вниз притаившуюся за ухом дужку микрофона, чтобы она оказалась у его рта, и, коснувшись кнопки, негромко произнес: «Берк Нарано».

В наушнике зазвучала ненавязчивая мелодия. Несколько секунд — и в визоре возникло лицо Берка. Уголки его губ как всегда опущены вниз, словно он отвык улыбаться, взгляд хмурый. По его внешности и не скажешь, что Берк — отличный и компанейский парень.

— Привет, это Харт Карвел.

Несколько мгновений, пока визор настраивал отражающий экран, позволивший Берку увидеть звонившего, с его лица не сходило напряженное выражение — он явно мучительно пытался вспомнить названное имя. Это и не удивительно — к нему обращались многие, и запомнить всех по именам было практически нереально.

Как только Берк смог разглядеть Харта, лоб его разгладился, из глаз ушла настороженность.

— А, привет, — лениво отозвался он.

— Ну, во сколько вечеринка? — придав голосу беззаботности, спросил Харт.

Берк скосил глаза в сторону — должно быть, взглянул на время.

— Через полчаса, — ответил он и тут же отключился.

Вот кто был настоящим паникером. Берк не жаловал звонки, считая сотовую связь слишком уязвимой для прослушки. Но застать его дома было делом нелегким, а потому волей-неволей приходилось звонить.

Разумеется, никакой вечеринки не было и в помине. Кодовая фраза была призвана достичь сразу нескольких целей — ввести в заблуждение предполагаемые программы прослушки, продемонстрировать интерес со стороны покупателя и определить место его встречи с Берком. Короткий разговор из двух фраз — и дело почти уложено.

Харт погасил дисплей интерактивного стола, отправив тем самым искусственный интеллект в недолгую спячку, взял ховерборд и покинул дом.

Встав на доску, ощущал мимолетное удовлетворение, тут же разбившееся вдребезги от мысли об Элси, о ее ярко-красном — нет, алом — аэромобиле, об их последней поездке, закончившейся полной катастрофой. О чертовом списке в изящных пальцах, которые он так любил целовать.

Скользя по воздуху между другими ховербордистами и редкими пешеходами, Харт добрался до станции. При всем желании он не смог бы доехать до Берка на ховерборде — тот жил в другом округе громадного Бене-Исс.

Скоростной маглев домчал Харта до нужной ему остановки за двадцать минут. Квартал, в котором жил Берк, один из самых недорогих в городе. На окне его квартиры — батарея из баночек «Блисса», заманчиво сверкающих серебристыми боками в лучах солнца. Да, этот парень знал толк в конспира-

ции. Сам он, по собственному признанию, за всю свою жизнь не сделал ни глотка синтетического коктейля, вот только Системе знать об этом было совершенно незачем.

Домофон голосом Берка недовольно сказал: «Подожди». Послышалась возня, отразившаяся в динамике неясным шумом, затем дверь с приятным мелодичным звуком отворилась.

Харт юркнул в подъезд, прошел в гостеприимно распахнутую дверь квартиры. Берк снимал пустующую студию, когда-то принадлежавшую танцевальной школе. Огромное помещение с минимумом мебели идеально подходило для шумных молодежных вечеринок, которые регулярно устраивал хозяин.

Берк, одетый в щегольский костюм, стоял в коридоре, прислонившись к стене.

— Чего тебе? — спросил он, как только за спиной Харта закрылась дверь.

Не грубость, а вполне конкретный вопрос.

— Виски, — выпалил Харт, доставая карту.

Хозяин дома коротко кивнул и ушел, оставив его нетерпеливо переминаться с ноги на ногу. «Чужих ушей» в собственном доме Берк не боялся — по его словам, он тратил половину заработка на систему защиты от прослушивания.

Спустя несколько минут вернулся, неся заветную бутылку с золотисто-коричневым напитком. «Элси назвала бы его янтарным», — подумалось некстати. Берк протянул виски Харту, но тут же отвел руку назад.

— Повтори правила, — потребовал он.

Харт тяжело вздохнул, но подчинился.

— Употреблять только дома, на улицу после этого не выходить, и если меня поймают, то пенять на себя и не рассказывать о том, где достал алкоголь, — пробормотал он фразу, которую давным-давно Берк заставил его заучить.

Тот удовлетворенно кивнул и отдал бутыль. Миниатюрным аппаратом считал деньги с карты. Вновь облокотился о стену, сложив руки на груди, скользнул ленивым взглядом по лицу Харта.

— Просто скучно или случилось что?

Помедлив, он ответил:

— Случилось. Помнишь, я брал у тебя вино для девушки?

— Еще бы, — хмыкнул Берк. — Ты мне все уши прожужжал, какое она чудо. Стервой оказалась?

Харт не удержался от усмешки.

— Нет. Просто я лишним оказался. Система не сочла меня достойным электром для нее.

Берк сочувственно цокнул языком.

— Хреново, брат.

— Не то слово, — пробормотал Харт.

— В эти выходные вечеринка. Приходи, если что. И... это... Не глупи, ладно? Я не за себя сейчас переживаю.

Он понимающе кивнул. Попрощался и, спрятав бутылку в рюкзаке, вышел.

Харт понятия не имел, где и, главное, как Берк доставал алкоголь, но, судя по дизайнерским вещам парня, дело это оказалось весьма прибыльным. И вместе с тем очень опасным. Алкоголь был запрещен Системой уже несколько десятков лет и благополучно заменен на «Блисс». Система считала, что

спиртные напитки «негативно влияют на психическое состояние человека и могут стать причиной немотивированной агрессии по отношению к окружающим». Вот только многочисленных клиентов Берка подобные заявления не останавливали.

Сам Харт обращался к нему лишь пару раз. На первую встречу его, как и многих, толкнуло любопытство. И быть может, типичное подростковое желание попробовать то, что было под строжайшим запретом Системы. Второй раз он пришел к Берку, чтобы добыть для их с Элси первого свидания бутылочку вина — прочитал в одной из книг, что раньше подобный жест считался весьма романтичным. Элси его поступок не одобрила и вино пить не стала. Сам он нашел напиток слишком кислым и приторным одновременно — ужаснейшее сочетание. Вдобавок наутро болела голова, чего никогда не бывало после «Блисса» — легкого, ароматного напитка с десятками разнообразных вкусов.

Но в старых книгах, которые так любил он и которые не признавала Система, крепким алкоголем залечивали душевые раны даже самые брутальные парни. А еще им отмечали победу — какую бы то ни было. В общем, абсолютно универсальное средство.

Харт еще помнил эффект от первого напитка, который он попробовал у Берка, и сейчас был самый подходящий случай, чтобы повторить. Он просто чертовски хотел опьянеть.

Устроившись на диване перед видеовизором, Харт наполнил стакан холодным виски. Наугад выбрал развлекательный канал, пригубил терпкий напиток. Снова набрал номер Элси. Ожидание было

долгим, но ему так и не удалось увидеть в визоре проекцию ее прелестного личика и услышать голос, за эти несколько лет ставший родным.

Когда стакан опустел, темные краски «зарождающейся депрессии» чуть поблекли. Ситуация перестала казаться такой уж безвыходной, а Система — такой всемогущей. Он найдет способ переубедить Элси и заставить ее выйти на связь. Он и так лишен шанса стать ее супругом, и было бы полнейшей несправедливостью еще и лишить его возможности видеться с ней. Наверное, Элси считала, что так будет правильно, что Харту будет проще смириться с решением Системы, если она исчезнет из его поля зрения. Как говорится — с глаз долой... Вот только он был совершенно не готов ее отпустить. Элси была необходима ему как воздух.

Харт вновь заполнил стакан до краев и осушил несколькими глотками. Откинулся на спинку дивана и принял ся ждать ответного звонка возлюбленной, даже не пытаясь вникнуть в происходящее на экране.

Когда на город опустились сумерки, Харт бросил взгляд на бутылку. Наполовину полная или наполовину пустая? Криво усмехнувшись, поднялся. В голове приятно шумело, свет, казавшийся слишком ярким, бил по глазам. Добравшись до ванной, Харт понял, что с трудом сохраняет равновесие. Изнутри поднималась темная волна — смятения, раздражения, обиды.

Какого черта Элси не отвечала на его звонки?

Взглянув на себя в зеркало, Харт поморщился. Видок у него еще тот — светлые волосы всклокочены, рубашка, тщательно выглаженная утром, безжалостно смята. Скривившись своему отражению, Харт

коснулся дужки визора, вновь — в десятый, кажется, раз — пытаясь достучаться до возлюбленной.

Тишина была ему ответом.

— К черту, — решил он.

Подавил стихийно возникшее желание разбить кулаком зеркало, увидеть кровь на своей ладони и перепачканные алым осколки — на полу. Резко развернувшись, вышел из ванной.

Элси ошибалась, если считала, что несколько лет их дружбы и отношений можно перечеркнуть двадцатью чужими для нее именами.

Надеть куртку оказалось не такой уж и простой задачей. После пары безуспешных попыток Харт плонул на это неблагодарное дело и отшвырнул ее в сторону. Кое-как влез в кроссовки и открыл входную дверь, после захлопнув ее за собой с оглушительным грохотом.

Отбросив мысли о ховерборде, вызвал такси. Наспех разжевал мятную таблетку. Несмотря на запреты Берка покидать дом в алкогольном опьянении, Харт не боялся попасться с поличным. Ведь людям с подросткового возраста внушала сама Система: зачем нужен алкоголь, когда есть «Блесс»?

Такси подъехало через несколько минут — Харт даже не успел замерзнуть. Да и холода он не ощущал, несмотря на порывы не слишком ласкового ветра. Адреналин бурлил в крови, согревая ее.

Харт сел на заднее сиденье, провел карточкой по аппарату. Механический женский голос, прозвучавший из динамика, попросил подтвердить адрес. Он подтвердил. Беспилотный аэромобиль помчался по заданному маршруту.

Огни ночного Бене-Исс за окном сливались в одну сплошную линию. Харт, беспрестанно ерзая на обтянутом черной кожей сиденье, едва дождался момента приземления и сопровождавшего его равнодушного голоса: «Вы прибыли в пункт назначения».

Выпрыгнул из машины и тут же был вынужден ухватиться за столб — его качнуло так сильно, что он едва не свалился на мостовую. Харт быстро огляделся по сторонам — его счастье, что поблизости нет маршалов, которых непременно бы насторожило его поведение.

Он пересек улицу, поднялся на крыльцо. Только собрался набрать код домофона, который знал с детства, как вдруг услышал знакомый до боли смех. Порывисто обернулся. В нескольких шагах от себя увидел точеную фигурку Элси.

И она была не одна.

Руки непроизвольно сжались в кулаки. Харт попытался заставить себя расслабить мышцы — как недавно на церемонии, но не получилось. В тот раз Элси помогла ему, переплетя их пальцы. Вдохнула в него силы простым прикосновением. Тогда еще она принадлежала ему.

Теперь все изменилось.

Харт бросился вниз с крыльца. Откуда-то взялась энергия, шаг стал тверже — или же ему только так казалось. Когда до Элси оставалась лишь пара шагов, он разглядел того, кто шел с ней рядом. И смеялся, заглядывая в прелестное лицико, пытаясь поймать ее взор в полумраке.

— Ха-а-арт? — прозвучал растерянный голос возлюбленной.

Он не смотрел на нее. Все его внимание было сосредоточено на ее спутнике — высоком темноволосом парне, чуть постарше его самого. Улыбка сползла с лица брюнета, когда он увидел разъяренный взгляд Харта, его перекошенное от злости лицо.

— Как же так, Элси? — отрывисто бросил Харт, буравя глазами ее электа. — Не прошло и нескольких дней, а ты уже с другим?

— Система все равно бы меня заставила, — тихо сказала она. — Наши семьи... знакомы. Мама упросила меня сходить хотя бы на одно свидание... на одну встречу.

Харт усмехнулся, перевел взгляд на возлюбленную.

— Твоя мать никогда не одобряла наши отношения.

— Не говори так, — Элси совсем стушевалась.

Он шагнул вперед. Хотел коснуться ее руки, убедить, что еще не поздно все исправить. Хотел сказать, что любит ее и не позволит Системе разрушить их отношения. И что он готов ждать ее — столько, сколько будет нужно.

Элси отступила на шаг. Его рука вместо девичьей ладони схватила лишь воздух.

— Тебе нельзя ко мне подходить, забыл? — вполголоса произнесла она.

Харту захотелось накричать на нее — безвольную, безучастную, способную думать лишь о том, как бы не попасться всевидящему оку Системы.

— Элси права. Тебе лучше уйти, — внезапно нарушил молчание брюнет.

Брови Харта поползли вверх. Ему совсем не понравилось, как имя Элси прозвучало в устах это-

го проклятого электа. И что это за выпад? Он что, возомнил себя героем, защищающим милашку от хулигана?

— Что ты говоришь... — Харт сжал челюсти так, что они заныли.

— Система одобряет наши отношения, — избегая встречаться с ним взглядом, проговорил брюнет. — И наш брак. Тебе не место рядом с Элси.

Харт убеждал себя, что должен сдержаться ради любимой — убеждал с того самого момента, как только увидел холеную физиономию ее электа так близко от ее лица. Но теперь, после одной неосторожно брошенной парнем фразы, почувствовал, что теряет над собой контроль.

— Брак, говоришь?

Он сделал шаг вперед.

— Тебе нельзя приближаться к Элси, если ты не хочешь неприятностей, — голос брюнета потерял былую решимость.

Харт демонстративно шагнул вбок — подальше от Элси, но поближе к ее «защитнику».

— Ты прав, — лениво сказал он. — К ней мне приближаться нельзя. А вот к тебе — можно.

Слишком медленно брюнет вскидывал голову, слишком поздно появилось понимание в его глазах. Он попытался отскочить в сторону — несомненно, очень храбрый поступок — но было уже поздно. Кулак Харта с хрустом вошел в его челюсть, смеющая ее в противоестественное положение. Элси вскрикнула — то ли от испуга, то ли от негодования. Хотела броситься на подмогу пострадавшему, но, взглянув куда-то поверх плеча Харта, растерян-

но замерла. Глаза ее округлились, зрачки заполнил ужас.

Инстинкт самосохранения взвыл тревожной сиреной. Харт рванул вперед, задев плечом электа... и упал навзничь, сраженный ударом парализующего бластера.

Его не удосужились поднять или перевернуть на спину, чтобы он смог увидеть схватившего его маршала. Уткнувшись лицом в плитку, он ощутил прикосновение холодного металла к подушечке пальца. Несколько мгновений ушло на то, чтобы Система распознала его отпечаток.

Харт все еще был парализован, когда над его ухом прозвучали страшные слова:

— Харт Карвел, вы пересекли Черту.

Он все еще был парализован, когда за ним пришли Реконструкторы.

Глава пятая

ВЫБОР

— Ну, давай же! — подзадоривала Десс Ласмина. Сжав руки в кулаки, она кружила по арене в ожидании подходящего момента, чтобы напасть.

Прославившая первоклассной стервой альбиноска была одной из главных соперниц Десс на предстоящих Испытаниях. Конечно, форма маршала достанется не одному, а нескольким ученикам академии, но ей все же не хотелось ударить в грязь лицом, проиграв в схватке сильной противнице.

Комиссия, состоящая из одних лишь практо, прибыла в академию совершенно неожиданно — на ме-

сяц раньше оговоренного срока. Как догадывалась Десс, праэко сделали это намеренно, чтобы застать кадетов врасплох и в полной мере оценить, насколько они готовы к тому, что ждет их за стенами академии.

Альбиноска подлетела к ней, выбросила вперед кулак, целясь в подбородок. Десс удалось в последний момент отклониться. Развернувшись, сжала рукой плечо соперницы, а другой рукой с силой ударила в живот. Ласмина ахнула и согнулась пополам. Воспользовавшись беспомощным положением соперницы, Десс ударила согнутым коленом по ее лицу.

Из разбитого носа Ласмины бежала кровь, капавшаяся слишком яркой на белой коже альбиноски, руку она прижимала к животу, но сдаваться не собиралась. Разогнувшись, выставила блок, защищая лицо. Рванула вперед, ударила, метя в живот. Десс отбила ее руку и в тот же миг поняла, что это был лишь обманный выпад. Поняла и то, что, потеряв драгоценные секунды, не успевает среагировать на удар.

Кулак пришелся прямо в скулу. Десс вскрикнула от неожиданности и отшатнулась. Но тут же, не обращая внимания на слепящую боль, бросилась на соперницу. Если Ласмина думала, что ее удар окажется безнаказанным, она сильно ошибалась.

Десс пригнулась. Перенеся вес на правую ногу, левую выбросила вперед. Ступня в кожаном ботинке врезалась в живот альбиноски. Удар под коленную чашечку, толчок — и Ласмина рухнула на каменную арену.

Тяжело дыша, альбиноска подняла вверх скрещенные руки. Светлые глаза с ненавистью смотрели

ли на противницу. Она признала поражение — перед Десс и, главное, перед прайко — безмолвными и безучастными свидетелями боя.

К краю арены подошел тренер Гай.

— Неплохо, — одобрительно сказал он Десс, помогая ей спуститься вниз.

Прайко же хранили молчание. По их хладнокровным, почти кукольным лицам и застывшим взглядам невозможно было понять — произвела ли Десс на них впечатление или же все ее усилия оказались тщетными.

— Что теперь? — спросила она у Гая, машинально потирая разбитую скулу.

Тренер усмехнулся, глядя на нее с высоты своего роста.

— Отдыхай. Хоть ты и победила в схватке, но не я выношу решение. Возможно, для тебя Испытания еще не закончены.

Если это так, то Десс, действительно, хотя бы на какое-то время требовался покой. Разбитую щеку жгло огнем, болели ребра — кажется, она сломала одно из них. Нужно наведаться к медику, который за короткое время приведет ее в состояние боевой готовности.

Ни в коем случае нельзя расслабляться — неизвестно, когда прайко вновь вызовут ее на бой с очередным претендентом на звание маршала.

Десс отправилась в раздевалку. Стоя к ней вполоборота, кадетка-первокурсница — кажется, ее звали Кина — смотрела видео на голограмическом планшете. Увлеченная происходящим на дисплее, она не услышала, как зашла Десс. Подхихикивая себе под нос, Кина промотала ролик на начало.

Рука Десс, потянувшаяся к молнии на спине, замерла в воздухе.

Она почти ничего не знала о самой Кине — молчаливой, вечно задумчивой девушке, но слышала многое о ее семье и непростой в ней ситуации. Мать Кины отчаянно нуждалась в деньгах, и та поступила в академию только благодаря льготам, выделенным Системой. Она всегда приходила в кадетской форме — поговаривали, что так мать заставляла ее экономить на повседневной одежде и стирке. Кто-то утверждал, что другой одежды у Кины и вовсе нет — только дешевый, видавший виды пуховик, который та носила круглогодично, зимой надевая под него толстый свитер. Девушка выглядела не так уж и плохо, но от ее волос всегда исходил запах дешевого мыла с сильными синтетическими отдушками.

Десс знала, что для Кины учеба в академии — шанс всей ее жизни. Шанс вырваться из опостылевшего окружения, из бедности, из тисков матери-тирана. Поэтому всегда чувствовала к ней невольную симпатию. Девушке нелегко здесь приходилось, но она все же упрямо шла к намеченной цели, их объединявшей, — стать маршалом.

И вот теперь... Голографический планшет — вещь недешевая даже для обеспеченной семьи Десс и умопомрачительно дорогая для самой Кины. Что это может значить?

Кадетка потушила дисплей — планшет стал полупрозрачным, едва видимым. Повернулась. Улыбка стремительно исчезла с губ, как только она заметила Десс, замершую в двух шагах от нее.

— Ой, — произнесла Кина. Дернулась, едва не уронив планшет на пол.

Десс чуть нахмурилась. Ей показалось или в глазах кадетки действительно промелькнул испуг?

Словно бы невзначай Кина завела руку с планшетом за спину. Видимо, тут же поняла, насколько подозрительным казался этот жест. Улыбнулась через силу, произнесла нарочито веселым голосом:

— Ролик обалденный! Мне знакомый одолжил планшет. — Прозвучало донельзя фальшиво. Кина поморщилась, выдавила: — Хочешь посмотреть?

Десс не ответила, пристально смотря на кадетку. Вполне ожидаемо молчание подействовало лучше любых обвинительных слов. Кина торопливо спрятала планшет в рюкзак с порванной лямкой — подальше от пытливого взгляда Десс. Нервно облизнула губы, затараторила:

— Послушай, я не крала его, честное слово! Это... это подарок.

Десс по-прежнему молчала.

Кина внезапно закрыла руками лицо и разрыдалась. Плакала навзрыд, некрасиво кривя рот и шумно всхлипывая. Десс почувствовала резкий укол — то ли сочувствия, то ли брезгливости, то ли их странной и труднообъяснимой смеси.

— Я... я не крала его... Просто подобрала, — говорила Кина, перемежая слова судорожными всхлипами. — У парня... его Реконструкторы забрали. Ему сейчас точно не нужен планшет. А я... хотела его продать. Хотела просто посмотреть... но увлеклась. У меня никогда не было такой штуки... — Голос ее понизился до едва слышного шепота.

— Возможно, ему планшет больше не понадобится, — нарушила молчание Десс. — Но он — или деньги, которые можно за него выручить, — наверняка не были бы лишними для его родных. Особенно теперь, когда члена их семьи забрали Реконструкторы.

Кина зарыдала еще горше.

— Я не подумала об этом! — жалобно вскрикнула она.

Рыдания прекратились так же резко, как и начались. С покрасневшего заплаканного лица на Десс взглянули зеленые глаза. Кина подскочила к ней, схватила ее за руку. Затрясла, словно тряпичную куклу.

— Пожалуйста, не рассказывай никому! — с мольбой в голосе воскликнула она. — Я разыщу семью того парня — не знаю как, но разыщу! Отдам им планшет. Я бы отдала что-то еще, что-то свое, но... у меня больше ничего нет.

Десс высвободила руку из стальной хватки Кины. «А она куда сильнее, чем кажется на первый взгляд», — невольно отметила девушка. Глядя в глаза воровки, отчеканила:

— Ты — кадет, Кина. Ты видишь себя в будущем маршалом, но нарушаешь устав Системы?

— Я просто оступилась, — прошептала та. — Клянусь, этого никогда больше не повторится!

Она хотела сказать еще что-то, но ей не дали этого сделать — дверь раздевалки отворилась, впуская шумную группу кадеток, взбудораженных после тренировочных боев.

Одними губами Кина прошептала: «Пожалуйста», — и скрылась в коридоре, затесавшись в толпе среди серо-черных костюмов.

Десс повернулась к своему шкафчику. Шипя от боли, стащила с себя форму и переоделась в кожаные брюки и свободный топ. Схватив куртку, покинула раздевалку. Прошла несколько шагов и остановилась.

Коридор здесь разделялся — левая развилка вела к выходу из академии, правая — к лифту, благодаря которому можно было попасть в кабинеты наставников.

Десс стояла сейчас на перекрестке — и в прямом, и в переносном смысле.

Да, по-своему ей было жаль Кину — девочку, не знавшую хорошей жизни и дорогих вещей. С другой стороны — была ли достойна жалости та, что жаждала называться маршалом, но сама же нарушала устав, который они клялись соблюдать?

Отец Десс всегда говорил: тот, кто преступил закон однажды, обязательно сделает это во второй раз. Он называл это особым геном, сидящим внутри каждого преступника. Считал, что вывести его можно лишь одним способом — изменив сознание человека.

Отец всегда с презрением отзывался о старых методах «перевоспитания» — содержании в тюрьмах и сумасшедших домах — и находил их глупыми и абсолютно неэффективными. А работу Реконструкторов он уважал.

Десс решительно повернула направо. Она — будущий маршал, и ее прямой долг — предупредить Систему о нарушениях устава. Кина не оступилась — нет, она преступила закон. А преступникам не место в рядах защитников Системы.

Она замерла у двери из темного стекла. Приложила ладонь к панели в центре, и приятный механический голос известил хозяйку кабинета о прибытии кадета Десс Ларсо. Негромкая трель — и дверь приоткрылась. Наставник Вандри — смуглая высокая женщина с крепкой фигурой — стояла у стола и просматривала проекцию боя сокурсника Десс.

— Ларсо?

Повернувшись вполоборота, Вандри пристально взглянула на нее.

— Наставник Вандри, я хотела бы доложить о правонарушении, о котором мне стало известно несколько минут назад. — Десс специально подчеркнула время, чтобы дать понять: как только в ее руки попала эта информация, она тут же поспешила поделиться ею с наставницей.

Вандри ни в коем случае не должна была догадаться о ее пусть недолгих, но сомнениях.

Выдох, мысль, стрелой промелькнувшая в голове и больше похожая на самовнушение: «Ты все делаешь верно».

— Слушаю, — Вандри прищурила глаза. Невозможно понять, о чем она в тот момент думала — слишком непроницаемым было лицо, больше похожее на застывшую маску.

— Кина... кадетка первого курса... — Десс поморщилась, злясь на себя за то, что не может вспомнить ее фамилию. Да и знала ли она ее вообще когда-то? — Она совершила правонарушение — украла планшет. По ее словам, он принадлежал человеку, которого на ее глазах забрали Реконструкторы. Фа-

милии Кины я не знаю, номер шкафчика — двести тридцать четыре.

Наставник Вандри покивала.

— Хорошо. Я приму это к сведению. Можешь идти.

В тот же миг она потеряла интерес к Десс. Коснувшись дужки наушника, быстро проговорила имя, вызывая кого-то на связь.

Десс и не ожидала похвалы — она ведь как-никак лишь выполняла долг перед Системой, но все же ее несколько покоробила сдержанная реакция Вандри. Развернувшись, она покинула кабинет.

За ужином Десс ничего не рассказала семье о произошедшем. Просто знала наперед их реакцию. Блэки непременно разразится эмоциональной тирадой на тему несправедливости мира и жесткого характера сестры. Она всегда жалела окружающих и, Десс была уверена на сто процентов — нашла бы оправдание поступку Кины. А отец бы ограничился скромной фразой, смысл которой сводился бы к тому, что старшая дочь сделала то, что должна.

И стоило ли ради всего этого сотрясать воздух?

Уже лежа в кровати и проматывая в голове события прошедшего дня, Десс удовлетворенно кивнула в ответ на собственные мысли.

Она поступила правильно.

Глава шестая ТЕМПЕБРАСКО

Блэки оторвала взгляд от тетради, исписанной ее мелким почерком. Мысли путались, не желая выстраиваться в стройные логические цепочки.

Перечитав все, что написала, Блэки решительно перечеркнула строки. Все не так. Нервничая, она исчеркала поля абстрактными рисунками.

Сложно сосредоточиться, когда сидишь перед кабинетом школьного психолога. Зачем ее вызвали?

Долго гадать не пришлось. Дверь распахнулась, из комнаты донеслось:

— Блэки!

Она вскочила. Привычным жестом прижала к груди тетрадь и поспешила на зов. Войдя, осторожно прикрыла за собой дверь. Калира Мев — молодая привлекательная брюнетка — улыбнулась ей и рукой указала на стул.

— Что-то не так? — едва усевшись, с тревогой спросила Блэки. И, не дождавшись ответа, быстро проговорила: — Это из-за того, что я мало общаюсь с ребятами из класса?

Уголки губ Калиры дрогнули.

— Конечно, я замечала, что ты сторонишься других, но... вызвала тебя не поэтому. Но раз ты заговорила об этом сама, скажи: тебе не нравится здесь?

Блэки бросила на психолога испуганный взгляд.

— Что вы, школа чудесная! Просто...

— Просто что? — мягко спросила та.

Блэки помолчала. Пожала плечами.

— Меня многие считают странной. Наверное, это оправданно. Я... не знаю, о чем с ними говорить. Не умею притворяться дружелюбной, если мне кто-то не нравится.

Калира, слушая ее, рассеянно кивала. Блэки поняла, что заданный вопрос был чисто формальным

и на самом деле психолога интересовал мало. Это сбило ее с толку — зачем тогда она здесь?

— Я знаю, что ты мечтаешь написать книгу, — сказала Калира, как только девочка договорила. — О чём она будет?

Блэки окончательно стушевалась.

— О многом. Обо всем, — нехотя ответила она. Рассказывать о книге до того, как она написана — как обнажать кусочек своей души. Поведать личное, сокровенное. То, чего не должны касаться чужие грубые взгляды.

Калира Мев с пониманием кивнула, приняв ее нежелание рассказывать. Снова улыбнувшись уголками губ, положила узкие кисти на стол.

— Я просмотрела последние пройденные тобой тесты. Они выявили интересную деталь: тебе не слишком даются точные науки, но в литературе, пении и живописи твои баллы — одни из самых высоких в школе. Я прочитала твою конкурсную работу и считаю, что жюри недооценило ее потенциал. Блэки, у тебя потрясающе живое воображение!

Блэки молчала, глядя на психолога из-под нахмуренных бровей. Не для того же ее позвали, чтобы хвалить? Она все пыталась понять, что кроется за словами Калиры Мев, но пока не слишком получалось.

— Блэки, скажи мне, тебе доводилось входить в Сомнитум?

Вопрос поставил ее в тупик. Некоторое время она просто смотрела на Калиру, не зная, что сказать. Потом все же неуверенно произнесла:

— Эмм... да, несколько раз. Мы даже отправлялись туда вдвоем с Десс, без папы — у него посто-

янно не хватает на это времени. — Только договорив, Блэки поняла, что в ее словах прозвучало чуть больше горечи, чем ей бы хотелось. Она попыталась смягчить свой тон улыбкой и, пока психолог не надумала заниматься своими непосредственными обязанностями — копаться в ее прошлом и настоящем, вместо того, чтобы вести светскую беседу, торопливо добавила: — Конечно, мне безумно нравится Бене-Исс, но Сомнирум... это что-то совсем иное. Жаль, что нельзя находиться там постоянно.

Блэки вспоминала этот благоговейный трепет и жгущее кончики пальцев нетерпение, когда она держала в руках буклет «Сомнирума», листала видеографии, демонстрирующие бескрайние пустыни с золотистыми песками и дикими, но приручеными животными со светлыми, словно выжженными солнцем шкурами; океаном, бросающим пенистую волну на усеянный галькой берег; тропический рай с пальмами, увешанными гроздьями желтых фруктов, которые Блэки никогда не доводилось пробовать. Десс подпрыгивала рядом в ожидании, когда буклет — и возможность выбора — перейдет к ней. Папа благодушно посмеивался, зная, насколько манил его дочерей другой, почти неизведанный мир.

Сомнирум был соткан из отголосков прошлого их планеты. Прекрасного и манящего. Казавшегося таким настоящим. Ощущения, запахи, звуки — неподдельны. Ни разу за все время посещения Сомнирума Блэки не почувствовала фальшив в окружающем ее мире, хотя — парадокс — понимала, что это искусственно созданное.

Находясь в Сомнируме, она знала, что ест ненастоящую еду, облачается в ненастоящую одежду, в то время как там, в реальном мире, она заперта в капсуле, питающей и поддерживающей ее тело во время этого своеобразного сна. Но как поверить в это, если платье шелковой волной струится по ногам, а мороженое с корицей имеет необычайный сладко-пряный вкус. Блэки знала и то, что программа виртуального мира активирует рецепторы, чтобы она чувствовала то, что хотела. Но почему-то проще было поверить то, что Сомнирум — реален.

Корпорация «Сомнирум» предлагала и по-настоящему уникальные услуги. Путешествие не просто в отличные от Бене-Исс места, а в другое время. Век железа и пара, век балов и корсетов, век камня — любые эпохи, на самый взыскательный и изощренный вкус. Стоило это баснословно дорого, но на рабочем экране интерактивного стола у Блэки вот уже несколько лет стояла одна и та же видеография. На ней молодой мужчина с длинными волосами, стоя на коленях, целовал руку потрясающе красивой леди в бальном платье и с роскошным веером в руках.

— И в каких местах вы бывали? — прервав ее воспоминания, полюбопытствовала Калира.

— У Десс любимое место — Глайя. Джунгли. — Блэки скривилась. — Не знаю, что особенного она в них находит, но ей нравится размахивать мачете направо и налево, прорубая себе путь вперед. Там еще змеи. Конечно, я знаю, что в Сомнируме они не опасны, но... — она передернула плечами, заслужив добродушную усмешку Калиры, — ... не люблю я их, в общем. Они меня пугают. Мне больше нравит-

ся Алтрапес. Это такой райский островок посреди океана. Десс там скучно. Ей приключения подавай. А мне просто нравится бывать там. Слушать звуки, которые издает остров, сидеть на валуне, наблюдая за океаном. Встречать закаты и рассветы. Я даже как-то пробовала там писать. Здорово было.

Она мечтательно вздохнула. Калира подалась вперед и, загадочно прищурив глаза, задала неожиданный вопрос:

— А ты знаешь, кто создает Сомнирум? Благодаря кому мы видим этот мир именно таким?

Блэки подняла на нее недоуменный взгляд. Она-то думала, что это просто светская болтовня, но последние слова психолога были больше похожи на некую проверку.

— Конечно. Визуальщики, Творцы.

— Я предлагаю тебе стать одним из них, — кивнув, ошарашила ее Калира.

Блэки от удивления открыла рот. Не найдя, что сказать, захлопнула его и растерянно поморгала.

— Я? Визуальщицей?

— Почему нет? Ты обладаешь прекрасным воображением, умна и рассудительна, а потому учеба дастся тебе легко. Темпебраско — школа визуальщиков — раскроет твои таланты, превратив неограниченный камешек в изумительной чистоты бриллиант. Я более чем уверена, что из тебя выйдет отличная визуальщица.

— Никогда не думала, что мне когда-нибудь предложат подобное, — призналась Блэки. — Я даже мечтать об этом не смела! Но... я слышала... учеба там очень долгая.

— Долгая, — не стала спорить Калира. — Но это стоит того, разве нет? Только представь: ты будешь участвовать в построении целого виртуального мира!

От подобных перспектив просто захватывало дух. Блэки вообще едва могла поверить в то, что только что услышала. Ей предлагаю стать Творцом Сомнитума!

Калира наблюдала за выражением ее лица. Она не могла не понимать, что сейчас чувствует Блэки.

— Скажу тебе откровенно: времени для размышлений у тебя немного. Темпебраско принимает учеников до семнадцати лет... за очень редким исключением. Они считают, что разум юношей и девушек гораздо гибче, нежели взрослых, отсюда и возрастной ценз.

Блэки приложила ладони к разгоряченным щекам. У нее в запасе около года, но... она не хотела ждать столько. Она хотела отправиться в школу немедленно. Вот только...

Отец и Десс. Как быть с ними?

— И еще одно. Это заведение закрытого типа, с интенсивным обучением. Видеться с родными ты будешь очень редко — и лишь на территории школы. Каникулы не предусмотрены, только выходные, во время которых покидать Темпебраско ты не сможешь. Понимаю, кажется, что правила неоправданно строги, но весь смысл в том, чтобы максимально раскрыть потенциал будущего Творца. Преподаватели считают, что чем больше сосредоточенность на занятиях, чем меньше отвлекающих факторов — тем лучше результат.

Блэки протяжно выдохнула. Покидать семью, разменивая стабильность на пугающую неизвестность... С другой стороны, какой это материал для книги — увидеть Сомнирум изнутри, воочию наблюдать, как он создается, познакомиться с теми, кто сотворил огромный, потрясающе яркий и многоплановый мир.

— Я поговорю с папой.

Калира кивнула. Вынула из ящика стола формуляр.

— Твоему отцу нужно поставить свою подпись. Как только вернешься с разрешением — тут же займусь твоим зачислением.

Блэки сжала формуляр в руках и с улыбкой на губах покинула кабинет Калиры Мев. Пешком добралась до знакомой с детства улицы. Странное дело — чем меньше шагов оставалось до крыльца ее дома, тем больше таяла вера в успех. Блэки не могла предугадать реакцию отца. Но она так хотела стать кем-то значимым, стать кем-то другим, а не просто странноватой девочкой, мечтающей написать книгу! Ей представилась возможность если не изменить реальный мир, то сотворить вокруг себя мир виртуальный.

Сейчас, когда бумажные книги давно канули в лету, а электронные все больше вырождались, на смену им пришли бесконечные развлекательные шоу, программы синтов, способные «закачать» сюжет приглянувшейся книги в мозг, не тратя драгоценное время на чтение, трехмерные игровые фильмы, в которых каждый желающий мог почувствовать себя главным героем... и, конечно же, Сомнирум.

Кому нужны книги, когда есть бесконечный непознанный мир, который, при всем желании, нельзя было освоить за всю свою жизнь? Каждый день,

благодаря визуальщикам, в нем появлялись новые укромные уголки, манящие искателей приключений и новых впечатлений.

И сама Блэки, какой бы ярой почитательницей книг ни была, не могла не поддаться соблазну исследовать виртуальную реальность Сомнитума. Каждый раз, используя для входа капсулу в Лобраго — развлекательном квартале в центре Бене-Исс, она мечтала однажды установить такую капсулу дома. Стоила та безумно дорого, но... это стоило того.

Замерев перед входом, Блэки глубоко вздохнула. Набравшись решимости, отворила дверь.

— Папа?

Он стоял на кухне, наблюдал за действиями робота-помощника, готовившего курицу.

— Привет, — рассеяно отозвался он.

Блэки подошла и протянула ему формуляр. Взгляд отца скользнул по строчкам на сенсорном экране, брови удивленно взлетели вверх.

— Темпебраско? — распознать интонацию его голоса сегодня было трудно как никогда.

— Пап, это мой шанс... — робко проговорила Блэки.

— Знаю, но... — губы отца шевелились, словно он проговаривал про себя пункты договора. — Никаких каникул вне школы? Встречи с родными не чаще раза в две недели? Что это за правила такие?

Блэки повторила отцу слова Калиры о концентрации и необходимости постоянно пребывать в создаваемом мире. С другой стороны — в академии Десс правила были... мягко говоря, построже.

Словно подслушав ее мысли, со второго этажа неторопливо спустилась сестра. Костюм облегал ее

словно вторая кожа, походка была неторопливой и вальяжной — Десс всегда знала, как обратить на себя внимание и выгодно подчеркнуть все свои достоинства. В отличие от Блэки, вечно чувствующей себя неуютно рядом с эффектной сестрой.

Взгляд Десс скользнул по формуляру. Подойдя к барной стойке, она умыкнула из-под носа робота-помощника кусочек сладкого перца и захрустела, не обращая на его недовольное жужжение никакого внимания.

— Что это? — чуть нахмутившись, спросила она, кивнув на формуляр в руках отца.

— Заявление на поступление в Темпебраско.

— Ого, — рука Десс, метнувшаяся, чтобы схватить очередной кусочек перца, застыла на полупути. — Темпебраско? Школа... визуальщиков?

Блэки кивнула, из-под густой челки наблюдая за выражением лица сестры. И оно было... не слишком довольным. Но решение принимала не Десс — это успокаивало. Оставалось надеяться, что отец поймет, какие возможности перед Блэки открывает предложение психолога, которая, по всей видимости, наблюдает за школьниками и отбирает будущих учеников Темпебраско.

Визуальщик — престижная и хорошо оплачиваемая Системой профессия. Многие после окончания Темпебраско оставались работать в корпорации «Сомнитум» и о смене деятельности даже и не помышляли. Еще бы. Работа мечты: придумываешь другой мир, который впоследствии станет частью Сомнитума, да еще и получаешь за это немалые деньги.

— Пожалуйста, пап, — тихо попросила Блэки, умоляюще глядя на отца.

Десс закатила глаза и покачала головой — решительно и осуждающе. Не дожидаясь ее возражений, Блэки поднялась на второй этаж. Негромко хлопнула дверью комнаты, но осталась стоять в коридоре.

— Пап, это же безумие! — воскликнула Десс.

Настала очередь Блэки закатывать глаза. Что и требовалось доказать — ее сестра в своем репертуаре.

Ответа отца она не расслышала — он вообще редко повышал голос, предпочитая компенсировать громкость холодностью тона. Они спорили несколько минут, прежде чем Блэки, навострив уши, смогла различить слова отца, прозвучавшие немного резко:

— Десс, твоя сестра намного сильнее, чем ты привыкла думать. И... она моя дочь. Она справится.

Услышав это, Блэки улыбнулась. Билет в Темпебраско в ее кармане.

Ночью ей не спалось. Она сбила одеяло в комок, беспрестанно ворочаясь в такт беспокойным мыслям. Волнение, предвкушение, боязливое ожидание неизвестного — все сплелось воедино, заставив сон отступить.

Утром, взъерошенная и хмурая, она спустилась вниз. Отца не было, робот-помощник его голосом оповестил Блэки о срочном вызове на работу. Но на столе, рядом с тарелкой с горкой теплых гренок, лежал формуляр. С видеоподписью отца.

Блэки завизжала от восторга. Ей всего шестнадцать, а ее уже выпускают из-под родительского крыла в закрытую школу, где ей предстоит стать визуальщицей. Творцом виртуального мира.

За пять минут расправившись с гренками, Блэки позвала сестру. Та зашла на кухню и выглядела не слишком довольной. Промелькнула мысль: что, если

Десс волновалась за Блэки? Что, если, несмотря на их многочисленные ссоры и вечное непонимание, все-таки искренне любила ее?

Десс завтракать не стала, с немыслимой скоростью домчала Блэки до школы. Буркнув на прощание «пока», взмыла в воздух, сверкнув на солнце глянцевым крылом аэромобиля.

Блэки покачала головой. Но ничто сегодня не могло испортить ее чудесного настроения. Зажав в руках стопку книг, которую венчал заветный формуляр, Блэки поспешила к Калире Мев.

— Отлично! — воскликнула психолог, едва увидев видеоподпись отца Блэки. — Я подготовила все необходимые документы, одобрение с их стороны уже получено. Так что... Через пару дней ты станешь полноправной ученицей Темпебраско.

— Через пару дней? — расстроенно протянула Блэки. — Я думала, что сегодня уже буду там.

— Такая спешка совершенно не обязательна. Ты можешь спокойно собрать вещи, попрощаться с друзьями... — Калира умолкла, заметив, как Блэки многозначительно подняла бровь. — Или же можешь поехать в Темпебраско сегодня вечером. Маглев отправляется в девять.

Мысленно Блэки танцевала, в реальности же ограничилась широкой улыбкой. Она тут же поблекла, стоило лишь подумать: почему она так торопится покинуть родной дом, даже зная, что вернуться туда сможет очень нескоро?

Калира прервала ее размышления.

— Жаль, конечно, что ты покидаешь нашу школу. Но я верю, что тебя ждет большое будущее, и Темпебраско тебе в этом поможет.

— Спасибо, — искренне ответила Блэки. Собралась уйти, но неожиданная мысль заставила ее развернуться. — А что насчет оценок за предметы и результатов тестирования? Вы передали их декану Темпебраско?

— Да, конечно, об этом можешь не волноваться, — махнула рукой Калира.

Блэки удивленно вздернула брови: когда психолог успела это сделать, если только вчера днем озвучила ей предложение о переводе и лишь несколько минут назад увидела видеоподпись отца? Впрочем, это не ее дело. Главное, что уже сегодня вечером она будет на территории Темпебраско.

От учебы Блэки, естественно, освободили, поэтому ей ничего не оставалось делать, как вернуться домой и в звенящей тишине пустующей квартиры приняться собирать вещи.

Отец вернулся спустя несколько часов, когда чемодан, битком набитый книгами и вещами, стоял у порога. Сама Блэки, сидя за барной стойкой, жмурясь от удовольствия, попивала шоколадный «Блесс» со взбитыми сливками.

— Уже собралась? — удивленно спросил он. Подойдя к дочери, взъерошил ей челку, чего не делал, кажется, целую вечность. Поморщившись, она поспешно привела волосы в порядок. Но на душе потеплело.

По случаю отъезда Блэки отец заказал праздничный обед. Более того — предложил именно ей выбрать основное блюдо. Робот-помощник тут же отправился готовить мясо с сырной корочкой. Вернулась уставшая Десс — в ее академии проходили Испытания, и сестра разве что не ночевала там.

Они ужинали, беседуя по большей части о Темпебраско. Десс отмалчивалась, что было вполне ожидаемо, зато отец был непривычно разговорчив. Настоятельно просил, чтобы Блэки постоянно поддерживала связь и рассказывала ему обо всем происходящем. Мысленно вздохнув — трудно было ждать от папы, что его мания контролировать жизни дочерей куда-то исчезнет, — Блэки пообещала.

Прощание на станции получилось торопливым, скомканным и каким-то неловким. Запрыгнув, наконец, в маглев, Блэки даже вздохнула с облегчением. Нет, она уже тосковала по отцу и даже немного по Десс, но... в ней бурлило желание поскорее оказаться в Темпебраско. Увидеть, как живут будущие демиурги Сомнорума.

Теперь Блэки поняла, отчего так рвалась туда. Дело было даже не в возможности принять участие в создании виртуального мира... а в том, что ей выпал шанс очутиться в родной стихии. Всю жизнь ощущая себя белой вороной, в школе визуальщиков — выдумщиков и фантазеров — она могла почувствовать себя среди своих.

Занятая размышлениями, Блэки не заметила, как маглев домчал ее до Темпебраско. Кроме нее, на этой станции не вышел никто. Однако ее встречали. Молодая ухоженная блондинка в светлом платье — Блэки мысленно «окрасила» ее в платиновый оттенок с золотистыми искорками — приветливо ей улыбнулась.

— Ага, ты, должно быть, Блэки! — воскликнула она. — Я — Ана Греки, куратор новичков. Можешь обращаться ко мне по любому вопросу.

Ана трещала без умолку, не давая Блэки и слова вставить. За несколько минут, что они добирались от станции до территории школы, девочка уже узнала о ней все. Ана — бывшая ученица Темпебраско, недавно обручилась со своим электом, у нее две кошки, одна из них — робот. Вместо того чтобы работать на корпорацию, создавая новые уголки бесконечного Сомнитума, Ана поняла, что ее призвание — помогать другим, передавая свой опыт и знания. Так она и стала куратором, и вот уже шесть лет обучала других созданию виртуального мира.

— Вот и пришли, — перебив собственный монолог, радостно известила Ана.

Блэки удивленно застыла перед высоченными — в два человеческих роста — воротами. Ана что-то проговорила в микрофон визора, и ворота послушно распахнулись.

Вымощенные камнями дорожки вели к исполинскому зданию. Фасад школы казался отлитым из темного стекла, на поверхности которого мелькали трехмерные видеографии, уже знакомые Блэки по буклетам. Они изображали различные уголки Сомнитума.

Похожий дизайн был и у филиала корпорации «Сомнитум», расположенного в центре Бене-Исс. Правда, там небоскреб уходил, казалось, в самое небо. Здание школы было более низким, что вполне подходило для учебного заведения.

Ана Греки обернулась к ней и, театрально разведя руками, торжественно произнесла:

— Ну что, Блэки, добро пожаловать в Темпебраско!

Часть вторая ВИРУС

Глава седьмая ЗАКЛЮЧЕННЫЙ

Путешествие на гироплане Харт запомнил плохо. Мышцы отходили от парализующего удара, а потому нещадно ныли. Его укачало, и все, о чем он мог сейчас думать — это как не выплеснуть содержимое желудка на ботинки Реконструкторов. Кто знает, что в головах у этих чертовых синтов? Разозлятся и сбросят его с высоты.

Харт не знал, что его ждет. Не знал, насколько суровым будет наказание. Но какая-то его часть, освобожденная от пут всепоглощающего страха перед Реконструкторами, торжествовала: он все-таки врезал тому парню!

Гироплан резко качнуло. Они приземлились. Наклонившись к нему, прикованному к сиденью ремнями, Реконструктор сделал что-то с его визором — тот стал черным и совершенно непроницаемым. В тот же миг хватка врезающихся в тело пут ослабла, Харта грубо подхватили под руки и куда-то потащили. Слепой, лишенный возможности ориентироваться в пространстве, он был вынужден поспевать за широким шагом синтетиков.

На эти несколько минут, что он был лишен зрения, все его остальные чувства обострились. Он

чувствовал запах химической обработки помещения — характерный, но не слишком навязчивый, но не слышал ничего, кроме оглушительных шагов Реконструкторов. Когда они замерли, побудив остановиться и его, Харт поразился тому, насколько всепоглощающей была тишина. Внезапно показалось, что он — единственный живой в этом месте. Но время все расставило на свои места.

Одобрительно пискнул замок, невидимая дверь перед его лицом открылась с мягким шумом. Его втолкнули внутрь. Снова приложились к ногам парализующим бластером — чтобы не вздумал убежать. И только потом разжали руки, заставив его сползти вниз по холодной стене. Несколько мгновений, и пелена перед глазами рассеялась — с него сдернули визор. Реконструктор демонстративно сжал его в одной руке, раздавливая и сминая. Дужка сломалась с тихим щелчком, означающим только одно — он потерял связь со всеми, кто был ему дорог. С матерью, с Элси.

Развернувшись, синт покинул комнату.

Что же он, Харт, натворил?..

Парень оглядел безукоризненно чистое, стерильное пространство комнаты. Кровать, составляющая с полом и стеной единое целое, окно, забранное мелкой решеткой, умывальник и унитаз, отгороженные задвигающейся стенкой. Откинувшись назад, он прислонился затылком к стене. Сам не заметил, как задремал.

Проснулся от дикой головной боли и судорог, безжалостно терзающих ноги. Простонал, схватился за виски, секунду спустя — за икры, изнутри горячие

огнем. Растер, пытаясь хоть немного утихомирить боль.

Он проспал несколько часов — за окном уже светало — и чувствовал себя паршиво. Память услужливо подсказала ему события прошлой ночи. Харт снова застонал — на сей раз от отчаяния. Положение, в которое он угодил, оптимизма не внушало.

Еще вчера он спокойно бродил по коридорам института, а сегодня уже считался перешедшим Черту. Нарушителем устава Системы. Отступником. И, как бы ни рассудила Система, он уже знал свой приговор — и приговором была встреча с Реконструкторами.

Он не успел подготовить себя к их приходу, не успел продумать план действий и осознать до конца, в какую же западню угодил, как дверь его комнаты почти бесшумно отъехала в сторону, впуская обласченную в серебристый костюм праэко. Молодая, даже хорошенъкая — если можно назвать хорошенъким лицо с неестественно правильными, словно вылепленными чертами и застывшей мимикой. Следом за синтетиком вошел маршал. Встал у двери, демонстративно сжимая в руках парализующий бластер. Второй — лазерный — был закреплен в кобуре на поясе.

Харт с тяжелым вздохом поднялся. Опять разговоры. Уж лучше бы сделали с ним поскорее... то, что собирались.

Тут же молнией пронзила мысль, от которой Харт бросило в холодный пот. Элси... Господи, что, если они заставят его забыть о ней? Система безжалостна, подчас безумна, но совсем не глупа. Она поймет... Поймет, что Элси — причина тому, что он угодил сюда. Она — угроза его спокойствию, свое-

образный катализатор, невольно толкающий его на действия против Системы — сначала алкоголь, потом драка с ее электом...

«Пожалуйста, только не это», — мысленно взмолился Харт.

Праэко встала напротив него.

— Харт Карвел, ты пересек Черту и по законам Системы обязан пройти процедуру изменения сознания. Свойства личности, провоцирующие агрессивное поведение, будут исправлены или — при высокой степени риска — полностью удалены.

Харт сглотнул. Не хотел показывать свою нервозность, но слова праэко, произнесенные ровным, хорошо поставленным голосом, внушали ужас.

Праэко молчала, не сводя с его лица пристального взгляда — словно желая убедиться, что он в полной мере осознал сказанное. Едва заметно кивнула и продолжила:

— Мне нужно знать, что заставило тебя пойти на преступление и приобрести алкоголь, являющийся запрещенным продуктом в Бене-Исс.

Харт мысленно напрягся. Несомненно, этот вопрос — лишь вершина айсберга. Как скоро праэко начнет расспрашивать его о том, кто снабдил его виски? И какова вероятность того, что он не расколется, когда Реконструкторы применят свои варварские методы дознания?

Головная боль вернулась с удвоенной силой. Черт, как он мог попасться так глупо!

Искренне надеясь, что праэко не умела читать по лицам, но все же не исключая подобной возможности, Харт ответил:

— Я люблю Элси. Мне невыносима мысль, что я могу ее потерять.

Он же на ее лице видел лишь явное равнодушие. И правда, какое дело синтам до любви? Была ли вообще заложена в их механический организм функция понимания таких тонких материй?

Осознав, что признанием в любви к девушке разумную механическую куклу не проймешь, Харт попробовал зайти с другой стороны:

— Я... ладно, признаюсь, я был дико взбешен. Злился на решение Системы.

Вот теперь рыбка клюнула — в неестественно ярких глазах синтетика зажегся интерес.

— Хотел натворить что-нибудь... назло Системе. Знаю, как это глупо...

— Людям свойственно совершать необдуманные поступки назло другим. Они делают это, даже понимая, что отвечать за последствия придется им самим, — бросила пражко. В ее голосе Харту почудилась презрительная нотка.

— Не могу не согласиться, — пробормотал он.

— Твое поведение Система охарактеризовала как девиантное. Среди людей это часто называется «бунтарством». Книги, которые ты читаешь, фильмы, которые смотришь. Они и воспитывают склонность к насилию, а потому проступок, который ты совершил, вполне закономерен. — Пражко скользила взглядом по лицу Харта, наблюдая, изучая, фиксируя. Ему было не по себе от пристального взгляда синта, но он изо всех сил пытался это скрыть. — Ты считаешь себя бунтарем? Чувствуешь в себе потребность выделяться из толпы? Имеешь

желание причинить кому-то боль, как сделал это вчера?

Харт не удержался от нервного смешка. Празако сейчас жутко напомнила ему школьного психолого, к которому, по строжайшему наказу матери, ему регулярно приходилось наведываться несколько лет назад. Только поняв, что его выходки не приносят должного результата, к тому же грозят матери серьезными проблемами — Система считала родителей ответственными за аморальное поведение их детей и наказывала излюбленным способом — перемещая из «белых» списков в «черные», — Харт под успокоился. И вот теперь он словно на короткое время переместился в прошлое, в белоснежный кабинет «врачевателя душ», как его мать в насмешку называла психологов.

Не за горами тот день, говорила она, когда психологов полностью заменят Реконструкторы. Зачем Системе тратить время и деньги на зарплату специалистам, наблюдающим за трудными подростками, если проблему можно решить раз и навсегда — подлатав огехи в области мозга, отвечающей за склонность к агрессии?

Слава богу, что пока это оставалось лишь словами.

— Я сказала что-то смешное? — прищурившись, отрывисто произнесла празко.

Харт покачался на носках, наблюдая за выползшим из небольшого отверстия в стене роботом-уборщиком. Теперь ясно, кого можно было благодарить за невероятную чистоту пола — в штабе Системы уборщикам-людям, даже Измененным, явно не доверяли.

— Зачем вам это? — подняв голову, спросил Харт. — Вы же все равно измените меня.

— Изменим, — хладнокровно подтвердила праэко. — Но от того, как сильно ты раскаиваешься в содеянном, зависит решение Системы о степени изменения твоего разума.

Значит, его визит к Реконструкторам — дело решенное. Он догадывался об этом, но... все же до последнего надеялся, что Изменения удастся избежать. По коже пробежал холодок, как только представил, как синт будет ковыряться в его мозгах, исправлять его.

Харт лихорадочно соображал: что сказать такого, чтобы уверить праэко в раскаянии?

— Я сожалею о том, что натворил, — не придумав ничего лучшего, проговорил он. — Это был первый раз, когда я попробовал алкоголь, и... я не знал, что он так на меня действует. Я никогда бы не поставил под угрозу чью-то жизнь...

Синт молчала, пронзая Харта взглядом бирюзовых глаз. Показывали ли датчики, встроенные в ее тело, что он лгал? Знала ли Система, что, если бы не вмешательство маршала в драку, одним ударом в челюсть Харт бы не ограничился? В его ушах до сих пор звучали слова электа Элси: «Система одобряет наши отношения. И наш брак». Слова, от которых желание пробить кулаком сияющую белизной стену становилось просто невыносимым.

Праэко покивала своим мыслям. Несспешно направилась к выходу и покинула комнату, оставив Харта гадать: распознана ли его ложь и что его ожидает дальше?

Скрылся и сопровождающий синтетика маршал. Харт проверил решетки на прочность, тут же усмехнувшись своей наивности. Обследовал отверстие в полу, в котором скрылся робот-уборщик — забавное устройство размером с человеческую ладонь. Стены не разрушить, это точно.

Харт медленно выдохнул, опустился на пол, принципиально игнорируя кровать. Его планы по возвращению Элси неосуществимы. Страшно даже представить, каким он вернется домой. В голову настойчиво лезли мысли о безвольном, апатичном громиле в институте, лишь слабом подобии полноценного человека. Харт не хотел стать таким.

Время текло невероятно медленно. Ему принесли еду — выдвижная панель в низу двери откинулась назад, кто-то снаружи втолкнул в комнату пластиковый лоток с едой — на первый взгляд, довольно аппетитной. Харту не раз доводилось читать о настоящих тюрьмах, существовавших в Бене-Исс — тогда имевшем другое название — десятки лет назад, поэтому мысленно он готовился к худшему — какой-нибудь бурде с мерзким вкусом.

Голодный, Харт буквально набросился на пищу. Насытившись, устроился на кровати, подложив под голову руки. Вновь потянулось мучительное ожидание неизвестности. В памяти всплывали обрывки прошедших дней — дней, когда ничего еще беды не предвещало. Кривясь от досады, Харт думал о том, что так и не успел рассказать Элси о своем плане. А ему нужно было знать ее реакцию. Знать, что она, даже несмотря на чертово свидание с электом, все еще хотела быть с ним.

И пусть решение Системы изменить невозможно, Харт не мог смириться с тем, что его будущему с Элси, которое не раз рисовал в своем воображении, теперь никогда уже не суждено сбыться.

Он не привык бездействовать. Зная, что все запросы в Сети Система играючи отслеживает, начал искать информацию иным путем. Поговорил с десятком знакомых: сокрушался по поводу отсутствия его имени в списках электов Элси, щедро приправляя свою речь прозрачными намеками. Если собеседник не понимал, то Харт просто выслушивал сочувственные слова, разворачивался и уходил. После бесчисленного количества набивших оскомину фраз он, наконец, добился хоть какого-то результата. Один из сокурсников — Лайл Гривс — заговорщицким шепотом поведал об «одной хитрой штуке». Назначил встречу у него дома, после этого тут же скрылся, опасливо поглядывая по сторонам.

Конечно, Харт рисковал — кто знает, вдруг так кстати подвернувшегося информатора ему подослала Система. Но не мог оставаться в стороне, пока Элси упрямо игнорировала его звонки. К тому же старался быть предельно осторожным, не допускать лишних фраз. Да и информацию приходилось вытягивать клещами — если бы Система хотела проверить его, то наверняка облегчила бы ему задачу.

Целый день Харт посвятил слежке за Лайлом, чувствуя себя заправским шпионом. Хотел убедиться, что возле его дома не ошиваются опасные личности типа празко. К концу дня, осознав простую истину и отругав себя за недальновидность — ну кто в современном мире доверяет личным встречам? — в одном из специ-

альных магазинчиков приобрел микроскопического дрона-наблюдателя в виде паучка с камерой в механическом теле. Дрон, впущенный в квартиру Лайла через окно, перемещался, повинуясь командам Харта, и транслировал полученное изображение на его визор. Голос сокурсника в этой модели дрона был слышен плохо, а потому пришлось закачать дополнительный софт, позволяющий читать по губам.

Харту даже начинала нравиться эта своеобразная игра. Он представлял, как потом расскажет обо всем Элси. Как она распахнет синие глаза, обронит восхищенную фразу. Поймет, на что он готов ради того, чтобы только быть с нею рядом. Теперь вспоминать об этом было и смешно, и грустно.

Спустя пару дней Харт окончательно убедился — Лайл был просто одним из несогласных с уставом Системы, но никак не ее последователем и шпионом. Тогда-то он и пришел к нему, чтобы поговорить с глазу на глаз. Тогда-то и узнал о браслетах со встроенными чипами, какое-то время позволяющим не-электам находиться рядом с девушкой, не боясь вмешательства Системы. Программный код снимал ограничения, автоматически записывая не-электа в ранг электов. Однако действие кода неечно: охранные системы, установленные по всему Бене-Исс, рано или поздно находили «программный сбой» и устранили «ошибку».

Браслеты оказались невероятно дорогими, таких денег у Харта с собой не было. Пообещал, что добудет их к следующему дню. Сегодня он должен был забрать браслеты, которые позволили бы ему урвать немного времени, чтобы побывать с Элси наедине.

Вместо этого он сидел в логове Реконструкторов, со страхом ожидая того часа, когда они придут за ним.

Глава восьмая ПЕРВОЕ ЗАДАНИЕ

Десс спряталась за барьером — куском обрушившейся колонны. Переждала атаку противника. Высунулась из укрытия, чтобы поразить врача в самое сердце лазерным лучом. Голографический противник упал и, только коснувшись пола, рассыпался на мельчайшие частицы.

В центре зала в воздухе повисли строчки, беспристрастный голос Системы произнес: «Второй этап задания. Необходимо нейтрализовать противника, сохранив ему жизнь».

На месте предыдущего погибшего образовался новый, пугающий полным отсутствием черт лица и походящий на человека лишь контурами иллюзорного тела. Опустив глаза вниз, Десс кивнула. Так она и знала — теперь в ее кобуре был парализующий бластер. Задание усложнялось — чтобы поразить противника парализующим импульсом, нужно сократить дистанцию.

Десс перемахнула через преграду. Спряталась за колонну, уходя от луча вражеского бластера. Расстояние все еще оставалось слишком большим — противник мог легко ее задеть, но она его — нет. Десс эффектно перекатилась к ближайшему укрытию — знать бы, одобряет комиссия подобные трюки или считает лишь пустой бравадой? Высунулась,

оценила дистанцию. Среагировав на движение, голографический враг тут же прошелся по поверхности каменной глыбы, за которой пряталась Десс, пистолетной очередью.

Несколько томительных минут ожидания заставили ее осознать — противник не торопился приближаться. А значит, это нужно было сделать ей самой. Проблема заключалась лишь в том, что следующее укрытие, представляющее собой очередной обломок стены — в этом программа была не слишком оригинальна, — находилось слишком далеко. Перебегая к нему, Десс окажется под прицельным огнем и без всякой защиты. Если она позволит задеть себя, то упадет и подняться больше не сможет. Но... другого варианта не было.

Девушка медленно выдохнула. Программа или нет, но ее сердце билось, будто она участвовала в настоящем сражении. И вместе с тем разум ее был спокоен и холоден, а руки держали бластер твердо, без намека на дрожь. Десс выглянула из укрытия — намеренно. Противник выстрелил несколько раз, затем последовала пауза, необходимая для перезарядки.

Этого мгновения Десс и ждала. Она рванула вбок и вперед, на открытую площадку. Еще несколько секунд... Увидев, как враг поднимает бластер, целясь в нее, девушка вильнула в сторону. В следующий раз ей пришлось уже откатиться и, поднявшись, броситься со всей скоростью к обломку стены. Спрятавшись за ним, Десс позволила себе отдохнуться несколько секунд. Дольше медлить было нельзя — программа, явившаяся ей в образе обезличенного противника,

соображала очень быстро. А Десс не имела права проиграть бой виртуальному врагу.

Их разделяла лишь пара шагов. Она выскочила из укрытия и рванула прямо на голографического противника. Упала на спину, уходя с линии огня, в падении выбросила руку вперед и нажала на спуск. Поразила врага парализующим импульсом, выбила из его рук бластер. Поднялась и только теперь позволила себе перевести дыхание.

«Задание окончено».

Окружающее пространство менялось, таяло. Десс оказалась в пустой комнате с голыми стенами.

С тщательно скрываемым облегчением она покинула тренировочный зал. В примыкающей к раздевалке уборной плеснула холодной воды на разгоряченные щеки, выслушала отчет системы об учащенном сердцебиении. Усмехнувшись, пробормотала себе под нос: «Ну еще бы».

Не успела она толком прийти в себя после выматывающего боя, как в визоре появилось лицо тренера, передавшего ей короткое сообщение: ее Испытания закончены. А значит, остается только ждать решения комиссии.

Итак, прако вновь обвели кадетов вокруг пальца. Даже Десс, как ей казалось, готовая ко всему, не ожидала такого поворота событий. Теперь ее мучил вопрос — если бы она знала, что решающего боя, которого ждали все кандидаты на звание маршала, не будет, а ее бой с Ласмином и есть решающий, смогла бы она выложиться еще больше?

Как бы то ни было, все завершилось. Она сделала все, что могла. Теперь дело за прако.

Неторопливо переодевшись в штатское, Десс направилась к лифту. На полпути ее остановил негромкий оклик Вандри. Десс круто развернулась и вслед за наставником вошла в ее кабинет. За овальным столом из темного стекла сидели семеро прайко — комиссия в полном составе. Сердце сделало резкий скачок. Снова какие-то нововведения? Или же...

Взгляд скользнул выше. Десс нахмурилась, увидев маячившую за спинами сидящих прайко Кину. Та кивнула, не сводя с нее настороженного взгляда. Десс стало неуютно — сложно чувствовать себя комфортно, когда находишься в одной комнате с тем, кого ты... сдал.

— Десс Ларсо, — подала голос одна из прайко. Слишком красивые глаза миндалевидной формы с чересчур яркой радужкой, чуть механические движения и замедленный поворот головы — все это выдавало в ней синтетика. — Мы здесь для того, чтобы огласить решение Системы.

На какой-то миг Десс забыла, как дышать. Потом медленно выдохнула в ожидании своей участи.

— Ты справилась с физическими испытаниями — как с реальным противником, так и с голографическим. Твои навыки боя программа оценила как высокие. Ты прошла и проверку на верность Системе, что для будущего маршала намного важнее, чем физические показатели.

— Что за... проверку? — обескураженно спросила Десс. В первую секунду она подумала, что произошла какая-то ошибка — ведь испытаний у нее было только два. Но затем, подняв глаза наверх, она все поняла.

Кина. Вот ее испытание.

Подтверждая ее мысли, Кина улыбнулась уголками губ. Однако взгляд ее остался холодным и напряженным. Не ожидала от Десс такого решения? Была разочарована? Да плевать, честно говоря. Самое главное, что комиссия одобрила ее поступок. От Кины Десс одобрения не ждала.

— Сегодня твой наставник вручит тебе форму и значок маршала. Торжественная церемония будет позже — когда подойдет к концу испытательный срок.

Десс едва ли расслышала последние слова прапорщика. В голове набатом билась одна-единственная мысль — она стала маршалом!

Вандри жестом указала следовать за ней. Десс попрощалась с комиссией и покинула комнату. Наставник вручила ей бело-черную форму маршала, датчики и парализующий бластер, полагающийся новобранцам на испытательном сроке. Десс разочарованно вздохнула: хотелось бы видеть в собственной кобуре боевой лазерный пистолет, но... всему свое время.

Последним наставник Вандри вручила Десс сенсорный блок данных с инструкцией.

— Изучи за ночь. Завтра в восемь утра жду тебя на центральной площади Лобраго.

— Завтра? — удивленно переспросила Десс. Вот черт, а она так мечтала выспаться!

Вандри чуть вздернула подбородок и взглянула на нее, прищурив глаза.

— Что-то не так? — спросила она.

— Нет-нет, что вы, — поспешило проговорила Десс. — Я готова.

— В восемь утра жду тебя на посту, — припечатала Вандри.

Попрощавшись с наставником, девушка поспешила к друзьям. Как обычно, Раск и Ангес коротали время во внутреннем дворе академии.

— Вы узнали свои результаты?

Братья синхронно помотали головой.

— Я еще голограммический бой не прошел, — сказал Ангес. — Через час начнется.

— Я прошел, — похвастался Раск. Пальцами суммировал выстрелы. — Думаю, прако были в воссторге от моей техники.

Ангес усмехнулся.

— Я закончила Испытания, — выпалила Десс, не дожидаясь расспросов. — Мне дали форму маршала.

Раск восхищенно присвистнул, глядя на непроницаемый черный пакет в ее руках.

— Покажи.

Разворачивая сверток, Десс пересказала братьям слова прако. Судя по всему, проверку на доверие они уже, так или иначе, прошли, а значит, не было смысла скрывать.

— Кина была подставкой? — поразился Раск. — Подожди-ка... черт!

— У тебя тоже была она? — полюбопытствовала Десс.

— Нет, парень с моего курса. Тапп, может, знаешь. Раз так, значит, форма маршала моя! — на лице Раска появилась широкая улыбка.

Вновь на мгновение вернулось сомнение — все-таки они сдавали своих же сокурсников, тех, с кем учились бок о бок несколько лет. Но стоило Десс лишь взглянуть на свой новенький бело-черный костюм, как все сомнения растворились без следа.

Подняв глаза, она взглянула на Ангеса. Он отмалчивался, а это могло означать только одно — проверку он не прошел.

— Все нормально? — осторожно спросила Десс.

— Ничего не нормально, — резче, чем обычно, ответил он. — Как вы можете стучать на своих?

— Кина мне никто, — Десс начинала распаляться. — Она сказала о краже, как я могла умолчать? Что, если кражей она бы не ограничилась?

— А если бы о чем-то подобном сказал тебе я? — перейдя на вкрадчивый шепот, спросил Ангес. Раск за его плечом растерянно переводил взгляд с брата на Десс.

— Не сказал бы, ты не мог бы такого совершил.

— Вечно эти твои отмазки! Просто представь, что на месте Кины был я! Что бы ты сделала?

— Ангес, такого не могло...

— Ответь! — он подошел к ней почти вплотную.

Глядя ему в глаза, Десс холодно ответила:

— Я бы сообщила об этом. Маршалы обязаны докладывать Системе о любых правонарушениях, невзирая на то, кто их совершил.

— В тебе очень много от маршала, Десс, — тихо сказал Ангес. — Солдата, фанатично преданного Системе. Но... в тебе все меньше остается от человека.

Он прошел мимо нее, задев плечом. Десс стояла, силясь сказать что-то ему вслед, но не находя слов. Словно получила хлесткую пощечину. И от кого? От Ангеса, от которого она меньше всего этого ожидала.

— Не обращай внимания, — вполголоса сказал Раск. — Он в последнее время сам не свой. Броса-

ется на всех, как голодная собака. Недавно поссорился с отцом. Я первый раз видел, чтобы он ему перечил. Хлопнул дверью, ушел из дома и прошлялся где-то полночи. Не знаю, что с ним творится.

Десс, повернувшись к Раску, тоном, не выдававшим и малой доли бушевавших внутри ее эмоций, произнесла:

— Ладно, пойду домой. Мне нужно прочитать инструктаж, а я очень сомневаюсь, что Вандри ограничится проверкой нескольких страниц. Не удивлюсь, если завтра еще и тест проведет.

Раск понимающе улыбнулся.

— Если получится, то завтра я тоже буду стоять на посту в бело-черной форме, — он лукаво ей подмигнул. — Может, даже рядом с тобой — новичков одних не оставляют.

Попрощавшись, Десс направилась к аэромобилю на стоянке. Вернувшись домой, вызвала отца по видеосвязи — ей не терпелось поделиться отличными новостями. В его голосе она явственно почувствовала гордость. По обыкновению он был сдержан в эмоциях, но увиденного ей было достаточно.

День был прекрасен, но почему ее мысли всякий раз возвращались к словам Ангеса? Десс постаралась выкинуть их из головы и сосредоточиться на изучении инструкций, но выходило плохо. Недавняя ссора — первая за несколько лет — совершенно выбила ее из колеи.

Она уснула только ближе к утру, удостоверившись, что все пункты инструкции выучены наизусть. Проснулась от настойчивого голоса дома, звучавшего в динамике ее комнаты. Семь утра.

Наскоро приняла душ, трепетно разложила на кровати костюм, облачилась в него и добрых пять минут крутилась у зеркала, гордо рассматривая себя со всех сторон. Отца будить не стала — у него выдалась тяжелая и бессонная ночь.

Аэромобиль домчал ее до квартала Лобраго. Десс приземлилась на стоянке у центральной площади и поспешила к тому месту, где с высоты увидела серебристо-черный костюм наставника Вандри. Десс не ошиблась — это и впрямь была она. А с ней... не Раск, не Ангес. Ласмина.

Мысленно скривившись, внешне Десс постаралась не показать своего разочарования. Во взгляде Ласмины, обращенном на нее, мелькнуло раздражение. Но как минимум на сегодняшний день им предстояло стать напарниками, а значит, им обеим необходимо соблюдать нейтралитет.

— Ларсо, — Вандри поприветствовала ее кивком. — Итак, свои обязанности вы знаете. Ближайшие дроны-дизаггрессоры будут передавать сигналы на ваши датчики. Ваша задача — научиться отличать ложные сигналы от реальных. Под ложными я подразумеваю мимолетные эмоции, не представляющие опасности для окружающих. Люди — не роботы, они не умеют контролировать чувства, которые не всегда бывают положительными. Вам нужно это помнить. Как связаться с дроном, вы знаете. Что делать в случае опасности — надеюсь, тоже. Удачи.

Едва договорив, наставник Вандри повернулась и размашистым, совсем не женственным шагом направилась к своему аэромобилю. Из груди Ласмины вырвался раздраженный вздох, но Десс не было

дела до ее переживаний. Она должна полностью сосредоточиться на работе. Первый день в качестве маршала... она просто не могла облажаться.

Они с Ласминой решили разойтись по разным сторонам. Десс отправилась к уличному кафе, а напарница — к игровой площадке. Потянулись долгие минуты ожидания. Десс неторопливо прохаживалась, на какое-то время замирала на месте, наблюдая за посетителями кафе — скорее для того, чтобы просто убить время. Не обнаружив ничего интересного, возобновляла движение.

Она уже совсем было заскучала, как вдруг датчик, прикрепленный на поясе, подал настойчивый сигнал от одного из дронов-дизаггрессоров, курирующих площадь. Десс стремительно нажала кнопку. В визоре мигнула надпись «установка связи с дроном», тут же сменившаяся четкой картинкой, переданной с дисплея дрона. Молодой человек на скамейке выговаривал что-то юной особе с десятком колечек в ухе — очевидно, своей подружке. Девушка пыталась успокоить его — схватила за руку, кивнув в сторону Десс — точнее, в сторону дизаггрессора, следящего за этой картиной. По ее губам Десс прочитала слова извинения, взгляд парня смягчился. Индикатор в правой части визора сменил красный цвет на серый, помигал и исчез. Некоторое время понаблюдав за парочкой, Десс разорвала связь с дроном.

Поняла с досадой — сегодня на ужине нечем будет похвалиться перед отцом. Определенно, первый день в качестве маршала интересным не назовешь.

Через несколько часов томительного ожидания в ухе раздалась негромкая трель. В визоре появи-

лось лицо Вандри. Несколько удивленная, Десс повернула микрофон ко рту.

— Наставник Вандри?

— Ларсо, ты ведь знаешь братьев Бербен?

Вопрос был сугубо формальным — наставник, обладающая доступом к личным данным учеников академии, знала это наверняка.

— Конечно, — недоуменно ответила Десс.

— Последний раз ты видела Ангеса Бербена в академии? — уточнила Вандри.

Десс удивленно вскинула бровь. Ах да, камеры.

— Да.

— О чём вы говорили?

Вопрос насторожил. Зафиксировали ли камеры вспышку ярости Ангеса после ее слов о проверке на верность Системе?

— О моем назначении, о том, что Раску...

— Ларсо, — резко перебила ее Вандри. — На что он злился?

Десс вздохнула.

— На проверку, которую мне пришлось пройти. Если точнее — он злился на меня, на нас с Раском. Считал, что мы не должны были сдавать... своих. Наставник Вандри, я могу узнать, почему...

— Ангес проверку не прошел, — огорчила та. — Более того — после разговора с вами двумя он покинул академию и на голограммический бой не явился. Раск не знает, где он. Праэко считают его поведение подозрительным.

Десс не удивляло поведение Ангеса — он и раньше не особо стремился становиться маршалом. Гораздо больше ее беспокоили подозрения прайко.

— Может, он просто решил, что это ему не подходит? — осторожно спросила она.

— После четырех лет обучения? — скептически хмыкнула Вандри. — Дело даже не в провале Испытаний, а в его странном поведении. Система полагает, что Ангес — один из несогласных. Тех наивных юнцов, которые нарекли себя Свободными.

— Нет-нет, этого быть не может! — протестующе воскликнула Десс, на секунду забыв, с кем разговаривает.

Удивительно, но наставник не разозлилась. На-против, ее взгляд стал понимающим, тон — мягким.

— Я представляю, каково тебе слышать такое о друге. Но все его действия говорят о неподчинении Системе. Разумеется, пока мы не найдем этому подтверждения, ставить клеймо правонарушителя на Ангесе никто не будет.

Ее слова мало успокоили Десс. В памяти всплыл их последний с Ангесом разговор, его обвинения, резкий тон и жалящие фразы. Он считал ее фанатиком, но кем же тогда был он сам?

Что, если Вандри — точнее, Система, чьи подозрения она озвучила сейчас, — была права? Отсюда и странное поведение Ангеса, никогда прежде не проявлявшего склонность к бунтарству. Может, именно из-за его принадлежности к «несогласным» он так остро отреагировал на успешно пройденную Раском и Десс проверку?

Из задумчивости ее вывел решительный голос Вандри.

— Заканчивай здесь. Тебя сменит другой маршал, а тебя ждет задание посерьезнее.

— И какое же? — предчувствуя неладное, спросила Десс.

— Тебе нужно найти Ангеса. И проследить за ним.

Глава девятая

ЧЕРНЫЕ МАШИНЫ СМЕРТИ

День прошел в мучительном неведении. Только на вторые сутки заключения Харту разрешили покинуть камеру. Тюрьма Реконструкторов казалась огромной. В одном ее конце располагался длинный коридор с десятком дверей, в другом — столовая со столами и скамьями из того же странного материала, похожего на белый пластик. Из столовой был и другой выход, который охраняли маршалы. Что находилось за ним, Харт не знал. Как и не знал назначение верхнего этажа, куда вела лестница, также охраняемая маршалами.

Получив свою порцию еды, он уселся за дальний стол. Машинально жуя, оглядел помещение, напичканное летающими камерами и дронами-дизагрессорами. В столовой находилось человек двадцать. Многие из них смахивали на Измененных — на их лицах трудно было прочитать даже намек на какие-либо эмоции. Возможно, он ошибался, и заключенные просто были подавлены страхом.

Один вопрос не давал Харту покоя: почему он до сих пор не был у Реконструкторов? Не то чтобы он жаждал этой встречи, но разве не за этим его притащили сюда? Или все, что говорили о них — вранье? А он находится в самой обычной тюрьме, о которых читал в книгах и которые считались пережитками

прошлого? Но, если так, то откуда тогда берутся Измененные и что происходит с нормальными людьми, вдруг ставшими безэмоциональными человекоподобными куклами?

Он настолько погрузился в собственные размышления, что не сразу услышал шаги. Пришел в себя, только когда пластмассовый поднос с едой лег на стол у самого его носа. Подняв взгляд, Харт с изумлением взорвался на девушку, по виду чуть младше его самого. Она явно не боялась привлекать к себе внимание — об этом говорили доходившие до поясницы волосы сочного фиолетового оттенка. Рваные джинсы и свободный черный топ, открывавший плоский живот, как нельзя лучше дополняли дерзкий образ незнакомки.

— Привет, — небрежно сказала девица, уверенно усаживаясь напротив него.

— Привет, — несколько растерянно протянул он.

— Я — Оливия. Можешь звать меня Ливи, — благодарушно разрешила она.

Харт хмыкнул. Скользнул взглядом по фиолетовым прядям, обрамляющим худое, но довольно симпатичное лицо. Представился. Возможно, он придумал себе это, но ее взгляд казался каким-то... изучающим. Слишком пристальным. А она сама — слишком безмятежной для заключенной, которая вот-вот отправится на переделку сознания.

— Здесь лучше не быть одному, — бросила Ливи, словно объясняя, зачем подсела к нему. — Быстрее сойдешь с ума.

— Быстрее?

Она отправила в рот ложку с кашей, медленно пережевала, не сводя с него ярко-зеленых глаз.

— Ты же не думал, что изменение сознания — это мгновенное дело?

Харт напрягся.

— Вообще-то думал, — признался он.

Ливи насмешливо фыркнула.

— Если изменить разум человека резко и без всякой подготовки, он просто превратится в овощ. Наш разум будут изменять постепенно — извилина за извилиной, грубо говоря.

— Ты уже была... у них? — осторожно спросил он.

Ливи помотала головой. Они помолчали. Харт покрутил ложку в пластиковой баночке с чем-то, напоминающим вязкий безвкусный йогурт. Отставил поднос в сторону. От разговоров о Реконструкторах и «овоцах» пропал аппетит.

— Можно задать вопрос?

Ливи вскинула голову. Облизала ложку, пристально глядя прямо в его глаза.

— Хочешь спросить, почему я здесь оказалась?

Он не удивился ее проницательности — в таком месте вопрос был вполне ожидаем. Кивнул.

— Напала на синтетика, — небрежно отозвалась Ливи.

— Почему? — Харт вскинул бровь. Худощавая девчонка, сидящая напротив него, казалась миролюбивой... и милой.

— Не нравятся они мне, — просто ответила она.

Харт молчал, ожидая разъяснений, но их не последовало. Бесцветный голос Системы, донесшийся из динамиков на стенах, известил о том, что всем находящимся в столовой необходимо пройти в свои камеры. Система никогда не называла преступников

преступниками или, что в данном случае было более уместно, заключенными, предпочитая использовать слова «правонарушители» или «переступившие Черту». Это всегда вызывало у Харта горькую усмешку.

Он не стал дожидаться, когда к нему подойдет маршал. Быстро простишись с Ливи, проследовал в свою «пластмассовую» клетку.

С новой знакомой Харт увиделся на следующий день, все в той же столовой. Во двор заключенных выпускали только после посещения Реконструкторов. И, черт возьми, он готов вечно жить взаперти, сузив свой мир до камеры, только бы не встречаться с этими проклятыми синтами-передельщиками! Но, к сожалению, его мнение никого не интересовало.

Увидев Ливи за столом, за которым они сидели вчера, он внезапно подумал об Элси. Как она там? Злится на него? Ждет ли его? Или уже мысленно смирилась с тем, что он вернется домой Измененным?

Харт выдохнул. Ему не хотелось верить в это. Не хотелось верить в то, что он уже навсегда потерял свою Элси.

Мрачнее тучи он уселся за стол. Ливи тоже сегодня была молчалива — задумчиво смотрела в окно и почти не притронулась к еде. И все-таки Харт радовался тому, что за этим столом и в этом логове синтетиков был не один.

— Как думаешь, что случится с нами после Изменения? Будем ли мы помнить о том, что когда-то были другими? — нарушил он молчание.

Ливи перевела на него отрешенный взгляд.

— Вряд ли. Думаю, эти воспоминания будут потеряны навсегда. И... не думаю, что Измененным

плохо от того, что они именно такие... Они просто принимают себя такими, какие они есть — как любой другой человек. Сыкаются со своей сущностью.

Харт хотел возразить, но его отвлекло появление у их стола празко. Он видел, как напряглась Ливи — худенькое личико, казалось, еще больше заострилось. Но обратилась синтетик не к ней.

— Харт Карвел, ты должен пойти со мной.

— Зачем? — спросил он, боясь услышать из ее уст слово «Реконструктор».

— Мне нужно задать тебе несколько вопросов.

Ответ был не самым утешительным, а перспектива общения с празко — не самой приятной, но у него все же гора упала с плеч. Значит, не сейчас.

Харт поднялся, послушно прошел вслед за синтетиком. Ожидал, что она поведет его в какой-нибудь кабинет, затаившийся за одной из многочисленных дверей в коридоре заключенных или даже на другом этаже, но все оказалось куда прозаичнее. Их разговор состоялся в его камере. Празко замерла у входа, сложив руки на груди. Харт хотел было сесть на кровать, но передумал — пусть это и глупо, особенно в его непростой ситуации, но ему не хотелось, чтобы синт смотрела на него сверху вниз.

— Сегодня тебе предстоит переделка сознания, — безжалостно обронила празко. — Она неизбежна — для переступившего Черту нет иного пути. Но если ты пойдешь нам навстречу, то и Система пойдет навстречу тебе.

— И в чем же это будет заключаться? — спросил Харт, уже догадываясь, каким будет ответ.

— Реконструкторы смягчат воздействие на твое сознание, если ты сообщишь нам имя дилера — того, кто продал тебе запрещенный Системой алкоголь.

Харт не сомневался ни секунды — тут не о чем было размышлять. Он никогда не станет предателем, какую бы выгоду ему ни сулили. Если он оказался настолько глуп, что угодил к Реконструкторам, то Берк тут совершенно ни при чем и не должен расплачиваться за его ошибку.

Он не утянет Берка с собой в ад, именуемый переделкой.

— Мне никто его не продавал.

— Наши датчики зафиксировали твое состояние на момент прибытия сюда, определенное как алкогольное опьянение.

Харт невольно усмехнулся. Забавные все-таки создания эти синты. Они не должны испытывать эмоций, но все же испытывают их — конечно, иначе, нежели люди. За десятилетия, что они прожили рядом с человеком, каждый день контактируя с ними, синтетики переняли не только их повадки — характерные позы, мимику и менее заметные, нежели у людей, изменения тона голоса, но и человеческие эмоции, пусть и искаженные механическим восприятием.

Харт уже давно научился распознавать их злость. Она выражалась в металлическом оттенке голоса, словно бы теряющего свою окраску, в четком построении фраз. Злясь, синтетики разговаривали как высокоинтеллектуальные машины — кем, собственно, и являлись.

— Я был под «Блессом». — Харт знал, что práко распознает его ложь. Знал, что даже безо всяких

усовершенствований легко понять, что его слова далеки от истины. Но все же стоял на своем — ему просто больше ничего не оставалось.

— «Блесс» — безопасный синтетический коктейль, оказывающий на человеческий организм лишь тимолептическое воздействие. Он улучшает настроение и психическое состояние, не содержит спиртосодержащих веществ и не может вызвать эффект, сравнимый с алкогольным опьянением.

Харт пожал плечами, бросив:

— Значит, вы ошибаетесь.

Праэко долго сверлила его взглядом неестественно ярких глаз.

— Харт Карвел, ты отказываешься называть нам имя дилера?

— Отказываюсь, потому что такого человека не существует, — ответил он.

Синтетик кивнула. Развернувшись, покинула камеру, оставив его в одиночестве.

А через несколько минут за ним пришли.

Харт пытался отбиваться — не потому, что на самом деле верил, что сумеет убежать. Просто для того, чтобы сказать самому себе: он не шел за маршалами покорной овечкой, он боролся до последнего. Жаль только, что эта борьба закончилась так быстро — с первым же жалящим ударом парализующего бластера.

Он обмяк в руках маршалов, позволив им дотащить себя до комнаты, в которой прежде бывать ему не доводилось.

Как только они оказались внутри, за темной, звуко- и светонепроницаемой дверью, его бросили на

пол. Как тряпье, как никому не нужный мусор. Вновь нахлынуло воспоминание: точно так же он лежал, уткнувшись носом в землю, в ожидании, когда его арестуют. В ожидании, когда увидит тех, кто приходит только в двух случаях — в кошмаре или же перед большой бедой.

И сегодня Харт снова увидел Реконструкторов. Их было двое. С ног до головы одетые в черное, не имеющие лиц — только серебристую полосу на том месте, где у людей должны находиться глаза. Не имели Реконструкторы и рта, и никто никогда не слышал ни звука, исходящего от них.

Черные безмолвные машины смерти. Они не были людьми и, в отличие от прако, не желали ими притворяться.

Один из Реконструкторов уложил его на металлический стол и привязал ремнями по рукам и ногам. А второй... Дождавшись, когда Харт окажется полностью обездвижен, он подошел вплотную. Дотронулся до своего живота, к невидимой прежде молнии, разошедшейся с тихим жужжанием. Взгляду Харта открылось нутро синта с вертикальной щелью, разделяющей живот на две половины.

Реконструктор коснулся трещины, раздвинул обеими руками кожу, оголяя пучки проводов. Как змеи, они клубились в его брюхе, словно безумная пародия на человеческий кишечник. Харт сглотнул. Он заставлял себя отвести взгляд, но не мог... Внутренности синта словно обладали какой-то магнитической силой.

Реконструктор выдернул один из проводов — глянцево-черный, оканчивающийся круглой пласти-

ной. Наклонившись, прижал ее к виску Харта. Сначала парень почувствовал холодное прикосновение металла, а несколько секунд спустя — укол. Что-то тонкое вонзилось в его кожу, затем, прокручиваясь, с усилием проникло в кость. Голову пронзила боль — резкая, невыносимая. Харт стиснул зубы, грозя растереть их в порошок. Терпел сколько мог, но все-таки закричал. Реконструктор, не обращая никакого внимания на его крики, присоединил такую же пластину ко второму виску. Но самое страшное началось потом.

В голове Харта будто образовался шар. С каждым мгновением он все больше тяжелел, разбухал, пока не занял все пространство его черепа. Давил, грозя взорвать голову изнутри. Харт не удивился бы, если бы из его глаз вдруг потекли кровавые слезы, хотя и не знал, откуда в его сознании возник этот навязчивый образ.

Чувствовал, как холодные скользкие щупальца снуют по его мозгу, проникая в самые укромные уголки. Присасываются, сканируют, исследуют. Пытаются отыскать изъяны, побудившие его пойти против правил.

Когда закончилась эта пытка, Харт мог думать лишь об одном: какую часть его сознания выкрал передельщик? Он пытался почувствовать в себе какие-то изменения, но ощущал лишь странную, всепоглощающую тоску. Если бы Элси была сейчас рядом с ним, то она сказала бы, что кусочек его души оказался в механических руках Реконструкторов.

Слава всем богам, он все еще помнил о ней. Самый его жуткий, глубинный страх не сбылся — люби-

мая по-прежнему жила в его памяти. Во всяком случае, пока.

Когда все закончилось, с рук Харта спали ремни. Ему позволили подняться, довели до камеры. Он упал на кровать, лицом в толстое, жесткое одеяло. Хотел заснуть, но в голове творилось что-то невообразимое — обрывки мыслей и воспоминаний кружились в безумной карусели. Элси. Берк. Мама. Ливи. Все это сплелось в единый и вместе с тем хаотичный комок, похожий на пучок проводов-змей в животе Реконструктора. Харт как заколдованный раз за разом проговаривал про себя имена знакомых и родных, боясь, что они вдруг исчезнут из его памяти — даже несмотря на слова Ливи о том, что в одночасье Измененным стать невозможно. Реконструкторы умели внушать людям страх.

Харт провалился в сон, лишенный сновидений. Проснулся, когда за забранным решетками окном занимался рассвет. Значит, он проспал несколько часов.

Тяжело поднялся, походил по комнате, прислушиваясь к ощущениям внутри себя — ведь что-то в нем наверняка должно было измениться? Тогда что? Стал ли он меньше желать вырваться отсюда? Нет. Стал ли меньше думать об Элси? Тоже нет. Разумеется, он жалел о своем поступке — о том, что напился и бросился на électa любимой девушки. Вот только вмешательство Реконструкторов тут было ни при чем. Харт лишь клял себя, что одним своим неверным решением разом перечеркнул то будущее, которое У него могло быть, останься он в «белом списке» Системы.

Когда в его комнату вошла праэко, Харт сидел, прикрыв глаза. Его мучила мысль, что его изменили, как кусок пластилина, придав ему новую форму.

Праэко известила его о том, что теперь он может воспользоваться комнатой, в которую прежде доступу ему был запрещен. Там Харт воспользовался настоящим душем (а не тем его жалким подобием, который находился за перегородкой в его комнате) и выстирал свои вещи в машине, которая тут же высушила и отгладила их.

Одеваясь в чистую одежду, Харт не смог сдержать усмешки. Как к человеку, вставшему на путь исправления, Система стала относиться к нему более лояльно. Еще одна небольшая деталь странно радовала его — то, что в штабе Реконструкторов не было униформы для заключенных, как в тех, канувших в лету, тюрьмах. Хотя для того, чтобы чувствовать себя преступником, специальной одежды и не требовалось.

Днем его выпустили во внутренний двор. Ливи он там не встретил — должно быть, ей еще не выпала сомнительная участь посетить операционный стол Реконструкторов. Территория тюрьмы была огорожена высоченным забором в два человеческих роста. Летающие дроны и пришпиленные к воротам видеокамеры, а также с десяток маршалов с непроницаемыми лицами — все это отсекало любую мысль о побеге. Да и кто из перешагнувших Черту и обреченных на переделку решится вновь испытать терпение Системы и этим еще больше усугубить свое и так незавидное положение?

До конца часа, разрешенного для прогулки, осталось еще несколько минут, как вдруг несколь-

ко маршалов, получивших какой-то приказ, принял сгонять заключенных в здание. Уводимый высоким мужчиной в бело-черной форме, Харт вывернулся назад и заметил, как открываются ворота.

Прежде чем скрыться внутри, он успел увидеть двух Реконструкторов, тянувших под руки отчаянно брыкающегося парня. И, несмотря на черный визор, затемнивший ему глаза, Харт его узнал.

Это был Берк.

От неожиданности он остановился, за что тут же получил от маршала грубый тычок в спину. Его подвели к камере, толкнули вперед, и мгновением спустя дверь закрылась.

Харт рухнул на кровать, закрыл лицо ладонями. Ему все меньше нравилось происходящее. Он здесь. Берк теперь здесь. Что дальше? И только теперь он понял, почему не смог почувствовать произошедшие в нем изменения. Да потому что их и не было — Реконструкторы его разум не меняли. Они им воспользовались.

Харт застонал от бессия. Как человек мог противостоять настолько совершенному созданию человеческих же рук? И как глупы были люди, давшие синтетикам такую власть!

Берка Харт увидел только на следующий день. Вошел в столовую, ожидая встретить Ливи, но вместо фиолетовых волос наткнулся на прищуренные глаза Берка, в которых полыхала ненависть. Харт направился к нему, чувствуя себя приговоренным и зная, что эту ненависть он заслужил.

Так или иначе, но именно он был виноват в том, что Берка поймали. Хоть этого и не желал.

Харт поравнялся со столом, за которым в гордом одиночестве сидел Берк. Щегольский костюм был помят, рукав изорван, обычно тщательно приглаженные волосы теперь торопчились беспорядочными вихрами. Под глазами темные круги — ночь для нового пленника Реконструкторов выдалась бессонной.

— Я не делал этого, — негромко, но твердо сказал Харт. — Не выдавал тебя.

— Да ну? — процедил Берк. Демонстративно уткнулся в поднос с едой. Помолчал, но надолго его нехватило. Вскинув голову, вновь вперил яростный взгляд в стоявшего над ним Харта. — Я же не раз тебя предупреждал — не выходить на улицу! Я говорил, что все, что последует за этим — на твоей совести!

— Да послушай! — не выдержал Харт. Склонился над Берком, громко зашептал: — Я ничего не говорил о тебе — ни praэко, ни Реконструкторам, ни кому-либо еще!

— Тогда какого черта они схватили меня в моем собственном доме? — сверкнув глазами, прошипел Берк.

— Они залезли в мой мозг. Реконструкторы. Выкачали оттуда всю интересующую их информацию. Использовали мою память, чтобы поймать тебя.

Берк молчал. Харт видел — он поверил ему. Вот только для прощения этого было недостаточно.

Он оставил мрачного Берка наедине с собственными мыслями — Харту все равно больше нечего было ему сказать. Пропало желание встречаться с Ливи, смотреть ей в глаза. Он чувствовал себя предателем, и ничего не могло убедить его в обратном. Из-за него Берк попал к Реконструкторам, и вряд ли

цепочка на этом замкнется. Синты залезут и в его мозг, «прочитают» недавние события. И все покупатели Берка — обычные девушки и парни, однажды сделавшие неправильный выбор, окажутся под пристальным наблюдением Системы.

От осознания, что его воспоминания, мысли, эмоции Реконструкторы могли выставить на всеобщее обозрение, у Харта непроизвольно сжимались кулаки. Эти чертовы роботы не имели права творить такое с его сознанием, не имели права заглядывать в него, не имели права его изменять.

Харт шел по гулким пустым коридорам, пронзая стоявших на посту маршалов ненавидящим взглядом. Как люди могли действовать на стороне синтетиков? Бездушных, беспринципных, жестоких машин, одержимых лишь служением Создателям и Системе? Как позволили творить такое с себе подобными, с человеком — вершиной творения природы?

Когда за ним задвинулась дверь его комнаты, Харт окончательно утвердился в своем решении — он больше никогда не дастся в руки Реконструкторам. Чего бы ему это ни стоило.

Глава десятая ДЕМИУРГ

Блэки дали лишь день на то, чтобы осмотреться, привыкнуть к обстановке, познакомиться с юношами и девушками, с которыми ей предстояло учиться.

Ана Грекки с пониманием относилась к состоянию новоявленной визуальщицы, которое та называла

ла «взрывом рассудка». Блэки засыпала ее, кажется, тысячей вопросов — ей не терпелось узнать, что представляет собой работа Творцов, какие предметы предстоит изучать и как долго будет длиться обучение, прежде чем разрешат создать свой крохотный кусочек Сомнирума.

Несмотря на почти десятилетнюю разницу в возрасте, Ана никогда не позволяла себе снисходительный тон, всегда была внимательна и мила. Мягко умеряла пыл нетерпеливой ученицы, обещая, что совсем скоро она узнает обо всем сама. Блэки даже тешила себя смутной надеждой, что когда-нибудь они с привлекательной блондинкой станут настоящими подругами. Ей всегда так недоставало друзей...

Эмоции бурлили в Блэки, сплетаясь в искрящийся молниевыми разрядами комок возбуждения, нетерпения, восторга и... страха. Страха не оправдать чужих ожиданий, который преследовал ее всю жизнь. Если бы она росла в семье одна, возможно, все было бы иначе. Но с отцом-маршалом и Десс, успешно и целеустремленно идущей по его стопам, Блэки постоянно ощущала себя белой вороной. Часто, рассказывая о своей будущей книге, она ловила на себе взгляд отца, в котором легче было прочесть укор, чем гордость и восхищение. Он не признавал ее увлечения, считая его слишком легкомысленным и несерьезным, не понимал ее мечты, считая недостойной называться мечтой.

Блэки давно смирилась с этим, но все же... иногда ей не хватало того, кто разделил бы ее страсть к творчеству. А в Сомнируме она ощущала себя в родной стихии. Здесь собирались юные дарования,

которые видели смысл жизни в том, чтобы передать свое видение прекрасного другим. Здесь из букв создавались чудесные истории, из мазков кистью — великолепные картины. Здесь не было места осуждению и пренебрежению, ведь для каждого из ребят, будущих Творцов, искусство было важной частью жизни.

В первый же день своего пребывания в Темпебраско Блэки познакомилась с одним из тех, кого в реальном мире — то есть за пределами школьной территории — непременно назвали бы чудаком. Он подошел к Блэки, когда она прогуливалась по небольшому парку. К ней никто никогда не обращался первым, чтобы познакомиться! А она была слишком неуверенной, чтобы привлекать к себе чье-то внимание.

Его звали Кхидри. Смешливый, разговорчивый, со смуглой кожей и черными волосами, заплетенными в короткие дреды, он приехал в Темпебраско лишь на несколько дней раньше Блэки и, практически потеряв связь с «внешним миром», отчаянно нуждался в собеседниках. Он поразительно быстро нашел с Блэки общий язык. Она и опомниться не успела, как уже вовсю смеялась над его забавными историями, которых у него водилось изрядное количество. И неважно, что большинство из них наверняка произошли только в воображении Кхидри, главное, что он заставил ее позабыть о смущении и тоске по родному дому.

Сегодня новоявленного приятеля Блэки еще не видела — все утро она лихорадочно собиралась на первое занятие. Обычно равнодушная к своему

внешнему виду, она сначала долго выбирала наряд, потом неумело водила тушью по густым ресницам, отчего-то сильно нервничая. Как-никак, Блэки встретится с теми, с кем ей предстоит провести ближайшие четыре года.

Все оказалось не так уж и страшно. На выходе из жилого корпуса ее уже поджидал Кхидри. Дреды на его голове, казалось, торопчились сильнее обычного, глаза возбужденно сверкали.

— Ну что, готова? Волнуешься?

— Когда ты так спрашиваешь, я начинаю волноваться, — пробормотала Блэки.

Кхидри заразительно рассмеялся.

— Ну и зря. Все будет отлично, — уверил он ее. — Я попросил твоего куратора определить тебя в мою группу. Так что... будем учиться вместе!

Довольно радостная новость сумела Блэки удивить.

— Подожди... а разве так можно? Вы же начали учиться раньше меня. Ненамного, но все же. Мне что, теперь надо будет нагонять вас по предметам?

— По каким предметам, Блэки? — рассмеялся Кхидри.

Только позже она поняла, почему ее вопрос так позабавил приятеля. Изучая расписание, которое таковым можно было назвать с огромной натяжкой, Блэки поражалась все больше и больше. Никаких привычных предметов — ни ненавистных физики и химии, ни особенно нелюбимой физкультуры. Вместо этого — занятия по развитию воображения, вместо названий отмеченные порядковыми номерами — как объяснил Кхидри, по уровню сложности.

Класс, в который пришла Блэки на свой первый урок, ее разочаровал. Парт не было — только стулья и небольшие столы сбоку, на которых она разглядела переплетения проводов, металлических пластин и каких-то датчиков. На спинке стула, над головой сидящего, располагался дисплей. Сейчас он сверкал темным глянцевым экраном, а потому трудно понять, какую задачу призван выполнять.

Ни картин или плакатов, ни даже окон — свет в этой комнате даровали лишь настенные светильники. Определенно, очень странное место, не вписывающееся в обстановку школы Творцов.

Учительницей, к очередному удивлению Блэки, оказалась сама Ана Греки. Девушка поприветствовала ее кивком и легкой улыбкой, представила остальным ребятам, с интересом на нее глядящим. Затем попросила всех усесться на свои места. Кхидри прошел к одному из стульев, пригласительным жестом указал Блэки на соседний. Пожав плечами, она с опаской опустилась на краешек сиденья.

— Сядь поудобнее, — с улыбкой попросила Ана. Заметив, как смущило Блэки ее замечание, поспешила успокоить: — Ничего страшного, эта комната всех поначалу настораживает.

Кхидри хмыкнул и, потянувшись к столику, взял в руки несколько проводков. Блэки опасливо наблюдала за его манипуляциями.

— Первые несколько занятий я тебе с этим помогу, — успокоила Ана и принялась распутывать клубок проводов.

Справившись с этим, прицепила плоские датчики на виски и в центр лба Блэки. Девочка прислушалась

к своим ощущениям, но никакого дискомфорта не почувствовала. Расслабившись, бросила взгляд на Кхидри. Он подмигнул, вызвав ее невольную улыбку.

Когда все ученики нацепили на себя датчики — самостоятельно или же с помощью Аны, та отошла к стене.

— Итак, объясню для тех, кто впервые участвует в подобном, — Ана улыбнулась, взглянув на разом смущившуюся Блэки. — Вам нужно будет мысленно сосредоточиться на предмете, который я вам назову. При этом постараться наделить его мельчайшими деталями, прочувствовать цвет, вес, блики, может, даже запах. Так вам будет проще создать действительно реалистичный объект. Голографер будет транслировать представленный вами предмет из вашего подсознания, но для этого вам нужно максимально на нем сконцентрироваться. Чем сильнее будет работать ваше воображение, тем четче и правдоподобнее получится плод вашей фантазии.

Ана сделала недолгую паузу, чтобы дать Блэки переварить информацию. Затем чуть заметно кивнула и продолжила, неторопливо прохаживаясь по аудитории:

— Как вы понимаете, воображение для визуальщика — все. Обучение в Темпебраско нацелено на то, чтобы максимально развить ваши способности, сделать из вас истинных Творцов. — Она помолчала, улыбнувшись своим мыслям. — Давайте попробуем начать с чего-нибудь... легкого. Ммм... давайте с яблока.

Блэки, нервно хихикнув, закрыла глаза. Окружающий мир погас, превратившись в черное полотно,

на котором ей предстояло рисовать красками своего сознания. Она представила небольшое желтое яблоко с красным бочком, задорно торчащей веточкой и глянцевой кожицей. Мысленно «надкусила» его, рот моментально заполнился слюной, заставив ее тихо рассмеяться. Она вообразила, как брызнет сок, как в нос ударяет упоительный яблочный аромат.

— Хорошо, Блэки, — с некоторым удивлением проговорила Ана, — очень даже неплохо.

Блэки открыла глаза и прямо перед собой увидала транслируемое голографером трехмерное изображение. С ребячным восторгом она рассматривала плод своего воображения, выставленный на всеобщее обозрение. На румяном бочке яблока отпечатались следы зубов, мякоть влажно и аппетитно поблескивала.

Она обернулась, чтобы посмотреть на «творения» остальных, и разочарованной не осталась. В то же время в сердце затеплилась гордость — хоть она и новичок, но от других уж точно не отставала.

Ана, оглядев работы учеников, негромко хлопнула в ладоши.

— Хорошо, раз все справились с заданием, мы его усложним. Следующий объект представления — кошка. Разумеется, настоящая, а не роботизированная.

Не дожидаясь указаний Аны, Блэки зажмурилась. Улыбнулась, представив мохнатый комочек в ладонях, белую шерстку и черные кончики ушей и хвоста. Ярко-голубые глаза котенка умилительно глядели на нее, хвостик аккуратно обернулся вокруг маленьких лапок, тихое мурлыканье ласкало слух.

Открыв глаза, Блэки увидела, как оживает ее фантазия. Котенок перед ней казался неотличимым от настоящего. Ана тоже осталась довольна ее работой. Наклонившись к ней, шепнула:

— У тебя потрясающе живое воображение!

Блэки зарделась. Никогда не думала прежде, что ее склонность фантазировать кого-то сможет впечатлить. И уж тем более не ожидала, что она станет пропуском в счастливое будущее.

Несколько дней промчались как один миг. Каждое утро Блэки встречала с улыбкой, стоило только, стряхнув с себя остатки дремы, вспомнить, где она находится. Шла на занятия, нетерпеливо ожидая их начала и чувствуя разочарование, когда они заканчивались. Задания все усложнялись — теперь «объектов представления», как это называла Ана, было сразу несколько — одушевленных или неодушевленных. Стали видны первые отстающие и первые лидеры. Отметок не было по-прежнему — или же ученикам их просто не сообщали.

По вечерам Блэки связывалась с отцом по видеосвязи и взахлеб рассказывала все подробности прошедшего дня. Вряд ли он понимал всю глубину ее восторга, но, во всяком случае, искренне радовался за нее. С Десс за все это время Блэки сумела пообщаться лишь однажды — после того, как сестра официально стала называться маршалом, у нее находилось все меньше свободного времени. Блэки не слишком это расстраивало — в общем-то, они никогда не были особо близки. Слишком разные характеры, слишком разное видение мира, слишком разные цели в жизни.

Теперь она твердо знала: у нее не меньше, чем у сестры шансов заслужить гордость отца. Пусть не сейчас, пусть четыре года спустя, когда она станет молодым специалистом корпорации «Сомнитум».

Они с Кхидри часто гуляли по школьному парку или же коротали время в местном кинотеатре. Им было легко и весело вдвоем, и Блэки начала даже подумывать о том, чтобы воспринимать Кхидри чуточку больше, чем просто другом. Не красавец, но очень обаятельный, не самый умный, но компанейский и веселый. Однако он спустил ее с небес на землю, когда случайно обронил, что за воротами Темпебраско его ждет девушка. Блэки почувствовала мимолетный укол едкого разочарования, но постаралась не выдать своих эмоций.

С тех пор она отложила мысль заполучить Кхидри в бойфренды в отдаленные уголки своего сознания. Расстройство ее было недолгим — все-таки из Кхидри выходил отличный друг, а романтические отношения для Блэки до сих пор оставались темной зоной.

Через несколько дней пребывания в Темпебраско Блэки получила самый долгожданный и вместе с тем неожиданный подарок. В то утро она проспала. Влетела в аудиторию растрепанная и запыхавшаяся и с удивлением обнаружила, что комната практически пуста — только Ана Грекки стояла у стола, тихонько посмеиваясь.

— Простите, я...
— Ничего страшного, — махнув рукой, успокоила ее Ана. — Пойдем, мне нужно тебе кое-что показать.

Заинтригованная, Блэки последовала за ней. Они прошли к лифту, поднялись на верхний этаж — прежде ей бывать там не доводилось. Двери лифта плавно отъехали в сторону, открыв двух синтов-охранников и огромное помещение за их спинами.

Ана первой сделала шаг по длинному коридору, по обеим сторонам которого стояли хорошо знакомые Блэки капсулы — подобные она видела в Лобраго. Эти, правда, казались более новыми и усовершенствованными. За стеклянными дверьми капсул стояли юноши и девушки со спокойными, умиротворенными лицами —казалось, они просто спали. Но к их головам тянулись жгуты проводов, а на висках и лбу серебрились пластины. Во избежание атрофии мышцы периодически подкачивались миостимуляторами, посылающими электромагнитные импульсы. Для тех, кто не желал покидать Сомнирум, чтобы утолить голод, питательные вещества со всеми необходимыми витаминами и микроэлементами вводились внутривенно. В общем, программа предусмотрела все, чтобы ничто не отвлекало человека от пребывания в виртуальном мире.

— Теперь твоё обучение будет происходить непосредственно в Сомнируме, — повернувшись к увлеченно разглядывающей пустую капсулу Блэки, сказала Ана. Улыбнулась, увидев ее радость. Прикоснувшись к стеклянной поверхности капсулы, вызвала консоль и принялась что-то быстро набирать. — Через несколько дней всем ученикам вашей группы, прошедшим отбор, я открою доступ к большинству участков Сомнирума.

Блэки задохнулась от восторга и предвкушения. Какие возможности открывались перед ней!

— Пока, — продолжала Ана, — тебе нужно кое-что сделать. В дальнейшем ты сможешь создать свой уголок Сомнитума, но пока начнем с малого. Обычно всем ученикам в первое их посещение Сомнитума — в качестве визуальщиков, а не простых обывателей — я предлагаю представить свою собственную комнату. Или, точнее, создать ее копию в виртуальном мире. Личная комната — это место, которое мы помним и знаем до мельчайших деталей, где хранятся не только вещи, но и связанные с ними памятные события и эмоции. Твое задание на сегодня — перенести свою комнату из памяти в виртуальный мир.

Блэки впитывала каждое слово, силясь поверить в реальность происходящего — она не ожидала, что вхождение в Сомнитум ей предстоит так скоро.

— Запомни главное, — повернувшись к ней, продолжала Ана. — Твой маленький мир должен быть проработан до мельчайших подробностей. Если заметишь белые кубы, повисшие в пространстве — мы называем их «белыми пятнами», — значит, не до конца «дорисовала». Сосредоточься и исправь ошибку. «Белых пятен» в Сомнитуме ни в коем случае быть не должно — в противном случае это напомнит его посетителям о нереальности мира, что вызовет невольное отторжение. А корпорация «Сомнитум» нацелена на то, чтобы, погрузившись в виртуальный мир, человек в полной мере насладился его великолепием и реалистичностью.

Стеклянная дверь капсулы распахнулась. Блэки забралась внутрь, с волнением и предвкушением ожидая, пока Ана закончит прикреплять к ее телу

проводы и датчики слежения за состоянием организма.

Кapsула закрылась почти бесшумно, оставив Ану за стеклянной перегородкой. Куратор ободряюще улыбнулась Блэки, показала знаками — капсула была звуконепроницаемой, — что система готова к ее погружению в виртуальную реальность.

Блэки медленно выдохнула, пытаясь успокоить учащенное биение сердца. Закрыв глаза, сказала негромко:

— Блэки Ларсо. Вход в Сомнирум.

Кодовая фраза активировала процесс погружения в виртуальную реальность. Не прошло и минуты, как Блэки обнаружила себя стоящей посреди пустого пространства — странного, серого, кажущегося гибким как пластилин.

После секундного замешательства поняла, что от нее требуется. Для начала вообразила пустую комнату: Ана всегда учила их, что ошибочно представлять предмет сразу во всех деталях — гораздо лучше наносить один слой за другим, создав в итоге полноценную картинку.

Из серого пространства вылепились стены, пол и потолок. Блэки «расширила» их до нужного размера. Мысленно окрасила стены в бежевый цвет, нарисовала на них золотые линии. Проявилось окно, вниз упали занавески, скрыв стекло, за которым виднелась одна только серость.

Блэки создавала один объект за другим, начав с крупных, а потому самых легких — кровати, интерактивного стола, шкафа, заставленного бумажными книгами — ее хрупкими сокровищами. Нарисовала

несколько фигурок на полке над кроватью — пока бесцветных.

Постепенно двухмерные и обозначенные лишь легкими штрихами объекты превращались в трехмерные и детализированные. Кровать покрыл пушистый плед с огромной мордой тигра, в который Блэки так любила заворачиваться прохладными вечерами. На тумбочку легла книжка в специальной защитной обложке, рядом расположилась кружка с обжигающе горячим чаем и плитка шоколада.

Блэки довольно улыбнулась. Ей и впрямь на мгновение показалось, что она каким-то волшебным образом перенеслась домой. Здесь, в ее личном, скрытом от посторонних глаз уголке Сомнирума, было так хорошо и знакомо...

Она еще долго не хотела покидать Сомнирум, продолжая добавлять все новые и новые детали к своей виртуальной комнате. Чем больше эмоций переполняло ее при создании обстановки, тем живее казалась ее маленькая, но такая родная обитель. Прикоснувшись к кружке, Блэки, смеясь, отдернула руку и зажала обожженными пальцами мочку уха.

Теперь она понимала, каково это — чувствовать себя демиургом. И это было прекрасно.

Глава одиннадцатая ИСТИННЫЙ МАРШАЛ

Два дня Десс потратила на то, чтобы проверить все контакты Ангеса. Пользуясь повышенным Вандри уровнем доступа к Системе, взломала компьютер приятеля, прочитала его электронную по-

чу и вскрыла запароленные папки. Но ничего, что могло бы указывать на его причастность к Свободным, не нашла.

Тому, что Десс так рьяно взялась за это дело, причина была не одна. Она не просто хотела достойно справиться с первым ее заданием в качестве маршала. Она надеялась доказать, что Система ошибается в своих подозрениях, и Ангес не имеет никакого отношения к Свободным. И пока это только подтверждалось. Разговор с родителями Ангеса также не дал результатов — они в один голос твердили, что их мальчик не мог так с ними поступить, что он всегда уважал Систему.

Дружба Десс с Раском сейчас проходила проверку на прочность — ему совершенно не нравилось, что это дело поручили именно ей. И Десс прекрасно понимала его чувства: как бы она отреагировала, если бы он подозревал ее сестру в чем-то подобном? И все же палки в колеса он не вставлял, понимал, что Десс лишь выполняет свой долг — и приказ наставника.

А Вандри, не получая результатов, уже начинала злиться.

— Ларсо, нужно проверить всех, с кем он когда-либо общался. Друзей детства, бывших подружек, — нетерпеливо прохаживаясь по кабинету, сказала она.

Десс покачала головой.

— Если Ангес действительно один из Свободных — в чем лично я сильно сомневаюсь, — не преминула подчеркнуть она, — то он весьма осторожен — за все время, что я с ним знакома, он не дал ни малейшего повода в себе усомниться.

— Он мог вступить в их общество не так давно, — резонно заметила Вандри.

Десс ее слова заставили задуматься.

— Знаете, Ангес не из тех, кто оставит свою семью в неведении, — помолчав, сказала она. — Он поступил в академию, когда понял, что мать и отца огорчило его нежелание становиться маршалом.

— Ты это к чему? — Вандри замерла напротив Десс. Прищурившись, остановила на ней взгляд.

— К тому, что рано или поздно, но Ангес свяжется с кем-нибудь из родных — скорее всего, с Раском или с матерью. А значит, объектами для наблюдения должны быть именно они, а не случайные подружки и знакомые.

Наставник помолчала, осмысливая ее слова.

— Думаю, в этом есть резон. Раз так, ты знаешь, что тебе нужно делать.

Десс кивнула и, выйдя из кабинета, направилась домой.

Первого дрона-наблюдателя она отправила в квартиру Ангеса — его мать сейчас находилась там. Дрон — механическая птица с глазами-камерами — ничего интересного не обнаружил и, повинувшись командам Десс, остался за окном следить дальше.

С Раском дело обстояло сложнее — он в это время патрулировал улицы Бене-Исс вместе с Ласминой. Чтобы держать его в поле зрения, Десс приходилось постоянно переключаться с одного дрона на другой, с дизагрессора на обычного наблюдателя. Таким образом она могла контролировать перемещение Раска и не упустить момент, если вдруг брат с ним свяжется.

Десс вынула из холодильника кофеиновый «Блесс». Устроилась на диване в гостиной, закинув ноги на журнальный столик. Раск, пойманный в объектив камеры, о чем-то доверительно сообщил Ласмине. Альбиноска рассмеялась. Десс насмешливо фыркнула. Драна приближать не стала — ее не интересовало, о чем болтали эти двое.

Наблюдать за Раскомом оказалось делом не из приятных. Она ощущала себя вуайеристом, подглядывающим в замочную скважину. Мерзкое чувство.

Во второй половине визора мать Ангеса, устроившись в плетеном кресле, читала электронную книгу. Десс вздохнула — ей предстояло провести вечер за скучным наблюдением за жизнью чужих людей.

Несколько часов спустя, сдавшись, она все-таки включила видеовизор. Захрустела печеньем, одним глазом поглядывая в экран, а другим наблюдая за семейством Бербен. Ее упорство было вознаграждено часом позже, когда на визор матери Ангеса поступил видеозвонок. Женщина ответила срывающимся от волнения голосом, и Десс поняла — вот оно!

— Ангес, боже мой, куда ты пропал? — поблевавшими губами выговорила Ди Бербен. — Ты даже представить себе не можешь...

Не дослушав, Десс коснулась микрофона и вызвала Вандри.

— Ангес! — хватило одного короткого слова, чтобы пробудить интерес на обычно невозмутимом лице наставника.

Вандри, не прерывая связи с ней, отдавала команды на интерактивный стол. Десс не видела всего, но понимала, что та сейчас озадачена поиском Ангеса.

— Засекли сигнал? — возбужденно спросила она.

— Да, есть.

Вандри назвала ей адрес. Отключив связь с ней и дронами, Десс направилась к аэромобилю. Продиктовала маршрут, помчалась по улицам Бене-Исс, ориентируясь по навигатору.

Сигнал исходил из парка в Палгеме — одном из самых бедных кварталов Бене-Исс. Старые дома постоянно обещали снести и возвести вместо них роскошные небоскребы, но, очевидно, в приоритете у Создателей были более важные проекты — например, изготовление тех же синтов, а до благоустройства богом забытого района дело все не доходило.

Десс пришлось припарковаться двумя улицами раньше — здесь ее сверкающий серебристым боком аэромобиль казался неуместным и вполне мог вызвать подозрения.

Она затемнила визор и подняла воротник кожаной куртки, чтобы хоть немного скрыть лицо. Прогулявшись по парку, пустынному и заброшенному, но Ангеса не увидела. Непривычно было бродить по серому Палгему после сверкающих огнями и hologрафическими рекламными баннерами центральных улиц Бене-Исс. Здесь дома, лишенные базового технического оснащения, стоили очень дешево, и это привлекало многих сомнительных личностей.

Маршалы периодически курировали Палгем, каждый раз возвращаясь с очередной добычей — пьяницами, наркоманами или же их дилерами. Правонарушителей тут же отправляли на переделку к Реконструкторам и сетовали, что пора бы уже стереть

порочащий Бене-Исс Палгем с лица земли. Но квартал и сам понемногу вымирал.

Убедившись, что Ангеса в парке нет, Десс послала дронов-наблюдателей обследовать примыкающие к нему улицы. Несколько минут просто ждала, так и не решившись присесть ни на одну из полуразвалившихся скамеек. В конце концов от одного из дронов поступил сигнал — он сумел вычислить загруженное в базу данных лицо Ангеса в пределах указанных Десс границ.

Она тут же вызвала Вандри.

— Мне... задержать его? — боже, как она не хотела, чтобы наставник дала положительный ответ.

— Это сделает другой маршал, я уже перенаправила связь с дроном на его визор, — к облегчению Десс, ответила Вандри. — Не хочу, чтобы Бербен видел твоё лицо и знал, что тыучаствуешь в операции. Вдруг он успеет предупредить остальных, а на тебя у меня другие планы.

— Какие? — осторожно поинтересовалась Десс.

— Позже. Сначала нам нужно добиться от Бербена ответов. Сейчас отправляйся домой. Как только понадобишься — я тебя вызову.

Десс ничего не оставалось делать, как последовать приказу наставника. Всю обратную дорогу ее не покидали мысли об Ангесе. Неужели он действительно примкнул к Свободным? Но почему решил вдруг пойти против установленных Системой правил? Что теперь будет с ним? А с Раском?

Прошло несколько часов, но Вандри по-прежнему не выходила на связь. Десс места себе не находила.

дила от волнения, но звонить Раску не стала — не хотела увидеть в его глазах упрек.

Только на следующее утро Десс поступил видеозвонок от Вандри. Лицо наставника, как обычно, было хладнокровным, но в голосе звучало торжество:

— Теперь мы полностью уверены, что Ангес является одним из Свободных.

Сердце упало. Десс силилась что-то сказать, но слов не находила. Затем все же выдавила:

— Он сдал... своих? Сказал, чего хотят эти Свободные?

— Нет. Он вообще все отрицал, — раздраженно бросила Вандри. — Будто бы правда думал, что мы поверим ему на слово.

— Как же тогда мы найдем их лагерь? Прикажете мне снова обследовать Палгем?

— Этого уже не требуется. Реконструкторы вытянули из него все, что могли. Адрес лагеря у нас есть. Правда, планы несогласных мы так и не узнали — просто потому, что Ангес сам ничего о них не знает. Он действительно примкнул к ним не так давно. — В голосе Вандри звучала досада.

Ее слова сильно впечатлили Десс. Значит, слухи, которые гуляли по академии — о том, что Реконструкторы — нечто большее, чем передельщики сознания, которыми их принято считать, оказались правдой. Она похолодела, только представив, как Реконструкторы одним им ведомым образом «просматривают» воспоминания Ангеса, выискивая необходимую информацию. Вряд ли такое грубое вмешательство сможет пройти для человека бесследно.

Это казалось... неправильным, жестоким. Да, Ангес бросил академию, стал несогласным — но ведь он ничего еще даже не успел совершить! Если бы Вандри уверилась в обратном, она наверняка сказала бы об этом Десс. За что тогда с ним так обошлись?

— Что с ним будет теперь? — слова сорвались с ее губ прежде, чем она успела их остановить.

Взгляд Вандри тут же стал холодным и колючим.

— Тебе не об этом стоит волноваться. Помни, Десс, ты еще не прошла испытательный срок в качестве маршала. А значит, тебе сейчас нужно приложить все усилия, чтобы убедить Систему в своей готовности посвятить всю свою жизнь служению Создателям. За тобой, как и за другими новобранцами, пристально наблюдают, и каждая ошибка может стать последней в твоей карьере маршала.

Вандри ясно говорила ей — не проявляй чувств, будь безжалостной и беспристрастной — таким и должен быть маршал. Десс кивнула хладнокровно, но черный комок смятения и тревоги внутри нее не давал покоя.

— Тебе и впрямь нужно будет снова отправиться в Палгем. Найди тот самый дом, понаблюдай за ним некоторое время. Фиксируй всех, кто входит и выходит. Позже ты должна будешь проникнуть к ним. Притворишься подругой Ангеса, скажешь, что от него о лагере и узнала. Разузнаешь о них все, что только сможешь — сколько их, чем они занимаются, какова их цель. Разные источники, говоря о Свободных, рассказывают одно и то же — что те одержимы разрушить Систему изнутри. Нам нужно понять, пустые

ли это слова или же у них действительно есть какое-то тайное оружие. Это тебе и предстоит выяснить.

Поразмыслив, Десс решительно покачала головой.

— Если я просто приду к ним и заявлю о том, что я — несогласная, это может вызвать подозрения. Особенно если произойдет это сразу после исчезновения Ангеса.

— Ангес не исчезнет неожиданно для остальных — мы об этом уже позаботились, — сухо отозвалась Вандри. — И все-таки в твоих словах есть доля истины — мы до сих пор не знаем, как именно Свободные находят своих последователей. К тому же в Сети информации о них крайне мало, и большая ее часть основана лишь на слухах и предположениях. Они тщательно скрывают свое местонахождение, и, как мы поняли из воспоминаний Ангеса, в самом штабе связь с теми, кто находится вне его, они не поддерживают — боятся, что Система может уловить сигнал и вычислить их.

Десс не выдержала и, рискуя навлечь на себя праведный гнев наставника, все же задала вопрос, который мучил ее уже долгое время:

— Почему они так важны? Подумаешь, какая-то группка людей, возомнивших себя революционерами и одержимых мифической борьбой с Системой.

— Такие люди опасны для общества, — отчеканила Вандри. — Они могут воздействовать на сознание слабых людей, склонить их на свою сторону. Раньше, до появления Создателей, людей часто поражала страшная болезнь, называемая раком. Так вот, эти Свободные — они как раковые клетки. Расползаются, поражая все большее пространство организма.

Их необходимо уничтожить подчистую, чтобы от зары, которая поселилась в их головах, не осталось и следа. Бунтарей ждет участь Измененных. Только тогда они искупят грехи перед обществом и перед Создателями.

Десс поразило, сколько страсти прозвучало в голосе обычно невозмутимого наставника. Похоже, все это по-настоящему волновало женщину. И хотя Десс по-прежнему не могла понять, почему Система так зацикlena на группе ничем не примечательных людей, она все же не могла не признать правоту Вандри. Она — маршал, и если Система приказала примкнуть к Свободным и выведать их планы, значит, она это сделает.

Десс помолчала, тщательно обдумывая сказанное Вандри. А затем, вскинув голову, решительно сказала:

— У меня есть идея.

Глава двенадцатая ПОБЕГ

— Харт!

Он вздрогнул и поднял глаза на Ливи.

— Я уже битый час тебя зову! — Она отодвинула в сторону поднос и выжидающе уставилась на него со странным выражением на лице, в котором смешались любопытство и тревога. — Что тебя так гнетет?

Он не собирался рассказывать милой, но малознакомой девушке о Берке и о том, как и почему попал сюда. Но, повинувшись внезапному импульсу, выпалил все на одном дыхании. Ливи внимательно слу-

шала, задумчиво царапая ногтем белую поверхность стола. В какой-то момент, когда Харт, забывшись, в ярости начал сыпать проклятиями в адрес Системы, она его остановила — схватила за руку. Он мгновенно замолчал. Прикосновение теплой руки Ливи неожиданно смущило — вспомнилось, как точно так же на церемонии совершеннолетия Элси успокоила его, готового взорваться.

Он высвободил руку — неосознанно, но Ливи обиженней не выглядела. Кивнула в сторону дизагрессора, маячившего неподалеку от их стола. Харт с усилием кивнул.

— Просто это кажется мне чудовищной несправедливостью, — устало сказал он. — Для Реконструкторов человек — как открытая книга, страницу из которой они могут прочесть почти без усилий. Я уже не говорю о том, что они нарушают человеческие права, но... Что, если однажды синтетики больше не захотят довольствоваться ролью, данной им Создателями? Что, если решат пойти против людей? Ты хоть представляешь, что тогда произойдет? Если нет, я тебе скажу — мы будем обречены. С таким совершенным оружием нам не совладать.

— Восстание машин? — усмехнулась Ливи. Но и в голосе, и в глазах ее не было веселья. Вздохнула. — Харт, я понимаю, что ты чувствуешь сейчас.

— Не думаю. Из-за тебя никого не обрекали на участь стать Измененным.

Харт долго молчал, не зная, стоит ли рассказывать Ливи, что было у него на уме. Она казалась такой искренней, но... в этом безумном мире он уже не знал, можно ли вообще кому-то довериться.

В конце концов, взглянув в горящие участием зеленые глаза, все же решился.

— Я не хочу становиться Измененным, не хочу, чтобы Реконструкторы что-то меняли во мне.

— Харт, все те, кто находятся здесь, могут сказать то же самое... — начала Ливи.

— Ты не понимаешь! — пылко воскликнул он. — Я хочу отсюда сб...

Она снова оказалась быстрее. Перегнувшись через стол и зажала ладонью его рот. Убедившись, что Харт, ошарашенный, не произнесет и звука, села на место. Огляделась по сторонам, вроде бы расслабилась, но, удостоверившись, что опасность миновала, накинулась на Харта дикой кошкой.

— Ты что творишь?! — прошипела Ливи. — Ты хоть понимаешь, что в таком месте, как это, некоторые слова нельзя произносить?

Харт пораженно уставился на нее. Он и правда не знал, что Система в своем маниакальном стремлении контролировать людей дошла уже и до такого.

Ливи глубоко вздохнула и заговорила уже спокойнее:

— Дроны реагируют не только на человеческие эмоции, но и на слова. То, что ты сейчас хотел сказать, не произноси ни в коем случае — даже во сне. Но я тебя поняла. И даже... смогу помочь. — Она нервно покусала губу. — Больше медлить нельзя — сегодня мне предстоит визит к Реконструктору. Я и так тянула очень долго — дурачила им голову, убеждала, что желаю сотрудничать. Наговорила им всякой ерунды, жаль только, что это так быстро вскрылось.

— Подожди-подожди, — прервал Харт ее торопливую речь. — Что значит «смогу помочь»?

— То и значит! — Ливи закатила глаза. — Признаюсь — я наблюдала за тобой все это время. Пыталась понять, такой ли ты, каким мне показался еще во время первого нашего разговора. Прости, но... я должна была удостовериться, что могу тебе доверять.

Харт усмехнулся. Имел ли он право осуждать ее? Ведь о том же самом размышлял буквально несколько минут назад. Что с ними сделала Система, если они боятся доверять не только синтетикам, но и друг другу?

Он спросил просто:

— Убедилась?

Ливи кивнула. Поднялась, захватив с собой пустой поднос.

— Будь наготове. Сегодня. Не спи.

И ушла, оставив Харта гадать, что все это может означать. Он вернулся в камеру, развалился на кровати, подложив под голову руки. Потянулось тягостное ожидание. Вот только... ожидание чего?

Внезапно вспыхнувшая после загадочных слов Ливи надежда сменилась неверием: как эта хрупкая девчонка поможет ему сбежать из тщательно охраняемой синтами и маршалами тюрьмы?

За окном стремительно темнело. Харт лежал, лениво размышляя о том, что происходит за закрытой дверью его камеры. Поначалу, когда он только сюда попал, эта всепоглощающая тишина сводила его с ума. Не раз ловил себя на том, что блуждает из угла в угол только для того, чтобы заполнить ее зву-

ками своих шагов. Потом смыкся, но все еще не перестал вспоминать с тоской шумный Бене-Исс. Окно в его спальне выходило на площадь. Детские голоса, смех молодежи, ежевечерние концерты — он уже и позабыл, когда в последний раз обновлял плейлист на планшете. Всего этого так не хватало...

Харт все же позволил себе провалиться в сон — просто в конце концов осознал, что никакого побега не состоится. Глупо было доверять словам девчонки, угодившей к Реконструкторам за нападение на синтетика — дурацкий, безрассудный поступок.

Он проснулся от того, что луч света упал на лицо. Вскочил, не сразу поняв, что происходит.

На пороге открытой двери стояла Ливи. Фиолетовые волосы разметались по плечам, худое лицоказалось бледным и напряженным. А за ее спиной маячила праэко.

Харт невольно отшатнулся, уперся спиной в стену. Первой мыслью было: Ливи поймали, когда она покинула камеру. А прочитав ее намерения, теперь пришли и за ним. Но не успел он в полной мере осознать бедственность своего положения, как девушка произнесла:

— Не волнуйся, она взломана.

Харт удивленно взорвался на нее.

— Нет времени объяснять, — отмахнулась Ливи. — Я же просила тебя не спать!

Он бросился вон из комнаты. Адреналин взбурлил в крови, прогоняя остатки сна и побуждая двигаться вперед — как можно дальше от проклятой клетки. В голове крутились тысячи вопросов, но Харт понимал, что сейчас не время их задавать.

Выскочив из камеры, он наткнулся на лежащие на полу тела в серебристо-черной форме. По спине пробежал холодок. Пусть совсем недавно он шел по этому коридору, сочась лютой ненавистью к маршалам, вставшим на сторону Системы, но ведь у каждого из них была семья. И... они были людьми, а не бездушными машинами.

Должно быть, все эмоции были написаны у него на лице, потому что Ливи, поморщившись, сказала:

— Они просто без сознания. — Девушка подняла вверх левую руку. Из перчатки на уровне запястья высунулась игла. — Ты же не думал, что я убила их всех?

Харт оставил ее вопрос без ответа. И правда — о чем он думал?

— Как мы выберемся отсюда? У тебя есть план?

Ливи взглянула на него снизу вверх.

— Ты действительно считаешь, что я решилась бежать, ничего не продумав? — ядовито осведомилась она. — Идем к лифту. Вниз нам нельзя — выход во двор охраняется слишком хорошо. Мы уйдем через крышу.

Харт, кивнув, бросился вслед за ней. Обогнал ее и тут же остановился, тревожно глядя на пролетающего над ними дрона-наблюдателя.

— Не волнуйся, — сказала Ливи. — Мириам отключила их. Они спят и видят сны.

— Мириам? — пораженно воскликнул Харт, глядя на покорно следующего за ними синта.

Ливи кивнула. Нырнула за угол, на небольшую площадку перед лифтом. Рядом с дверьми лежали два маршала. Нагнувшись, Харт взял у одного из них

парализующий бластер. Ливи одобрительно кивнула, глядя на оружие.

Только сейчас, в свете ламп над лифтом, он разглядел на ее руке странное приспособление вроде широкого браслета — от запястья до самого локтя. Когда Ливи прислонила «браслет» к сенсорной панели у дверей лифта, послышался тихий щелчок. Харт понял — она взламывала код.

— Что это? — спросил он.

Девушка проследила за его взглядом.

— Омнитул, — пояснила она.

Харт фыркнул — будто ему сразу все стало ясно! Но невеждой в глазах юной хакерши выглядеть не хотелось, потому от дальнейших расспросов он воздержался.

— Отец отправил Мириам мне на выручку, как мы и договаривались. — Сосредоточенно хмурясь, Ливи наблюдала за сверкающими линиями на омнитуле, очевидно, показывающими процесс взлома. — Незадолго до того, как угодить сюда, я закачала в нее софт, позволяющий ей незначительно изменять внешность. Один из маршалов — шпион Свободных. Он пропустил Мириам как тюремную праэко. Обман рано или поздно вскрыл бы, поэтому медлить было нельзя. Тем более я не уверена, что моих возможностей хватит для того, чтобы убежать от Реконструкторов, когда настанет час отправиться к ним. — Ливи передернула худыми плечиками.

Замок одобрительно пискнул. Зеленая полоса, высветившаяся на дисплее омнитула, по всей видимости, означала, что взлом прошел успешно. Двери лифта гостеприимно распахнулись, из него вылетел

дрон-наблюдатель. Прошелся лучами по лицам беглецов и спокойно направился дальше.

Внезапная мысль заставила Харта нахмуриться.

— Подожди, но если дроны находятся в «спячке», то что они видят? И что видят те, кто сидит за камерами?

— Записи вчерашнего дня, — бросила Ливи. Улыбнулась, довольная его реакцией, и вошла в лифт. Дождавшись, когда синтетик последует за ними, прикоснулась к панели, закрывая дверь.

— И это все сделала ты? — поразился Харт.

— Мириам. Хотя софт для нее создавала я, так что фактически... — Тонкие пальчики заскользили по сенсорному дисплею, набирая шестой этаж.

— Подожди!

Ливи вздрогнула от неожиданности, перевела на него растерянный взгляд.

— Я... я не могу уйти без Берка.

— Харт, — протянула она с мукою на лице. — Если бы я могла выпустить всех — я бы это сделала. Нас уже ждут. Если что-то пойдет не так, они улетят без нас, и второго такого шанса нам уже не представится...

— Ливи, ты должна понять! — торопливо заговорил Харт. Время работало против них, но он знал, что его выбор — единственно верный. — Берк попал сюда из-за меня! Я не могу уйти и обречь его на переделку.

Она закрыла глаза. Постояла так пару мгновений, вздохнув, отняла руку от панели.

— И конечно же, в какой камере он находится, ты не знаешь, — полуутвердительно сказала Ливи.

Харт виновато пожал плечами.

— Ладно, — она снова вздохнула. Повернулась к Мириам, коснулась рукой ее живота, расстегивая скрытую молнию.

Перед глазами Харта ослепительной вспышкой мелькнуло воспоминание: Реконструктор отодвигает ткань костюма, обнажая нутро с черными проводами-змеями.

Ничего такого у Мириам, разумеется, не было. Сдвинув панель, заменяющую синтетику живот, Ливи продемонстрировала полость, в которой, как в сейфе, хранился черный глянцевый шар дрона-наблюдателя. Теперь Харт понял, из какого «тайника» девушка достала свое снаряжение — иглу с сонным зельем и омнитул.

Пока его неожиданная спасительница возилась с дроном, он нервно прислушивался к звукам за стенами лифта. Кажется, пока все спокойно — взломанные дроны не видели лежащих у камер тел, а охрана — маршалы или прайко, наблюдающие за тюрьмой в какой-нибудь из комнат, — видела лишь записи вчерашнего дня. Но рано или поздно кто-то из них непременно заметит несоответствие — и тогда весь тщательно продуманный план Ливи полетит ко всем чертям.

Прислонив омнитул к дрону, Ливи что-то быстро набирала на голограммической панели, проявившейся над «браслетом».

— Ладно, доступ к записям я получила, — немного нервно проговорила она. — Проблема только в том, что я понятия не имею, как этот твой Берк выглядит. А просматривать лица всех заключенных...

— Подожди! Я разговаривал с ним позавчера, в столовой, — осенило Харта. — Было около двух часов дня.

— Хорошо, посмотрю.

Несколько минут, тянувшихся как резина, наконец сменились возбужденным голосом Ливи.

— Все, я нашла!

Харт взглянул на голограммическую запись. Увидел себя, склонившегося над столом Берка. У него что, всегда так торчат волосы? Он машинально пригладил светлые вихри рукой, пока Ливи проматывала запись вперед. Угол обзора изменился — дрон-наблюдатель полетел дальше, оставив Харта и Берка позади, выяснить отношения. Ливи переключалась с камеры на камеру, отслеживая дальнейший путь Берка. Как только он вышел из столовой, один из маршалов пошел по его пятам и открыл дверь в камеру — в другом конце коридора, где находилась комната Харта.

— Готово! — воскликнула Ливи.

Глаза ее возбужденно блестели. Харт видел в них азарт, пляску адреналина — но не страх. В который уже раз эта юная особа с фиолетовыми локонами вызвала в нем симпатию и искреннее уважение. Вообще, складывалось такое ощущение, что все происходящее — взлом дронов, командование синтом, отправка маршалов в недолгий, но малоприятный сон — Ливи не в новинку.

Двери лифта отворились. Девушка выскочила вперед, за ней — ее верная телохранительница Мириам, следом — Харт. Фиолетоволосая хакерша уверенно мчалась вперед, к заветной двери, за которой скрывался Берк.

Омнитул, действуя как электронная отмычка, взломал замок всего за пару минут. Потеснив Ливи, Харт вошел внутрь, в темноту камеры. Увидел лежащего на кровати Берка — в отличие от него, тот не проснулся от ворвавшегося в комнату света. Пришлось слегка встряхнуть его за плечи.

Харт нервничал и не понимал, как Ливи удается оставаться настолько спокойной — ведь маршалы могли очнуться в любую минуту, дроны — обнаружить и устраниТЬ программную ошибку и вновь «прозреть», а прайко — заподозрить неладное. Но зная, что подобные мысли ничем не могли ему помочь — скорее, только отвлекали, нагоняя преждевременную панику, — Харт изо всех сил старался сосредоточиться на первостепенной задаче. Сейчас она заключалась в том, чтобы разбудить Берка.

Ему это удалось. Дилер вскочил, испуганно тараща глаза. Увидев Харта — слегка успокоился, увидев Ливи — удивился. Когда взгляд переместился на Мириам, по-прежнему маячившую за спиной хакерши, лицо исказила гримаса недоумения.

— Все в порядке, она взломана, — повторил Харт недавние слова Ливи. И, черт возьми, ему нравилось их произносить! Нравилось осознавать, что синтетики не настолько совершенны, какими люди привыкли их считать. И человек все же способен провести даже высокоразвитый искусственный интеллект.

Реакция Берка на эти слова была зеркальным отражением его собственной реакции. Но, к чести дилера, ему потребовалось совсем немного времени, чтобы прийти в себя и понять, чего хотят от него незванные гости. Харт был уверен — как и у него, у Бер-

ка на языке вертелись сотни вопросов, но тот решил приберечь их на потом.

Уже вчетвером — три человека и один синт — они бросились по коридору. Добежали до лифта и скрылись в нем. Приложив омнитул к панели, Ливи заставила кабину подняться до шестого — последнего — этажа.

— Что, если нам попадутся Реконструкторы? — заметно нервничая, проговорил Берк.

— Не попадутся, — уверенно отозвалась Ливи. — Я рассчитала время — Реконструкторы сейчас заняты обрабатыванием очередной жертвы. — Она заметила укоризненный взгляд Харта, смущилась. Сказала негромко, словно оправдываясь: — Я не могу спасти всех. К тому же я не знаю... Среди людей, приговоренных к переделке, есть те, кто действительно этого заслуживает — убийцы, похитители, насильники. Я и так ослушалась отца — он не желал, чтобы я помогала кому-то другому, кроме тех, за кем пришла.

— За кем пришла? — не понял Харт.

— Здесь мои друзья. Точнее, были — они ждут нас на крыше. — Ливи улыбнулась краешками губ. Лифт остановился, открывая взгляду беглецов пустую площадку шестого этажа. Значит, ее друзья успели позаботиться о маршалах. Ливи вильнула в сторону, прошла несколько шагов, толкнула дверь, за которой оказалась лестница — и выход на крышу. Она превосходно ориентировалась в пространстве — планирование побега явно заняло у нее не один день.

— Подожди, ты хочешь сказать, что специально попала в логово Реконструкторов?

Она неожиданно рассмеялась. Толкнула последнюю дверь. Ветер разметал фиолетовые пряди. Вслед за ней Харт шагнул на крышу. Темень ночи была щедро разбавлена светом аэромобильных огней.

— Логово, — все еще посмеиваясь, сказала Ливи. — Никогда не думала так об этом месте. Ну а в общем, да. Мои друзья... эмм... они не обладают такими познаниями в программировании, какими обладаю я. Попросту говоря, без помощи извне выбраться отсюда практически невозможно. Да и по большому счету, нам повезло.

Харт был потрясен. Ливи добровольно обрекла себя не только на заточение, но и — в случае провала — на Изменение. И все для того, чтобы спасти друзей.

Направляясь к аэромобилям, за которыми смутно угадывались человеческие фигуры, Харт думал лишь о двух вещах, целиком и полностью завладевших его сознанием. Первая — он все-таки выбрался из тюрьмы, избежав сомнительной участи стать Измененным.

Вторая, которая, как ни странно, довлела над первой: а смогла бы Элси совершить что-либо подобное ради него? Не сбежать из тюрьмы — в чем он тоже сильно сомневался, — а попасть туда намеренно, чтобы вызволить из ловушки тех, кто ей дорог.

Пошла бы она за ним в самое пекло?

Глава тринадцатая ШПИОНКА

На правах маршала Десс заняла комнату в одном из домов Палгема. Перепуганная женщина в засаленном халате — хозяйка дома —

поспешила ретироваться на кухню, даже не предложив незваной гостье чаю.

Десс поведение хозяйки не расстроило — достав из внутреннего кармана изящную фляжку с «Блеском», она отхлебнула холодный кофейный напиток. Все ее внимание сейчас было приковано к дому напротив, где, по сведениям Вандри, полученным из памяти Ангеса, находился лагерь Свободных.

Несколько часов утомительного ожидания, разбавляемого разве что перепиской с Раском и просмотром камер наблюдения — редких артефактов Палгема, вознаградили Десс сполна. Она увидела парня — рыжего, долговязого, которого посланный ею дрон-наблюдатель прежде уже засекал.

Десс сфотографировала фасады соседних от наблюдавшего домов. На экране визора замелькали архивы Системы — полный перечень лиц, в данный момент там проживающих, их фото — официальные и любительские, фамилии и имена. Но никаких рыжих и долговязых Десс среди них не обнаружила, — а ведь парень ошивался в этом районе уже не первый день. Правда, в дом Свободных с парадного входа он не входил — юркал в проулки и терялся среди них, пользуясь тесным и на редкость хаотичным расположением зданий.

Нетрудно догадаться, что у обители Свободных существовал другой вход, скрытый от посторонних и подозрительных глаз. Нельзя не признать, что несогласные на редкость предусмотрительны: заброшенный, богом забытый квартал, отсутствие камер, завуалированный вход и конспирация. Вот только в любой системе, при желании, можно обнаружить

изъяны. Первым изъяном оказался Ангес — именно его желание связаться с семьей привело маршалов сюда. Вторым — рыжеволосый верзила, за которым Десс следила с неослабевающим интересом.

Она видела, как рыжий проходит мимо здания, в котором скрывались Свободные. Видела, как направляется дальше, чтобы затеряться среди домов. Послала вслед за ним дрона, но тут же была вынуждена повернуть его назад — ей совсем невыгодно, чтобы Свободный заметил слежку. Тогда все планы на проникновение в лагерь — коту под хвост.

Главное, что она поняла — не все Свободные были затворниками. Некоторые из них по тем или иным причинам периодически покидали лагерь, даже и не подозревая, что находятся под неусыпным надзором маршалов.

Десс наметила цель и готова была к следующему шагу.

Она обрисовала Вандри план, и наставнице он пришелся по вкусу. Для того чтобы претворить его в действие, Десс, пробыв дома всего полчаса, вновь вернулась в Палгем — уже не таясь, лишенная оружия и переодетая в гражданскую одежду. Ее выбор пал на достаточно откровенное платье — все знают, что маршалы женского пола платья на дух не переносят. Несколько браслетов, обнявших тонкое запястье, объемные серьги и смелый макияж — Десс сейчас походила на кого угодно, но только не на маршала при исполнении. Но для свершения ее миссии образа легкодоступной девицы было недостаточно.

Десс отправилась в парк с еще одним маршалом, загrimированным под штатского. Главного ге-

роя ее маленькой пьесы играл Хаммель — угрюмый плечистый маршал, как и она, недавний выпускник академии. Она едва сдерживала смех, глядя на Хаммеля, выкрасившего волосы одноразовой краской в синий цвет и украсившего уши десятками колечек, а шею — огромной татуировкой дракона. Хаммель выглядел внушительно, но на деле был скромным малым, и в этом готическом образе ему явно было некомфортно.

Перед глазами Десс, скрытыми полуупрозрачным визором, мелькали кадры, которые передавал ее верный помощник-дрон. Запрограммированный на поиск одного-единственного лица, он терпеливо перебирал лица прохожих в заданной Десс области.

За руку с Хаммелем она прогуливаясь по уже порядком осточертевшему парку. Остальные участники действия притаились в ожидании своего часа. Десс прошла, кажется, уже десятый круг, когда визор вспыхнул красным. В правой половине экрана появилось веснушчатое лицо с падающими на лоб огненными прядями. Десс толкнула Хаммеля в бок. Продолжая неумело изображать из себя влюбленную парочку, они направились к выходу из парка, а затем — вниз по улице, навстречу долговязому.

Десс сохраняла спокойствие. Знала, что все получится — иначе и быть не могло.

Всего несколько домов разделяли их с рыжим. Дрон-наблюдатель по пятам следовал за ним, передавая на экран ее визора линии пересечения и расстояние, оставшееся до столкновения. Десс осталось преодолеть поворот — и через минуту встреча ока-

заялась бы неизбежной. Но это пока не входило в ее планы.

Она остановилась. Коснувшись визора, подала сигнал. Из подворотни выскочил один из маршалов «старшего поколения» — так новобранцы называли тех, для кого академия осталась лишь зыбким и далеким воспоминанием. В серебристо-черной форме, с парализатором наготове, он выглядел опасным и весьма убедительным.

Десс сверилась с интерактивной картой визора. Едва заметно кивнула. Когда рыжий пересек поворот, он стал свидетелем шокирующей сцены, в которой маршал нападал на беззащитного гражданско-го. Хаммель — не такой уж беззащитный и всяко не гражданский, — отбивался, как мог. Парализующий бластер отлетел в сторону, маршал, лишенный оружия и не имеющий права в подобной ситуации применять боевой пистолет, вооружился кулаками.

Десс, играя обиженную и не в меру деятельную девушку Хаммеля, встала на его защиту: накинулась на маршала и принялась царапать длинными ногтями его лицо. Видела его боль, но останавливаться не собиралась. И он, отшвырнув ее от себя на асфальт, сил не пожалел. Она сама попросила его об этом — у Свободного не должно было остаться никаких сомнений, что все происходящее — правда.

Она упала, ободрав колени и локти в кровь. Всхлипнула, ошеломленно глядя на израненную кожу. Неловко поднялась, в экране визора удовлетворенно наблюдая растерянное лицо рыжего. Он знал, что вмешиваться — значит выдать себя, а потому просто замер в ожидании развязки.

Она наступила нескоро — Хаммель дрался как бык, но маршалу все же удалось повалить его на землю. А потом... он вытащил из кобуры боевой лазер, не обращая внимания на испуганные крики Десс. Она бросилась на него как кобра, замолотила руками — неумело, бесполково, как и полагалось обычной гражданской, не знающей, что такое каждодневные тренировочные бои.

Маршал снова отбросил ее от себя, но стрелять в Хаммеля передумал. Поднял парализующий бластер, мстительно прошелся по телу нарушителя и только после этого заковал в наручники. Вместе с ним направился к поджидающему его аэромобилю, оставив Десс, дрожащую и всхлипывающую, лежать на холодном асфальте.

Только после того, как маршал улетел, рыжий подбежал к Десс.

«Трус», — презрительно подумала она, не переставая плакать. Это было самым сложным: слезы для нее — вещь совершенно противоестественная.

— Боже мой, ты в порядке? — взволнованно вопросил Свободный, помогая ей встать на ноги.

— Ты видел это, ты видел? — вскрикнула Десс, тыча в ту сторону, где несколько минут назад стоял маршал. — Он навел на Хаммеля пистолет! Боевой пистолет! Да какое он имел право?! А что, если... если... — Она захлебнулась в рыданиях. Кинулась на шею рыжего, кривясь от слишком приторного запаха одеколона, которым пропахла его футболка.

Тот принялся утешать ее, неловко глядя по волосам.

— Что произошло? Почему... что маршалу нужно было от вас?

Мстительно размазав потекшую тушь о белую футболку долговязого, она ответила:

— Хаммель — мой парень, но он... — Десс опустила взгляд вниз. — Он не мой элект. Мы хотели просто побывать вдвоем, подальше от чужих глаз, подальше от дронов. Думали, что здесь нас не найдут и хоть ненадолго оставят в покое. Мы и раньше получали предупреждение Системы, но всегда игнорировали его. И в этот раз проигнорировали тоже. Я не думала, что так... что все так обернется.

Она отстранилась, заглянула в блекло-голубые, словно выцветшие, глаза Свободного.

— Мы хотели уже возвращаться домой, но тут... увидели маршала. Он обвинил нас в неоднократном нарушении правил. Хаммель разозлился, грубо ответил ему. Маршал прямо взбесился! Набросился на него, ну а потом... ты, наверное, видел.

— Видел, и... — Рыжий смутился. На бледных щеках выступили красные пятна. — Прости, что не помог. Я на шаг от Черты. Если бы я вмешался...

— Нет, что ты! — горячо воскликнула Десс, сжимая в своих руках его безвольную руку. Щеки, покрытые россыпью веснушек, заалели еще ярче. — Маршалы... я до дрожи боюсь их — наверное, даже больше, чем синтетиков.

Она отпустила руку Свободного. Помолчала, глядя в землю. Резко вскинув голову, заглянула в глаза и прошептала, едва сдерживая злые слезы:

— Ненавижу их, ненавижу! Я бы... уничтожила их всех — одного за другим! И синтетиков, и тех, кто их защищает! — Десс затравленно посмотрела по сторонам. Сказала уже тише, но не снижая градуса

ярости: — Ненавижу эту проклятую Систему — она не позволяет мне быть рядом с тем, кого я люблю!

Это было чертовски рискованно, но необходимо. Рыжий, похоже, особой сообразительностью не отличался — поплыл, увидев заплаканную девчушку в порванном платье, едва прикрывающем ягодицы. Ей нужно было только подтолкнуть его — Свободный должен сам произносить заветные слова. И он ее не подвел.

— Ты... ты не хочешь присоединиться к нам?

— К... вам? — непонимающе переспросила Десс, старательно хлопая длинными ресницами. Она надеялась, что со стороны кажется эдакой хорошенъкой дурочкой. Тем лучше — меньше схожести с образом сурового маршала.

Рыжий сосредоточенно кивнул. Понизил голос до едва слышного шепота.

— Да. Мы зовем себя Свободными. Мы хотим бороться с Системой.

«Конспиратор чертов! — насмешливо подумала Десс. — Дроны все равно умеют читать по губам». Ее уважение к Свободным — если таковое вообще имелось — таяло с каждой минутой. У них что, там все такие — недалекие подростки, одержимые идеей мести Системе? К слову, невероятно глупой идеей, заранее обреченной на провал.

Десс перестала всхлипывать, с надеждой взглянула в блеклые, похожие на рыбьи, глаза.

— Вы... вы думаете, это сработает? — спросила она так тихо, как только могла. — Думаете, Систему можно разрушить?

— Можно, — важно кивнул рыжий.

— И... как же?

Вот оно. Значит, Вандри была права, и у несогласных есть некое «оружие» против синтов или же их Создателей. Вот только какое?

Глядя на стремительно меняющееся лицо Свободного, Десс с досадой поняла: он не знает. Он просто один из тех юнцов, которые возомнили себя будущими революционерами, отважными мятежниками. А все его слова — не более чем наживка для таких вот доверчивых дурочек с дорожками перемешанных с тушью слез на щеках.

— Есть люди... Я могу привести тебя к ним. Они помогут. — Рыжий изо всех сил пытался выглядеть в ее глазах героем и спасителем. Спохватился: — Меня, кстати, зовут Ричер.

«Нет, милый, — с ленцой подумала Десс. — Для меня ты просто Рыжий».

Рыжий Ричер продолжал увершевать ее, но она слушала уже вполуха. Своей цели она достигла, теперь дело за малым — связаться с главарями и выяснить, затевают ли они бунт или это просто кучка испуганных, недовольных людей, не представляющих никакой опасности.

Поправляя разлохмаченные волосы, Десс незаметно коснулась рукой визора. Одним нажатием на заветную кнопку стерла все данные — на случай, если ее заподозрят и обман пожелаю раскрыть. Одновременно на другом конце Бене-Исс наставник Вандри получила сигнал — миссия по проникновению в лагерь успешно завершена.

Десс, неуверенно пожав плечиками, вцепилась в заботливо подставленный локоть Рыжего и вместе с ним направилась к лагерю Свободных.

Как она и предполагала, в здании существовал и другой вход. Неуклюжая пристройка, напоминающая допотопных времен сарай, оказалась этим самым входом. Вслед за Рыжим Ричером Десс очутилась в просторном помещении. Когда-то, вероятно, роскошный особняк угнетал последними крохами своего былого величия. Все вокруг было таким хрупким и старым, тронь — и рассыплется в прах. Дом казался заброшенным — на давно не растапливающем камине толстый слой пыли, в воздухе настойчивый запах плесени. И ни одного намека на чье-либо присутствие.

Десс было подумала, не совершили ли они ошибки, приняв покинутый дом за лагерь Свободных, но тут же отбросила эту мысль. Рыжий провел ее в дальнюю комнату... к огромному, в пол, шкафу. Загадочно улыбаясь, отворил дверцы и нажал на скрытую от глаз панель сбоку. В то же мгновение задняя стена шкафа отъехала, открыв площадку с идущей вниз лестницей.

Десс едва удержалась, чтобы не закатить глаза. Потайной ход — да ладно!

Но стоило ей спуститься по ступенькам и увидеть то, что скрывала за собой двустворчатая металлическая дверь с кодовым замком, как от ее насмешливости не осталось и следа. Наверное, когда-то это громадное помещение, по бокам разделенное на секции-комнаты, было бункером. Теперь здесь кипела жизнь. Десс заметила два или три десятка молодых людей и подростков, сновавших бесцельно или занятых беседой, несколько дронов-пауков, с тихим жужжанием перебирающих металлическими лапами.

Появление Десс многих озадачило. На нее уставились несколько десятков глаз — кто с недоумением, а кто с недоверием. К ним стали подходить. Пока Ричер рассказывал остальным ее слезливую историю несчастной любви, чужие взгляды сочувственно скользили по разбитым в кровь коленям, по размазанной по лицу косметике. Кто-то вызвался отвести ее в дамскую комнату умыться, кто-то — одолжить свою одежду взамен разорванного платья. Один из парней — на вид самый старший из этой странной компании и предложил флягу с виски, настоящим виски! — «для поднятия духа». Десс дух поднимать отказалась. Подумала, что самым правдоподобным будет смутиться от изобилия всеобщего внимания, а потому молчала, лишь изредка односложно отвечая на чей-то вопрос.

Стихийно возникшую вокруг нее суету уняло появление высокого харизматичного мужчины, чьи темные волосы серебристыми мазками оттеняла седина. Наверняка лидер Свободных. Об этом говорил не только его возраст — большинству присутствующих он годился в отцы, но и уважение, читающееся в их взглядах.

— Как тебя зовут, милая? — мужчина ласково улыбнулся. На щеках проступили две ямочки.

— Десс, — она не считала нужным скрывать свое настоящее имя. Все равно ради этой миссии Вандри заменила информацию о ней в Сети на ложную. Та Десс Ларсо в академии не училась и к маршалам не имела никакого отношения. Отец был школьным учителем, мать — официанткой в дорогом ресторане. Были до тех пор, пока аэромобильная авария не унесла их

жизни. В Сети Десс числилась сиротой, что вызывало у нее крайне смешанные чувства. Неизменной осталась только информация о Блэки — будущем Творце.

— Я — Дигг Хендриксон, — представился мужчина. С лукавой улыбкой оглядел остальных. — Правда, все зовут меня просто Хендриксоном. Никак не могу приучить их называть меня Диггом.

Свободные разошлись по своим делам. Рядом остались только те, кто предложил свою помощь. Одна из девушек с золотой сережкой в виде паука обработала ободранные колени Десс. Другая помогла стереть размазанную по лицу косметику. Десс не замечала и не запоминала их лиц и имен — они были фигурами второго плана. Ее цель — Хендриксон.

Приведя себя в относительный порядок, она поспешила его найти. Блуждая по лагерю, осматривалась вокруг с невинным и вполне ожидаемым любопытством. Две спальни — женская и мужская, идеально чистая столовая, несколько закрытых на кодовый замок дверей.

Хендрикsona она нашла в одной из комнат-секций. Сидя за интерактивным столом и озадаченно хмурясь, он смотрел на какой-то хитроумный голограммический чертеж. Услышав шаги Десс, погасил экран, заставив голографию раствориться. Развернулся на крутящемся стуле, спросил, продемонстрировав ямочки на щеках:

— Ну что, как тебе здесь?

— Уютно, — с невинной улыбкой солгала она.

Хендриксон довольно кивнул. Помолчал, спросил осторожно:

— Я так понял, идти тебе некуда?

Скорбно опустив уголки губ, Десс озвучила заранее подготовленную легенду:

— Я сирота. Хаммель — все, что у меня было. А теперь он, наверное, уже в руках Рекострукторов. — Она довольно правдоподобно передернула плечами — что и говорить, облаченные в черное киборги, управляющие человеческим разумом, способны напугать кого угодно. Даже ее.

Хендриксон сочувственно покивал. Поднялся, подошел к низкому шкафу из светлого дерева. Из небольшого ящика — или же внушительной шкатулки — вынул серебристый браслет. Мягко взяв руку Десс в свою, надел его на ее запястье.

— Что это? — поинтересовалась она.

— Что-то вроде атрибута Свободных. — Хендриксон рассмеялся собственной шутке, но тут же посерезнел. — На самом деле в этом браслете спрятан довольно хитрый чип — как только перед тобой появится синтетик, пластина на внутренней стороне браслета завибрирует.

— И... зачем мне это? — недоуменно спросила Десс. — Я и так знаю, когда передо мной находится синт.

— Поверь мне, не всегда.

Слова Хендрикsona заставили ее насторожиться.

— Что вы имеете в виду?

Вместо ответа он вновь уселся за интерактивный стол. Вызвал какую-то голограмму — судя по всему, данные с камеры наблюдения одного из дронов. Промотал видео назад, поманил Десс пальцем. Все еще не понимая, она подошла ближе и проследила за его указующим перстом.

На приостановленном кадре усталая женщина шла по безлюдной улице. В руках она сжимала сумку — должно быть, несла что-то ценное и боялась за его сохранность. Хендриксон коснулся кадра, увеличивая его. Стали заметны морщины вокруг рта и серо-голубых глаз, седая прядка, воровато выглянувшая из крашенной в черный копны волос.

— И? — протянула Десс.

— Это синт.

Девушка отстранилась от экрана, чтобы через несколько секунд снова к нему прильнуть. Восхитившись недоверчиво:

— Да ладно!

Хендриксон покивал.

— О том я и говорил. Создатели поднаторели в создании синтетиков. Теперь их едва можно отличить от настоящих людей — разумеется, только внешне. Но твое изумление вполне объяснимо — они не хотят это афишировать, ведь незнание людей дает им определенные преимущества. Вот скажи, стала бы ты сплетничать с давней знакомой, предполагая, что та может оказаться искусно сделанным синтетиком? То-то же. Они повсюду, Десс. Синтетики повсюду.

Кабинет Хендрикса она покидала со смешанными эмоциями. Сказанное им казалось слишком невероятным и по большей части бессмысленным. Как бы то ни было, но своей цели Десс добилась — судя по всему, Хендриксон и мысли не допускал, что новоприбывшая могла оказаться шпионкой Системы.

Пока все шло просто идеально.

Глава четырнадцатая БЕГЛЯНКА

Последние дни в Темпебраско напоминали сказку — неожиданную, прекрасную, но вполне заслуженную. Судьба словно старалась отсыпать Блэки все подарки, которая задолжала за всю ее недолгую жизнь, компенсировать серость последних лет яркими красками Сомнирума.

Комната в виртуальном мире заменила Блэки дом. В комнату в кампусе она возвращалась все реже, предпочитая коротать часы в Сомнируме. Ведь уровни допуска учеников Темпебраско позволяли им блуждать по Сомнируму — без ограничений и без необходимости оплачивать недешевый, в общем-то, пропуск. За эти дни Блэки успела побывать и в уже знакомых местах, и в прежде не изученных. По заданию Аны Греки вместе с другими ребятами «обустраивала» кусочек острова, где прежде — до их прихода сюда — был только голый песок.

Ей нравилось работать с Кхидри. Она представляла, как десять лет спустя они — уже совсем взрослые, состоявшиеся визуальщики, гордо именующие себя сотрудниками корпорации «Сомнирум», будут работать бок о бок над созданием какой-нибудь новой страны — вот так же, как и сейчас, дурачась и обмениваясь ехидными фразами.

Убедившись, что Ана занята наблюдением за работой ее одноклассницы, Блэки воображением нарисовала опустившуюся на камень русалку — как и положено, с длинными, волнистыми волосами, прикрывающими обнаженную грудь, с блестящим

чешуйчатым хвостом. Закончив, подошла поближе, чтобы полюбоваться проделанной работой. Мысленно похвалила себя — чешуйки вырисованы идеально четко, в бездонных глазах таится грусть. Кхидри рассмеялся и поднял вверх палец.

— Блэки, — послышалось за спиной.

— Ой.

Ана деланно вздохнула, смерила ее строгим взглядом. Вновь обернулась к русалке — та была неподвижна, потому что Блэки понятия не имела, что русалкам полагалось делать, кроме того, что грустно смотреть в закат.

— Неплохо вышло.

«Неплохо?!» — мысленно возмутилась Блэки. Выдавила из себя улыбку. Прикрыла было глаза, чтобы широкими мазками воображаемого ластика стереть из Сомнитума мифическое создание, но ее остановил задумчивый голос Аны:

— А знаешь что... оставь. Сделай только ее каменной.

— Серьезно? — Блэки не на шутку обрадовалась. Еще бы — возможность оставить в Сомнитуме свой след, уникальный штрих, выпадал не каждому. Она даже заметила несколько косых взглядов, в которых легко можно было распознать зависть. Только Кхидри искренне радовался за нее.

Чешуйки потеряли блеск, стали матовыми и шероховатыми на ощупь. Из бездонных глаз не ушла грусть, но из зеленых они стали светло-бежевыми, как и все русалочье тело. Не прошло и получаса, как перед Блэки оказалось прелестное каменное изваяние.

— Умница, — похвалила Ана.

Блэки смущенно рассмеялась.

— И почему я не догадался приткнуть кентавра к вон той пальме? — пробормотал Кхидри.

Она легонько стукнула его по плечу и поспешила присоединиться к ребятам, трудящимся над созданием роскошного оазиса. Наверное, со стороны их «работа» выглядела очень странно: несколько подростков стояли, зарыв босые ноги в горячий песок. Кто-то держал глаза открытыми, но большинство предпочитало их закрывать — так легче было сосредоточиться. А тем временем за их спинами, штрих за штрихом, оживала предложенная Аной Греки картина.

Усталые, они разошлись по своим комнатам, когда было уже далеко за полночь. Даже ложась спать, Блэки не переставала думать о Сомнируме. Ей столько еще нужно было показать! Столько возможностей открывалось перед ней в этом виртуальном подобии белого листа бумаги, который так и ждал, когда Творцы выплеснут на него свои идеи и фантазии.

Виртуальный мир манил — в отличие от скучной реальности. Каждый день Блэки засыпала в нетерпеливом желании поскорее увидеть утро, а просыпалась с неизменной улыбкой на губах. Все, чего она хотела — творить и созидать, украшая Сомнирум плодами своих фантазий.

Новый день не стал исключением. Вскочив с постели, Блэки наскоро приняла душ и, одевшись, помчалась к закрепленной за ней капсуле. Нетерпеливо набрала пальчиком код открытия капсулы — она подстраивалась под особенности ее организма, что-

бы сделать пребывание в виртуальном мире максимально комфортным.

Забравшись внутрь, Блэки нацепила на себя провода. Закрыла глаза и произнесла: «Блэки Ларсо. Вход в Сомнитум». На миг возникло знакомое уже ощущение полета... и тут же прекратилось — резко, до тошноты. Так ощущаешь себя, когда набравший скорость лифт останавливается на верхнем этаже — желудок подскакивает к горлу и стремительно ухает вниз.

Отдышавшись, она повторила кодовую фразу. Ничего. Кapsула странно подрагивала, будто силясь отправить ее в Сомнитум, но не справляясь с поставленной задачей. Блэки повторяла слова снова и снова, но безрезультатно.

Озадаченно хмурясь, выбралась из капсулы... чтобы нос к носу столкнуться с незнакомкой. Растрепавшиеся русые волосы, бледная, полностью лишенная загара кожа, испуганные глазищи в пол-лица. Словно не понимая, как Блэки вдруг очутилась прямо перед ней, девушка несколько секунд таращилась на нее. А потом заговорила.

И первые же ее слова выбили землю из-под ног Блэки.

— Беги отсюда, что есть силы беги! Это место... оно убивает!

Впервые в жизни она ощущала на себе, каково это — потерять дар речи. Стояла, хлопая ресницами и силясь произнести хоть слово.

Незнакомка — по виду, лет на пять старше ее самой — схватила Блэки за руку, скжала так, что кожа под ее пальцами побелела.

— Помоги мне выбраться отсюда, — задыхаясь от страха, прошептала она.

Блэки растерянно оглянулась по сторонам. Девушка не казалась сумасшедшей — только очень сильно испуганной. Но что тогда могли значить ее слова? И от кого она хотела убежать?

— Пожалуйста, — разглядев в ее глазах тень сомнения, взмолилась незнакомка. — Я все объясню, только... выведи меня за пределы Темпебраско.

Все еще недоумевая, Блэки все же решилась помочь — просто потому, что не могла иначе. Вместе с судорожно цепляющейся за ее локоть беглянкой покинула зал и спустилась вниз. Завидев праэко, незнакомка юркнула за угол и не осмеливалась высунуть и носа, пока та не прошла.

— Я... я не могу встречаться с ними, — раздался из-за угла ее приглушенный голос. — Все синтетики снабжены функцией распознавания лиц. Стоит им только меня увидеть...

Блэки готова была взорваться от распирающих голову вопросов, но неимоверным усилием воли отложила их в дальний угол сознания. Задумчиво постукивая пальцем по нижней губе, произнесла:

— Здесь есть другой выход на улицу. Что-то типа пожарной лестницы. Мы спускались по ней с Кхидри, когда нам взбрело в голову покататься на маглеве ночью. Влетело нам от Аны на утро, конечно...

— Пожалуйста, давай побыстрее!

— Да-да, — нервные нотки в голосе беглянки привели Блэки в чувство. Схватив ее за руку, она потащила ее за собой.

Они беспрепятственно добрались до первого этажа. Нервозность незнакомки странным образом передалась и Блэки, а потому она вздохнула с облегчением, когда внушительный фасад школы остался за их спинами. Преодолев аллейку, они добрались до ворот. Блэки отвлекала прохаживающуюся вдоль них праэко, пока не убедилась, что беглянка оказалась по ту сторону забора.

Последовала за ней — любопытство съедало ее изнутри.

— Я Малена, — представилась незнакомка. Очнувшись вне территории Темпебраско, она казалась уже куда более спокойной.

Блэки назвала свое имя.

— Пойдем подальше отсюда, — попросила Малена.

Вместе они поспешили направились вперед — к станции.

— Тебе нужно бежать из Темпебраско, — не сбавляя шага, решительно сказала девушка. — Эта школа — совсем не та, какой кажется.

— Боже, да о чем ты?

Малена шумно выдохнула, будто собираясь с силами, и заговорила. Блэки видела ее четкий профиль — скулы заострились, лицо приобрело жесткость.

— У меня есть брат-близнец. Он невероятно талантливый художник. Когда ему предложили поступить в Темпебраско, Марк тут же согласился, — Малена заметно волновалась, говорила сбивчиво, все время опасливо поглядывая назад, словно в ожидании погони. — В отличие от брата, я не торопи-

лась стать визуальщиком — честно говоря, меня не слишком привлекала эта работа. Я хотела быть врачом. Помогать людям, спасать человеческие жизни. Марк же был на седьмом небе от счастья... до поры до времени. Прошло два года — по правилам Темпебраско, школу он не покидал, связь держал только по видеосвязи и Сети. Однажды я получила от брата странное сообщение — зашифрованное. Шифр отгадала легко — мы в детстве частенько говорили на выдуманном нами, близнецом языке. Начала читать — и ужаснулась от первых же фраз. Марк писал, что он — не Творец Сомнорума, а его пленник. — Она тяжело вздохнула. — Это все, что я успела прочесть. На моих глазах Лиир — искусственный интеллект компьютера — стерла все данные, а потом заявила об ошибке. Я сразу поняла, что это никакая не ошибка. В электронном письме Марка была еще одна странная фраза, которую я увидела лишь мельком — что-то о... воссоединении. Я не сразу поняла, о чем идет речь.

Малена, зябко охватив себя руками за плечи, в сотый раз оглянулась назад. Ускорила шаг. Блэки едва поспевала за ней.

— В один из дней, когда я перебирала буклеты Сомнорума, увидела изображение Ало-Пайе. Стало так тоскливо... Я вспомнила, как мы бродили там с Марком. В Ало-Пайе есть две скалы, примкнувшие друг к другу и слившиеся воедино — их называют Близнецовыми. Мы как-то побывали у их подножия, написали свои имена — давняя традиция Близнецовых скал. И я решила, что «воссоединение» в письме — своего рода знак. И отправилась туда,

на Ало-Пайе. А там... под моим именем я нашла новое послание — на этот раз нацарапанное чем-то острым прямо на камне.

Блэки мало что понимала, но тревога, звучавшая в голосе Малены, передалась и ей. В груди зашевелился страх — страх услышать нечто такое, что навсегда изменит ее представление о Темпебраско. И она не знала, хочет ли действительно слышать это или лучше остановиться и уйти прочь от странной девицы.

И все-таки продолжала слушать.

— Брат писал, что, раз мы его еще не нашли — значит, или его спрятали очень хорошо или мы не знаем, что с ним случилось. И если кто-то говорит с нами, поддерживает связь, то это кто угодно, но только не он. Я была напугана ужасно, поняла, что его нежелание видеться со мной, вечная занятость и неожиданное решение не возвращаться домой и оставаться на службе корпорации — просто обман. А звонки и сообщения — фикция.

— В его сообщении было хоть какое-то объяснение? — Блэки все еще не могла безоговорочно поверить словам едва знакомой девушки, как и просто от них отмахнуться.

— Там было много всего, — устало обронила Малена. — У меня волосы на затылке шевелились, когда я все это читала. Не знаю, как Марк все это узнал — видимо, тогда их система безопасности была намного уязвимее. Он рассказал, что постоянное пребывание в Сомнитуме — в капсуле связи с виртуальным миром — разрушает сознание, сильно истощает мозг, вызывая необратимые изменения

в организме. Марк видел, как Сомнитум менял людей, буквально высасывая из них силы. Писал, что подростков выбирают для роли Творцов не потому, что у них больше развито воображение, как позже говорят всем и каждому, а потому, что у них гибче разум, а значит, они легче переносят сильное воздействие на мозг и психику. Оживляя виртуальный мир, визуальщики медленно погибают сами. Тех, кого изменения затронули особенно сильно, из Сомнитума не выпускают. Они медленно сходят с ума, со временем начиная считать виртуальный мир реальным. Более того, страдают и обычные посетители Сомнитума. Каждый раз, блуждая по нему, они разрушают свой разум для поддержания мира таким, каким его создали Творцы. — Она долго молчала, прежде чем обреченно заключить: — Больше письма Марка не существует — позже нашли и уничтожили его.

Они, наконец, дошли до станции. Мимо промчался маглев. Блэки увидела размытые скоростью силуэты и лица людей, и ей стало вдруг так тоскливо и одиноко... Вернулись мысли о доме, после становления визуальщиком отступившие на второй план. Неужели Малена говорила правду, и Сомнитум — лишь восхитительная, яркая оболочка, за которой таится адская машина, призванная и созидать, и разрушать? Создавать прекрасный новый мир, обрекая его создателей на гибель? Но как поверить в происходящее, когда твоя мечта рассыпается на острые осколки?

— Как ты вообще сумела оттуда выбраться? — хмуря брови, спросила Блэки.

— Отправляясь сюда на поиски брата, я все объяснила нашим общим друзьям. Мы все тщательно подготовили — на случай, если что-то пойдет не так. Они дали мне прибор, который я прицепила к стенке закрепленной за мной капсулы. Мы договорились: если я, разговаривая с ними, не произнесу кодовой фразы, значит, это не я, а программа, иллюзия. А настоящая я в беде. Тогда они активируют прибор, который устроит короткое замыкание и выведет капсулу из строя. Это был риск, конечно... но оправданный риск. Сегодняшний сбой — дело их рук. Только благодаря ему я смогла выбраться из Сомнитума, где меня держали как пленницу вот уже месяц. Больше такой ошибки прайко не допустят. Боюсь, это твой последний шанс сбежать.

— Подожди! — Блэки схватила Малену за руку, оборвав ее сбивчивую речь. — Скажи, где тебя держали? Мне нужно рассказать остальным. И... там ведь были и другие?

— Были, — прикрыв глаза, прошептала Малена. — Человек двадцать или около того. Они не реагировали, хотя я была по капсule руками и ногами, они целиком находились во власти Сомнитума. Марка я... — голос дрогнул, — выпустить так и не сумела. Прибор... сгорел. Я стояла напротив него и была по панели, как одержимая. Нас разделяла лишь тонкая стеклянная стена, а я ничего не могла сделать.

— Где тебя держали? — тихо повторила Блэки. На исказившееся лицо Малены было больно смотреть.

— На втором этаже, в одной из комнат бокового крыла. Запертой, разумеется. Но, послушай,

праэко в любой момент могут сообразить, что после побега одной из пленниц держать там остальных неразумно! Пойми же, возвращаться туда опасно! Я два месяца отучилась в Темпебраско, но как только стала задавать ученикам неудобные вопросы, как только позволила себе схватить в тот момент, когда рыскала по этажам в поисках места, где могли держать Марка, меня тут же лишили свободы. Что-то вкололи, а очнулась я уже в Сомноруме. И знаешь, что страшнее всего? То, что вскоре память начала меня подводить. То я забывала, как очутилась там, то воспринимала первый попавшийся дом своим домом... Это было похоже на редкие вспышки, мимолетные помутнения рассудка, но с каждым днем бороться с собой становилось все труднее. Все, что говорил Марк, оказалось правдой. А я повела себя глупо и самоуверенно — надеялась, что в одиночку смогу его спасти. — Малена резко остановилась, заглянула в ее глаза. — Блэки, прошу, не повторяй моих ошибок! Тебе нужно бежать со мной. Все гораздо серьезнее, чем ты можешь себе представить. Сомнорум — это ад, притворившийся раем. Он медленно убивает каждого, кто осмелился туда войти.

Блэки решительно помотала головой.

— Я не могу уйти и оставить Кхидри в неведении. Не знаю точно, что происходит, но я должна его предупредить! И, прости, но... я должна во всем убедиться.

— Ты не веришь мне, — с горькой усмешкой сказала Малена. — Наверно, со стороны это кажется бредом, но меня действительно держали в капсуле

как в тюремной камере. Я пришла сюда, чтобы спасти брата, и была так близко! Но спасти не сумела... — Она замолчала, со странным выражением на лице впилась взглядом в приближающийся маглев. — Я так этого не оставлю. Вернусь сюда с подмогой, сообщу властям, если потребуется. Я добьюсь того, чтобы Марк вернулся ко мне.

Малена хотела было уйти — маглев уже притормаживал, чтобы выпустить пассажиров, — но Блэки вновь схватила ее за руку, вынуждая остановиться. Достала из кармана юбки блокнот с ручкой. Неохотно выдернула драгоценный листик, с огорчением глядя на зазубрины оторванной бумаги. Быстро наперкала адрес и имя — Десс Ларсо.

— Это моя сестра, — торопливо проговорила Блэки, протягивая Малене листок. — Пожалуйста, найди ее. Расскажи все, что рассказала мне. Десс сможет помочь. Она — маршал. — В голосе ее прозвучала гордость, неожиданная для нее самой.

— Ты точно не поедешь со мной? — с беспокойством спросила Малена.

Блэки покачала головой и, улыбнувшись на прощание, торопливо направилась к зданию школы. В голове царил полный сумбур. История Малены казалась невероятной и вместе с тем, слишком... сложной, чтобы быть выдуманной. Да и зачем это Малене? Блэки помнила испуг в ее глазах, когда они столкнулись впервые. Нервность, безумное желание как можно скорее покинуть Темпебраско, которое гнало ее вперед. Облегчение, смешанное с сожалением и чувством вины — она выбралась, но не сумела найти брата.

Блэки должна была во что бы то ни стало предупредить Кхидри. Однако приятель отнесся к ее словам скептически.

— Да брось, Блэки. Неужели ты поверишь какой-то странной и, заметь, совершенно незнакомой девице? Может, ее из школы вытурили, вот она и напридумывала чепухи, чтобы отомстить корпорации.

Блэки и рада была выкинуть произошедшее из головы, но что-то останавливало ее. Страх в глазах Малены был неподдельным — невозможно обычному человеку сыграть настолько, до мурашек, убедительно. Она попыталась объяснить это Кхидри, но ее пылкую речь прервал деликатный стук в дверь. Секунду спустя на пороге комнаты появилась Ана Грэски. Посмеиваясь, обратилась к Блэки:

— Я знала, что найду тебя здесь.

Девочка залилась румянцем. Быстро отвернулась, надеясь, что Кхидри не заметил ее реакции на слова куратора.

— В Системе нет зарегистрированного входа в Сомнирум от твоего имени за сегодняшний день. Уже вечер — ты же помнишь, что на данном этапе обучения каждодневная практика является обязательной? — мягко напомнила Ана.

Сердце Блэки сделало лишний скачок. Мысли лихорадочно заметались: она не готова была отправиться в капсулу после страшного рассказа Малены. Но она все еще ученица Темпебраско и, как бы то ни было, ей придется войти в Сомнирум — хотя бы для того, чтобы не вызвать у прако подозрений. И чтобы не разочаровывать Ану Грэски — здесь, в Темпебраско, она была одной из двух людей, чьим мнени-

ем Блэки дорожила. Второй — Кхидри — не проявлял никакого беспокойства по поводу ее рассказа. Так может, он прав?

Ох, ей бы еще немного времени, чтобы во всем разобраться...

Блэки улыбнулась и заверила Ану, что немедленно отправится на практику в виртуальный мир. Удовлетворенно кивнув, куратор вышла из комнаты. Прежде чем последовать за ней, Блэки обернулась к Кхидри. Скользнула взглядом по черным дредам, дерзко торчащим в разные стороны, смуглому лицу с неидеальными, но весьма симпатичными чертами.

— Кхидри... все-таки попытайся что-нибудь найти в Сети, — попросила она.

Он закатил глаза, буркнул:

— Что ты хочешь, чтобы я нашел?

Блэки вздохнула. Знать бы, что искать.

— Может, хотя бы поищешь что-нибудь про семью Малены и Марка? — неуверенно произнесла она. — Даже не знаю. Просто чтобы проверить подлинность ее рассказа.

— Поищу, — заверил Кхидри. Подмигнул. — Удачи на практике!

Она улыбнулась и покинула комнату.

Погружение в виртуальный мир — привычная уже процедура. Стеклянное нутро капсулы приняло Блэки в свои тесные объятия, пластина обожгла виски мимолетным холодом. Оказавшись в Сомнитуме, Блэки огляделась по сторонам — ждала Ану, которая объяснит ей задание на сегодня.

Проходила минута за минутой, но та не появлялась. Блэки побродила по своей комнате — точной

копии той, что ждала ее возвращения дома, — с которой каждый ученик Темпебраско начинал свое путешествие по виртуальному миру. Для разнообразия создала еще несколько дополняющих картину фрагментов: картину, изображающую милейшего котенка: и мягкий, песочного цвета ковер с длинным ворсом.

Устав ждать куратора, Блэки решила вернуться в реальность и найти ее уже там. Сказала: «Блэки Ларсо. Выход из Сомнирума», прикрыла глаза в ожидании привычного чувства полета. И... открыла вновь.

Что-то было не так.

Блэки повторила фразу снова, прислушалась к ощущениям. Ничего — словно кодовые слова в однажды перестали работать. Горячей волной накатила паника. Это просто сбой, убеждала она себя. Последствия учиненной друзьями Малены и Марка диверсии.

Она не переставала в это верить, даже когда голос охрип от набившей оскомину фразы. И повторяла, все тише и обреченнее:

— Блэки Ларсо. Выход из Сомнирума.

Глава пятнадцатая ПОСВЯЩЕНИЕ В СВОБОДНЫЕ

Свежий воздух приятно холодил щеки. Харт с наслаждением подставлял лицо ветру, не обращая внимания на косые взгляды попутчиков Ливи, как и она, сбежавших из логова Реконструкторов.

Непривычно притихший Берк топтался рядом, пока Ливи на повышенных тонах выясняла что-то с одним из своих друзей. Всего их было шестеро, и только двоих из них Харт видел в тюрьме. Один — высокий, неестественно худой мальчишка, кажется, успел пережить не одну процедуру Изменения. На его вытянутом лице читалась тупая покорность судьбе, спокойствие настолько жуткое и противостоящее, что хотелось взять его за плечи и хорошенько тряхнуть, чтобы привести в чувство. Стоящий рядом с ним парень — судя по внешнему сходству, брат — смотрел на Измененного тоскливым взглядом. На Харта, садящегося в аэромобиль вместе с Ливи, он взглянул с такой злостью, словно именно он был виновником перемен в рассудке мальчишки. Харт не оскорбился — просто понимал, что трудно в такие минуты контролировать эмоции.

Они приземлились в одном из кварталов Бене-Исс уже несколько минут назад, но расходиться не спешили — Харт ждал, когда Ливи закончит разговор, чтобы поблагодарить ее за неожиданное спасение, а Берк, судя по его растерянному взгляду, просто не знал, что делать и куда идти.

Вернувшаяся Ливи кратко обрисовала их положение:

— Ваши штрихи коды есть в Системе, а значит, побег — это только временное решение проблем. Если вы попадетесь, отвечать придется по правилам, установленным Создателями — то есть отправиться назад, к Реконструкторам. Поэтому будьте осторожны. Вы теперь беглецы.

Берк бросил на Харта яростный взгляд.

— Лучше бы ты оставил меня там, — процедил он.
Харт вспыхнул.

— Тебя никто не заставлял сбегать! Мог бы сидеть в своей камере и дожидаться прихода синтов. — Ему было по-настоящему обидно вместо благодарности услышать такое.

Пыл Берка немного поутих.

— Извини, просто... не представляю, как дальше быть. Система и так нацелила на меня свое все-видящее око, а тут еще и побег... К продаже алкоголя я больше не вернусь, это ясно как день. Денег на некоторое время хватит. Но ума не приложу, как скрываться от Системы в городе, где на каждом углу по камере, — Берк кивнул на дрона-наблюдателя, предусмотрительно отправленного Мириам в «спячку» еще до их приземления.

— Решение есть, — неожиданно сказала Ливи.

Берк выжидающе уставился на нее.

— Примкнуть к Свободным.

Харт удивленно взорвался на девушку. Он что-то слышал о Свободных — именно слышал, а не читал в Сети — подобного рода информация стиралась оттуда моментально. Но ему всегда казалось, что это просто сбогище близкой к Черте молодежи, устраивающей марши протеста и скандирующей под домом мэра Бене-Исс лозунги о несправедливости уставов Системы. Вот только Ливи — юная, но умелая хакерша — совсем не походила на человека, который тратит время на столь бессмысленные занятия.

— Ты — Свободная? — в голосе Берка слышалось изумление.

Она кивнула.

— Все мы.

Харт оглядел ребят, замерших у аэромобилей и изучающие смотрящих на них двоих. Переглянулся с Берком.

— И... что в таком случае требуется от нас?

— Да ничего! — Ливи раздраженно сверкнула глазами. — Свободные — не секта, для входа в которую нужно принести в жертву животное или чью-то душу. Мы просто помогаем друг другу по мере сил и пытаемся достичь хоть какого-то баланса между людьми и синтетиками. Людьми и Системой. У нас есть дом, убежище, где вы будете в безопасности.

— Но ведь и Система, и синтетики созданы людьми, — возразил Харт.

Ливи дернула уголком губ.

— У моего отца есть теория, что Создатели как раз таки давно уже не люди. Они переселили свой разум в искусственные тела. Стали неким коллективным разумом — теми, кто на самом деле, минуя мэра, управляет Бене-Исс.

О том, что городом с помощью Системы управляли Создатели, знали все, даже самые несмышленые юнцы. Но то, что они при этом являлись синтетиками...

— Создатели — лучшие умы прошлых лет, которые уже давно должны были покойиться на том свете, — продолжала Ливи. — Но благодаря тому, что променяли человеческие тела на синтетические, они обеспечили себе едва ли не вечную жизнь. Бессмертие это или нет, но смерть от старости или болезней Создателям уж точно не грозит.

Харт молчал — как и Берк, он был немало впечатлен услышанным. И все-таки разговоры о Созда-

телях не помогали избавиться от нависшей над ними угрозы в виде вездесущей Системы и ее помощников: прако, дронов-наблюдателей и маршалов. Где-то там от неизвестности с ума сходила мама, а Элси...

Наверное, вполне ожидаемо, когда мысли о девушке, прежде целиком и полностью занимающие его непутевую голову, вдруг отступали на второй план под натиском более серьезной проблемы. Убегая из тюрьмы Реконструкторов, Харт и не думал о том, что будет дальше — после того, как он выберется на свободу. Сейчас он считается дважды перешедшим Черту, а значит, Изменения ему не избежать... если только всю оставшуюся жизнь он не будет скрываться.

Размышляя над непростой дилеммой, Харт мрачнел все больше. Злился на себя — за то, что не предусмотрел всего, на Ливи — за то, что втянула его во все это. На Элси, из-за которой совершил правонарушение и угодил к Реконструкторам.

Злость действовала на рассудок Харта удивительным образом — выплеснувшись, словно очистила его от ненужного хлама. Осталась лишь четкая мысль: там, в тюрьме, он дал себе слово, что никогда больше не позволит Реконструкторам прикоснуться к своему мозгу. А значит, он обязан сдержать слово.

— Я согласен стать Свободным, — прозвучало пафосно, поэтому Харт, не удержавшись, скривился и с нервным смешком добавил: — Что бы это ни означало.

Склонив голову набок, Ливи послала ему укоризненный взгляд, но в ее глазах плясали чертинки.

Берк колебался дольше, чем Харт, и когда, наконец, заговорил, в голосе его не чувствовалось уверенности:

— Ладно, я с вами.

Харт покачал головой. Если это было посвящением в Свободные, то очень странным. Ливи приказала им оставить аэромобили на стоянке и уверенно направилась вперед. Обстановка вокруг менялась на глазах: попадавшиеся им дома казались все более старыми и убогими, а улицы — грязными, потонувшими под горами мусора, с которыми роботы-уборщики уже неправлялись.

— Квартал почти пуст, — объяснила Ливи, заметив брезгливый взгляд Харта. — Люди здесь почти не живут. Осталось еще несколько семей... мягко говоря, неблагополучных. Еще несколько Измененных. Ходят тут как призраки, пугают случайных прохожих. Все потому, что они сильно изменены — прежние жители Палгема примерным поведением не отличались.

Харт слышал позади себя шаги остальных Свободных. Со стороны они, наверное, походили на группу друзей, решивших поискать приключений и новизны в богом забытом квартале. Например, искали какой-нибудь заброшенный дом — из тех, что всегда как магнитом манят подростков.

Ливи привела их к внушительному особняку, наверняка имевшему когда-то благородный и фешенебельный вид. Сейчас же время, порядком поиздевавшись, истрепало фасад, придая ему, как старой бумажной картинке, безликость и потертость. Внутреннее убранство дома изысканностью также не отличалось. Едва войдя, Берк расчихался от поднятой

десятками ног многолетней пыли, а Харт принялся гадать, когда здесь убирались последний раз.

— Первое время мы старались поддерживать иллюзию того, что дом обитаем, — словно оправдываясь, сказала Ливи. — Потом поняли, что только зря теряем время: никому не было никакого дела до заброшенного здания в районе, который остальные жители Бене-Исс зовут кварталом-призраком. Системе вообще нет никакого дела до людей — но только до тех пор, пока они не привлекут ее внимание и не приблизятся к Чертеже. Тогда она просыпается и встает на все четыре лапы, готовая в любой момент напасть и разорвать.

В ее голосе слышалась странная интонация — смесь отвращения и ненависти.

Потайной проход произвел на Харта неизгладимое впечатление, в памяти сразу всплыли сюжеты из прочитанных когда-то шпионских боевиков — кажется, именно так называли книги, где не в меру крутой герой совался во все неприятности, в которые только мог, а затем с присущим ему блеском и ловкостью из них выбирался. Тайные ходы там имелись в большом количестве — так же как роковые красотки, алкоголь и сигареты.

Харт покосился на фиолетоволосую хакершу, раздумывая: сгодилась бы она на роль роковой красотки? Пусть и несколько... своеобразной?

Его размышления прервал звук отворяющейся двери. Харт из-за хрупкого плеча Ливи взирал на подвальное помещение, казавшееся невозможным большим даже по отношению к пространству наземной части особняка. Чужие лица, с интересом глядя-

щие на них, не слишком его смущали. Правда, он не был готов к тому, что лиц этих окажется так много.

Ливи, взяв Харта за руку, провела его мимо группки любопытствующей молодежи. Берк потерялся по пути — столкнулся с приятельницей и теперь с изумлением высматривал, как долго та скрывала от него принадлежность к Свободным.

Они вошли в комнатушку, сплошь заставленную различного рода техникой. Все четыре находящиеся в помещении стола были завалены разобранными дронами, дисками, планшетами, какими-то деталями — мелкими и не очень. Несколько голограмферов передавали картины — детальную схему незнакомого ему устройства. Через узкую щель в шкафу Харт разглядел рукоять боевого бластера. Свободные тут же выросли в его глазах как минимум на десять пунктов.

Сидящий за одним из столов мужчина повернулся к ним. Крупноватый нос, две ямочки на щеках и обезоруживающая улыбка, появившаяся при виде Ливи.

— Оливия! — он вскочил с кресла. Обнял девушку так крепко, что Харт мог поклясться, в той что-то жалобно хрустнуло.

Обернувшись к нему, Ливи неодобрительно сказала:

— Никак не могу заставить его перестать меня так называть. Пап, отпусти. Мы не виделись всего несколько дней, а не лет.

— Имею право переживать, — ворчливо пробормотал мужчина. Выпустив наконец дочь из объятий, протянул Харту руку: — Дигг Хендриксон. Можешь звать меня просто Хендриксон — как и остальные. — Он насмешливо скривился.

Рукопожатие сильное и твердое, немало характеризующее отца Ливи. Харт уже давно заметил, что по тому, как человек пожимает руку, можно понять, каков он. У слабовольных, покорно плывущих по течению судьбы людей не бывает такой сильной хватки. И взгляд серо-зеленых глаз — цепкий, изучающий — говорил о его обладателе как о решительном, волевом человеке.

— Папа, это Харт. Мы вместе сбежали от Реконструкторов.

Когда Ливи представляла его отцу, в ее голосе прозвучала какая-то... особая, что ли, интонация, которая неожиданно смущила совершенно непривыкшего смущаться Харта. Кажется, он как-то выдал себя, потому что на лице Дигга Хендриксона промелькнула лукавая улыбка.

— Ладно, пойдем, познакомлю тебя с остальными, — сказала Ливи. — Пока папа будет продолжать делать вид, будто неимоверно занят.

Хендриксон, смеясь, проводил их из своего кабинета. Ливи показала комнату Харта, где обустроились еще девятнадцать парней.

— Нас пока еще очень мало, — негромко сказала она. — Люди боятся Системы. Ее длинных рук, способных схватить тебя, где бы ты ни находился и как бы ни прятался. Но я надеюсь, что со временем мы сумеем завоевать доверие людей и склонить их на нашу сторону. А до тех пор приходится действовать очень осторожно.

— Что будет с нами? Со мной и Берком? Нам действительно придется скрываться до конца жизни?

— Те, кто называет себя Свободными, готовы к такому повороту событий. Но это не оттого, что мы такие безбашенные. Просто... большинству из нас некуда идти. Некуда возвращаться. Ты понимаешь, о чем я?

Харт кивнул. Хотя и не разделял их чувств, ведь его ждали и мама, и отец, который, разумеется, уже в курсе того, что его сын стал пленником Реконструкторов... но понимал, что ощущали люди, лишившиеся всего.

— Но тебе не обязательно разделять нашу участь. Просто... какое-то время нужно переждать. Сейчас нас активно разыскивают — а потому на поверхность выходить строжайше запрещено. Но когда страсти поутихнут, я попытаюсь пробраться в Систему и стереть данные о вашем с Берком побеге. Я уже делала это однажды — правда, и система защиты тогда была намного слабее. Но попробовать стоит. Если все получится, дроны-наблюдатели, даже зафиксировав ваши лица, не идентифицируют вас как нарушителей Системы и не доложат маршалам или прэко, как сделали бы сейчас.

Харт облегченно вздохнул — у него просто камень с души упал!

— А я могу хоть как-то напомнить о себе маме? Понимаю, это рискованно, но...

Ливи задумчиво кивнула в ответ на приветствие одного из Свободных. Долгое время ничего не отвечала, предоставив Харту напряженно изучать ее точеный профиль. Наконец заговорила:

— Думаю, можно это устроить. Но, Харт, только одно письмо и только одному человеку.

Мысль о том, чтобы послать весточку Элси, тут же растаяла как дым. Мама была гораздо важнее, что ни говори.

— Я отправлю сообщение на визор твоей мамы, — продолжала Ливи, — и дам ей минуту на то, чтобы его прочесть. А затем сотру — чтобы Система не успела его засечь.

— Спасибо, — искренне поблагодарили Харт.

Она остановилась у приоткрытой двери, обернулась к нему. Фиолетовая прядка, потревоженная движением, скользнула по щеке и, упруго подпрыгнув, упала на узкую спину.

— Пока еще не за что, — отзвалась Ливи, улыбаясь.

Харт поймал себя на том, что уже полминуты неотрывно смотрит в ее зеленые глаза. Вновь увидел те самые чертинки и смущенно отвел взгляд. Он не говорил ей об Элси — все как-то не находилось повода сказать, — но она наверняка догадывалась о том, почему ему однажды вдруг вздумалось напиться и напасть на невинного — или почти — человека.

Ливи жестом пригласила его в комнату. Харт вошел, с интересом огляделся. Тут царил невообразимый хаос, который девушку, похоже, абсолютно не смущал. На раскладном диване ворохом рассыпана одежда, поверхность интерактивного стола загромождена всевозможной ерундой — там нашлось место флешкам всех форм и размеров, косметике, полупустому флакону духов и даже белой расческе с несколькими фиолетовыми волосками, застрявшими в зубьях.

Хмуро оглядев это великолепие, Ливи, недолго думая, одним широким жестом смахнула все на пол.

Хмыкнув, Харт уселся на край дивана — осторожно, чтобы ненароком не помять один из лежащих на нем нарядов — преимущественно черных цветов. Ливи спросила номер визора его матери, споро застучала пальчиками по дисплею. Харт диктовал, делая между предложениями длинные паузы — неожиданно трудно оказалось подобрать слова, чтобы в нескольких куцых фразах объяснить маме происходящее.

Ливи отправила сообщение. На миг сжалось и тут же отпустило сердце. Он представлял, как мать читает это короткое письмо, как ее ореховые глаза наполняются слезами. Ливи отсчитывала вслух секунды. Досчитав до шестидесяти, безжалостно удалила сообщение.

А Харт даже не знал, успела ли мама дочитать его.

На несколько минут в комнате повисла гнетущая тишина. То ли желая нарушить ее, то ли просто резко вспомнив, Ливи порылась в ящике стола и выудила оттуда сверкающий серебром браслет. Приказала ему надеть.

— Зачем? — недоумевал Харт.

Ливи объяснила, вогнав его в легкий ступор. Чем дольше он слушал, тем больше вытягивалось его лицо. Неверие сменилось изумлением, а затем холодное понимание как ушат ледяной воды вдруг обрушилось на него.

— Синты, не отличимые от людей... — пораженно прошептал Харт. — А я все гадал, кто мог сдать меня, когда я был так осторожен!

— Любой человек, с которым ты разговаривал, кому доверял свои маленькие — или не очень — тай-

ны, мог оказаться синтетиком. Разумеется, не считая самых близких, изменения в которых не заметить просто невозможно.

— Боже мой, — пробормотал он.

Они помолчали. Ливи задумалась о чем-то своем, а Харт был слишком потрясен открытием, чтобы изображать из себя хорошего собеседника. Он внезапно понял, как мало знает о жизни за пределами своего дома. Сначала Реконструкторы, их ужасающая способность заглядывать в человеческие воспоминания, теперь еще и синтетики, совершенно неотличимые от людей. Харт перебирал в голове имена и лица, гадая — кто из тех, кого он знал и кому верил, были всего-навсего подобиями людей? Безумно натуралистичной оболочкой, под которой скрывались пучки проводов и сталь, заменяющие синтам плоть и кости.

От мрачных мыслей его отвлек голос Ливи:

— Знаешь... я хочу познакомить тебя еще кое с кем.

Зaintrigованный странной интонацией, прозвучавшей в ее голосе, Харт двинулся следом за ней. Они проследовали мимо нескольких жилых помещений и подошли к двери в самом конце лагеря.

Ливи уверенно толкнула ее и зашла внутрь. Харт, шагнувший следом, увидел просторную и непривычно уютную для убежища комнату. На столике — кружевные салфетки, на мягких креслах — вязаные ажурные накидки. Отсутствие окна компенсировал свет десяток лампочек, зажженных по всему периметру комнаты, и десятков свечей в изумительных винтажных подсвечниках. Очаро-

ванный, Харт на мгновение даже позабыл, что находится под землей.

В одном из кресел сидела женщина — привлекательная, несмотря на морщинки, притаившиеся у уголков глаз и у рта. Волосы темные и блестящие, без намека на седину, но взгляд голубых глаз выдает истинный возраст хозяйки. Еще до того, как Ливи заговорила, Харт уже догадался, кого видит перед собой.

— Харт, познакомься, это моя мама. Октавия Хендриксон.

Женщина, отложив в сторону планшет, удивленно взорвалась на нее — словно только сейчас обнаружила присутствие в комнате дочери.

— Ох, Ливи, ты привела к нам домой молодого человека? — она поднялась, приняв суетиться, что-то бормоча о чае и только что испеченном печенье.

— Не надо, мама, — мягко взявшая за руку, остановила ее Ливи. — Мы не голодны.

— Ну как же! — Октавия огорченно всплеснула руками. — А куда опять запропастился твой дядя?

Харт бросил на Ливи недоуменный взгляд — ни разу за все время он не слышал, чтобы девушка говорила о нем.

Только сейчас он заметил, насколько мрачна и подавлена Ливи. Одна невинная фраза матери перечеркнула улыбку на ее лице, стерев ее огромным невидимым ластиком.

— Он отлучился, — Ливи через силу выдавливала из себя непослушные слова. — По делам. Скоро вернется.

— Ладно. А ты не хочешь познакомить меня со своим молодым человеком?

Мрачность Ливи растворилась без следа. По щекам разлился нежно-розовый румянец.

— Ох, мама, — прошептала она, пряча от Харта взгляд.

Пока он раздумывал, как бы выкрутиться из неловкой ситуации, Ливи торопливо сказала:

— Ладно, мам, нам пора. Забегу к тебе позже.

Не успел он промолвить и слова, как она схватила его за руку и, на ходу крикнув матери «пока», практически потащила за собой. Как только они оказались за пределами комнаты, махнула матери и закрыла дверь.

— Почему ты не сказала ей мое имя? — странно, но это и впрямь задело Харта. Даже немного... обидело.

— Потому что она его слышала. Но даже если бы услышала снова, все равно бы не запомнила.

Снова к ней вернулась эта мрачная отрешенность — губы поджаты, брови сведены, взгляд неотрывно смотрит в пол.

— Не понимаю...

Ливи набрала в легкие воздуха, медленно выдохнула. Заговорила, скупо роняя фразы:

— Моя мама была одной из Свободных — первых восставших. Как и мой отец. Он тогда был уважаемым ученым, кибернетиком, работал над созданием синтов. Был приближен к Создателям. Ему многое открылось за время работы — сначала случайно, затем по его собственной инициативе. В какой-то момент папа понял, что дальше так не

может — синты получали все большую власть, притесняя этим людей. Вместе с мамой они и создали фракцию Свободных. Они хотели бороться за права людей. Вот только их бунт закончился, едва успев начаться. Восставшие против Системы просто не рассчитали всей мощи и влияния ее основателей. Они не знали, что у Создателей повсюду есть глаза и уши. В те времена камеры были скрытыми. Только позже, после бунта Свободных, напавших на синтетиков, появились дроны-наблюдатели и дезагрессоры. Система ясно дала понять: теперь она открыто следит за всеми.

— Я ничего не слышал о... восстании, — признался Харт. — Не знал, что до вас существовали другие.

— Неудивительно, — Ливи пожала худыми плечиками. — Создатели не хотели, чтобы кто-то, кроме случайных свидетелей, об этом узнал. Если в Сети и промелькнула какая-то информация, то ее стерли в тот же миг. — Она помолчала, нервно сглотнула. — Отец участвовал в бунте, но его не поймали — просто потому, что, следуя плану, он не действовал открыто. Его задача заключалась в том, чтобы полностью остановить производство синтетиков, заложив ошибку в их программном коде. Но его диверсия оказалась провальной. К счастью, синты восприняли его действия как банальную человеческую ошибку. Правко знают, насколько несовершены люди, а отца эта версия вполне устроила. А вот мама... Она оказалась в группе тех, кто устроил бунт, напав на синтетиков. Они выводили их из строя электромагнитным оружием, созданным папой и другими

восставшими кибернетиками. Хотели показать, что настоящие хозяева Бене-Исс — люди, а синтетики — лишь машины, которые за ненадобностью можно отключить.

— И что потом? — хрипло спросил Харт. Знал, что ничего хорошего, но не мог не спросить.

— Ее поймали. Всех их поймали. И отправили к Реконструкторам. Многие из несогласных тогда услышали это слово в первый раз. Многие в последний — Создатели, как и мы, люди или же... почти люди. Они учатся на своих ошибках. Но Реконструкторы — как и все синты — не всегда были такими... безупречными, — Ливи скривилась от отвращения. — Многие тогда просто не вернулись назад — и никто до сих пор не знает, где они. Папа знает. Он говорит, что это к лучшему — для их близких они все равно уже мертвые. Мама вернулась, но совсем другой. Ей не только полностью исправили участок мозга, отвечающий за агрессию, они что-то повредили в нем. — Ливи говорила сухо, без эмоций — но это не казалось равнодушiem. Скорее, она пыталась запереть чувства внутри себя, не дать им вырваться на свободу. — Теперь ее память постоянно скачет — то она говорит о брате — моем дяде, которого я даже не знала, как о живом, а ведь он погиб в том самом неудавшемся бунте. То нянчится со мной как с маленькой, словно и не видя, что я давно уже повзрослела, и не может понять, в чем я вымазала свои волосы. Бывает, что она и вовсе не узнает меня, потому что пребывает в том самом дне до начала восстания, когда меня еще не было и в помине.

— Ливи, мне так жаль... — прошептал Харт.

Она кивнула. С силой закусила губу, резко вскинула голову вверх и часто-часто заморгала. Но одна слезинка все-таки сорвалась с ресниц. Ливи отвернулась, торопливо вытерла щеку. Харт сделал вид, что ничего не заметил.

— Не думай, что я рассказала все это только лишь для того, чтобы надавить на жалость. Мне она не нужна, — она решительно тряхнула волосами. — Я просто хочу, чтобы ты знал. Для нас, Свободных, все происходящее — не игра в революционеров. У каждого в лагере есть своя история — не менее трагичная, чем моя. И у каждого есть цель — показать людям истинное лицо Создателей и их слуг-машин. Мне трудно поверить, что мы — горстка отщепенцев — сможем разрушить Систему и спасти жителей Бене-Исс от будущего, где людям не будет места. Нет, одни мы не сможем. Но если за нами пойдут другие...

Ливи снова помолчала, подбирая слова.

— Тебе есть что терять — у тебя за стенами лагеря семья. И я пойму, если ты решишь вернуться к ним — когда я сотру из данных Системы информацию о твоем побеге. Тебе, правда, все равно придется осторожничать, но ты, по крайней мере, сможешь быть рядом с родными. Просто подумай. У тебя есть время, чтобы принять решение.

Харт заглянул в покрасневшие от тщательно сдерживаемых слез глаза, сжал худенькую кисть в своей руке и уверенно сказал:

— Я уже все решил.

Ее слабая улыбка была ему наградой.

Глава шестнадцатая ВНЕДРЕНИЕ

Войдя в парк, Десс тут же вызвала Вандри. Лицо наставника, отразившееся на экране визора, казалось не слишком довольным.

— Есть новости? — вместо приветствия спросила она.

— Главный там — мужчина по имени Дигг Хендриксон. Вечно сидит в своем кабинете, копошится в хламе — останках дронов, каких-то чипов и микросхем. Либо исследует, либо что-то создает. Я попыталась мягко разузнать у него, над чем он работает, но мне нужно еще немного времени — моя настойчивость может его насторожить. Есть еще его дочь — появилась два дня назад. — Перед глазами Десс возникла картинка — худая девушка с длинными фиолетовыми волосами, с ней — два новичка. Взгляд одного — растерянный и недовольный. Взгляд другого — изучающий, без намека на волнение или страх. — Не расстается с планшетом. Пытается заглянуть, что у нее там, но увидела лишь строчки кодов. Судя по всему, хакерша.

Вандри сосредоточенно кивнула.

— Тебе стоит втереться к ней в доверие, а затем ненавязчиво расспросить об отце, — бросила она.

— Боюсь, эта Оливия еще осторожнее, чем он сам, — задумчиво ответила Десс. — Не то чтобы никому не доверяет... наверное, просто боится посвящать других Свободных в свои планы — знает же, чем это грозит, если кто-то из них попадется прайко.

Вандри недовольно поджала губы.

— Ты торчишь там уже три дня, — холодно сказала она, — и до сих пор не предоставила никакой мало-мальски полезной информации. Не разочаровывай меня, Ларсо.

И отключилась.

Десс подавила вспышку ярости. Вандри права — пока она совершенно бесполезна. Десс не хотела даже мысли допускать, что она не справится с заданием. Если эти чертовы Свободные задумали диверсию, а она не успеет сорвать их планы...

— Этого не будет, — процедила она, напугав какого-то бродягу, бесцельно бредущего по парку.

Смерила его презрительным взглядом и направилась обратно в лагерь.

К чести Свободных надо сказать, что они относились к ней вполне доброжелательно. Правда, это лишь осложняло дело — вместо того, чтобы осторожно выведывать интересующую ее информацию, Десс приходилось, выдавливая искусственную слезу, рассказывать благодарным слушателем подробности осточертившей уже истории ее трагической любви. А в ответ — выслушивать чужие.

Подозревая, что от потерявшей возлюбленного сироты особого рвения выйти на поверхность не ожидают, Десс следовала легенде и поднималась из подвала лишь раз в сутки, дескать, истосковавшись по солнечному свету. На деле же это время она использовала для очередного доклада Вандри. Правда, пока никакой мало-мальски ценной информации о лагере Свободных ей узнать не удалось.

Несмотря на то, что хакерша-неформалка, как и Десс, практически не покидала лагерь, застать ее

в одиночестве было не так-то просто — рядом с ней постоянно кто-то находился. Если не отец, то один из «новеньких» с взъерошенными светлыми волосами и несколько мрачным взглядом. Трудно было понять, что их связывает — дружба или же нечто большее, но они проводили много времени вместе.

Десс познакомили с Оливией, как только та появилась в лагере. Но тот короткий диалог был единственным — хакерша редко заходила в комнату девочек и в общий зал. Где была, чем занималась — оставалось только гадать.

Пытаясь разузнать планы Свободных, Десс старательно вникала в разговоры, пока не поняла, что все они — лишь обычный ропот недовольных людей. Дебаты велись в основном вокруг засилья синтетиков в Бене-Исс. Страха, что люди в качестве рабочей силы — как интеллектуальной, так и физической, вскоре станут просто не нужны. Несогласные сетовали на жестокие правила Системы, на невозможность свободного выбора — как пары, так и профессии.

Нелепо, но... они разочаровывали Десс. Когда перед ней поставили задачу проникнуть в лагерь Свободных, она нарисовала в своем воображении совсем другую картину. Мятежников, ночи напролет обсуждающих планы по разрушению Системы. А оказалось, что лагерь — просто крыша над головой для усталых и потерявших всякую надежду, для подростков-сирот, которым больше некуда идти, для перешагнувших Черту и скрывающихся от всевидящего ока Реконструкторов. В какой-то момент Десс даже подумывала позвонить Вандри и сказать, что та

ошиблась в своих предположениях, и несогласные — совсем не опасны для Системы и для общества в целом. И все же решила дойти до конца и окончательно во всем убедиться.

После разговора с Вандри остался неприятный осадок, и Десс решила сегодня во что бы то ни стало поговорить с Оливией, попытаться отыскать ее слабое место — повод сблизиться с ней. Но видеозвонок отца порушил все ее планы.

— Я не успею приехать, — заявил он, как обычно, забыв поздороваться.

Десс озадаченно нахмурилась.

— В Темпебраско, — на мгновение воздев глаза к небу, пояснил отец.

Черт, Блэки.

— Пап, я... — она огляделась по сторонам, удостоверилась, что никого поблизости нет, и шепнула: — ... на задании.

— Десс, твоей сестре всего шестнадцать. Она впервые уехала из дома так надолго. А ты знаешь, как тяжело она сходится с людьми. Ей нужна наша поддержка.

Она тяжело вздохнула. Этот нежный цветочек по имени Блэки...

— Просто проведай ее, — бросил отец.

— Ладно, — неохотно ответила Десс.

Попрощалась с отцом и направилась к выходу из лагеря. Один из Свободных — белобрысый парнишка, из-за увлечения крепкими напитками попавший в черный список Системы, завистливо провожал ее взглядом. Таким, как он, покидать пределы лагеря строго запрещено: случайное столкновение с дро-

ном — и все Свободные окажутся под угрозой разоблачения.

Маглев мчался в сторону Темпебраско. От ленивого созерцания немногочисленных попутчиков Десс отвлек настойчивый сигнал визора — входящий звонок от Атри, искусственного интеллекта их дома.

— Десс, у вас посетитель, — раздался в ухе механический голос — Девушка, назвалась Маленой, ее лицо в базе данных дома не зафиксировано, из чего я сделала вывод, что она впервые...

— Малена? — нахмурившись, переспросила Десс.

Атри переслала ей изображение с домофона: русоволосая худенькая девушка, переминаясь с ноги на ногу, нервно грызла ногти. Брезгливо поморщившись, Десс обронила:

— Скажи, что я буду дома только через пару часов. Если ей так надо, пусть дождется.

Мелькнула мысль — может, это одна из подружек Ангеса, встревоженная его исчезновением? Об их дружбе в академии знали многие. Пожав плечами, Десс сделала то, что делала всегда, когда ей неинтересно было вникать в происходящее — просто выкинула посторонние мысли из головы.

Здание школы оказалось больше и внушительнее, чем она себе представляла. По обнесенной кованой оградой территории с рассекающими изумрудный газон мощеными дорожками бродили подростки — парочками, целыми стайками или же в одиночку. Но стоило только Десс шагнуть в ворота, как перед ней материализовалась праэко: серебристый костюм выгодно подчеркивает аристократическую

бледность лица с утонченными, достойными кисти художника чертами и пронзительно-голубые глаза. Каждый раз, глядя на синтетиков, Десс чувствовала мимолетный укол — не зависти, но чего-то очень близкого к ней, словно бы ей лишний раз напоминали, что значит настоящее совершенство и как она далека от него.

Браслет, данный ей Хендриксоном, отчаянно сигнализировал о том, что рядом с ней находился синтетик. Ну как же, сама бы она ни за что об этом не догадалась!

— Не учащимся нельзя находиться в здании школы, — бархатным голосом предупредила прайко.

Десс вздернула бровь, глянув поверх ее плеча. До ступеней, ведущих к главной двери школы, оставалось не меньше дюжины шагов.

— Я к сестре, — решив отложить выяснение отношений на более подходящее время, сказала она. — К Блэки Ларсо.

Синт моргнула — этого мгновения ей оказалось достаточно, чтобы свериться с данными, хранящимися в недрах ее механической памяти.

— Да, такая учащаяся у нас заявлена. Сейчас я... вызову ее.

Странная пауза, совершенно не свойственная синтетикам, обрабатывающим информацию со скоростью звука, отчего-то насторожила Десс. Но не успела она понять причины, как прайко уже скрылась в здании.

Десс ничего не оставалось делать, кроме как бесцельно бродить по территории, бросая рассеянные взгляды на учащихся. Все они казались, что

называется, «не от мира сего». Разряженные как попугаи или же, напротив, одетые так, словно хотели стать как можно незаметнее.

Ожидание надолго не затянулось — уже через несколько минут из школы показалась Блэки... в сопровождении все той же Праэко. И хотя синтетик застыла в нескольких шагах от сестер, усиленно делая вид, что неожиданно заинтересовалась работой сидящего на газоне парня, что-то увлеченно рисующего в бумажном альбоме, Десс она обмануть не смогла. Праэко не хотела выпускать из поля зрения... но кого? Блэки или Десс? И, собственно, почему?

— Привет, — Блэки улыбнулась уголками губ, тут же слегка нахмурившись.

— Привет, — растягивая губы в подобии улыбки, сказала Десс.

И зачем она только согласилась на эту встречу? Ну, приехала бы через пару недель вместе с отцом. А теперь придется усиленно выдумывать темы для разговора и старательно делать вид, что они прекрасно ладят между собой и находят общий язык друг с другом. Родственные души. Ведь именно такими должны быть настоящие сестры?

— Как ты? Как учеба?

— Хорошо. Здесь безумно интересно! Я недавно впервые побывала в Сомнируме! — Вспыхнувший было огонек воодушевления тут же погас, когда Блэки поняла, что Десс ее восторга не разделяет.

— Ты же уже была там. Вместе со мной, — сухо напомнила она.

— Да, но... это другое, — Блэки окончательно сникла.

Десс внезапно разозлилась — на нее, на себя. Всякий раз, когда они пытались поговорить по душам, между ними возникала неловкость и напряжение, совсем не свойственные родным людям. Да еще этот проклятый браслет! Рука беспрестанно вибрировала, словно недовольная близким присутствием синтетика.

«Боже, ну отойди ты подальше!», — мысленно взмолилась Десс, едва удерживаясь от того, чтобы не вырубить к черту браслет. Или хотя бы почесать пульсирующее запястье.

— Папа передавал привет. Сказал... что скучает, — Десс произнесла это лишь для того, чтобы хоть как-то заполнить повисшую паузу — тягучую, как смола. Обе они понимали, что отец никогда бы такое не сказал — просто потому, что ему это не пришло бы в голову.

Блэки робко улыбнулась, осведомилась о ее делах. Десс обронила пару общих фраз, разумеется, и словом не обмолвившись о задании Вандри — об этом знал только отец, и Десс ничего менять не собиралась.

Наконец этот неловкий разговор завершился обоюдным прощанием. Праэко перестала изображать из себя ценителя искусства и, оставив в покое рисующего подростка, неторопливо направилась вперед, к аллее.

А браслет продолжал вибрировать.

Только когда Блэки, кивнув на прощание, пошла назад к школе, вибрация начала понемногу утихать.

Да быть того не может.

— Блэки! — окликнула Десс.

Сестра повернулась, удивленная. Не придумав ничего лучше, Десс преодолела разделявшее их расстояние и заключила ее в объятия.

Сотни выбиравших иголочек впивались в руку. Боли не было, но ощущение было не из приятных. И дело даже не в самом браслете — а в его странной реакции на Блэки.

Десс разжала объятия, так смутившие их обеих. Сестра удивленно похлопала густыми ресницами и, развернувшись, пошла вперед. Как только расстояние между ними увеличилось до нескольких шагов, браслет успокоился.

Поглощенная творящимся в голове сумбуром, Десс пропустила нужную остановку. Только сейчас вспомнив о незнакомке, вызвала Атри. ИИ подтвердил — упрямая гостья все еще ждет ее. Пришлось оставить мысль о том, чтобы немедленно отправиться в лагерь.

Незнакомка переминалась с ноги на ногу перед домом и, едва заслышав шаги, повернулась к ней.

— Вы — Десс Ларсо?

— Да, а вы кто? — вышло, наверное, грубо, но Десс сейчас было не до этикета — в голове крутилось одно и то же воспоминание: удаляющаяся Блэки и внезапно успокоившийся браслет.

— Я хотела поговорить о вашей сестре. О Блэки.

Десс на миг показалась, будто ее бросили в ледяную воду. Дыхание перехватило, сердце забилось где-то в легких. Внутренности сковало холодом.

Что-то было не так.

Малена рассказывала — торопливо, сбивчиво, а Десс, слушая ее, не могла свести воедино все

нити. Точнее, они сходились, но результат их пересечения был таким неправдоподобным — просто невозможным, что она и думать о нем не желала.

А еще она поняла, почему Малена прячет хорошенькое лицико под мешковатым капюшоном, почему поворачивает голову и понижает тон, если завидит неподалеку синта. Десс читала страх в ее глазах, в ее голосе, даже в ее жестах. Трудно не поверить даже в самый невероятный рассказ, когда видишь неприкрытый ужас рассказчика.

— Ты слышала о Свободных? — слова сорвались с губ прежде, чем Десс успела их остановить. Только позже ей пришло осознание — она шпионка в лагере, который прайко хотят уничтожить руками маршалов, и она же хочет привести туда невинную девушку. Но... было уже поздно — Малена схватилась за брошенный ей спасательный круг.

— Ты знаешь, где они? Можешь отвести меня к ним? — глаза девушки горели надеждой. Что бы она ни слышала о Свободных, она верила в них.

Десс привезла ее в Палгем. Вместе с ней вошла в заброшенный дом, провела через потайной ход. Входя в бункер, невесело усмехнулась. «В нашем полку прибыло».

Пока Свободные встречали новоприбывшую, Десс направилась к Хендриксону. Сорвала с руки браслет, швырнула на стол прямо перед его носом. Насладившись изумлением на его лице, мстительно произнесла:

— Ваша вещица не работает.
— Как? — кажется, он действительно удивился. Словно бы не верил, что что-то, созданное его ру-

ками, может не работать. — Он не указал тебе на синта, когда он был поблизости?

— Наоборот. Он подавал сигналы, когда я находилась рядом с сестрой, будто бы она была синтом.

— А ты уверена, что это была твоя сестра?

Вопрос Хендрикsona внезапно разозлил Десс.

— А кто же еще? — процидила она, с трудом сдерживая гнев.

— Тот, на кого реагирует чип в браслете, — спокойно, словно не замечая ее реакции, сказал Дигг.

— Это... невозможно. То есть... я помню ваши слова о синтах, которых практически нельзя отличить от людей, но... Боже мой, это ведь Блэки! Моя сестра! — Десс отдавала себе отчет в том, что уже почти кричит — ошеломленная и растерянная; что в кабинет Хендрикsona уже начали заглядывать недоуменные Свободные. Понимала, но не могла взять себя в руки. — Она так же выглядит, так же улыбается! Говорит теми же фразами...

— Ну, разумеется, ведь она — копия своего оригинала, сохранившая все ее мысли, чувства, переживания. Привычки, жесты — все, чтобы ты решила, будто смотришь на свою собственную сестру.

— Вы хотите сказать, что это клон? — с издевкой спросила Десс.

Хендрикson рассмеялся, но как-то невесело.

— Нет, что ты. Просто копия, сохранившая максимальное сходство с оригиналом.

Десс решительно помотала головой.

— Полнейшая ерунда, — безапелляционно заявила она.

Хендрикson вздохнул.

— Чип в браслете был создан не мной, — признался он, вертя в длинных пальцах серебряную вешицу. — Если ты так уверена в том, что видела именно свою сестру, а не синтетика, созданного по ее подобию, стоит дать Оливии проверить чип. Быть может, он просто неисправен.

Вслед за Хендриксоном Десс направилась к комнате его дочери. Она знала, что реакция браслета на Блэки — ошибка. Просто потому, что иначе быть не могло. Но из головы по-прежнему не выходили слова Малены — о Сомнитуме, изменяющем людей и разрушающем их разум, о помощи Блэки при побеге. Десс тревожилась за сестру и терзала себя — быть может, если бы она хоть недолго позабыла о своем образе вечно недовольной старшей сестры, об их размолвках и недопонимании и выслушала Блэки... может, та рассказала бы ей обо всем. И домой они вернулись бы уже вместе.

А теперь Десс боялась, что прайко так просто Блэки не отпустят.

Глава семнадцатая ВИРУС

Все начнется сегодня.

Эта мысль слегка пугала, одновременно внушая какой-то дикий азарт.

— Я долго готовилась к этому дню, — призналась Ливи. — Дольше медлить нельзя — один из наших связных маршалов рассказал, что прайко всерьез озабочены поиском лагеря Свободных. Не знаю, ка-

кой информацией они обладают, но промедление может оказаться для нас фатальным.

— Значит, люди не ошибались, когда говорили о Свободных как о мятежниках. — Харт помялся, прежде чем мягко сказать: — Ливи, не пойми меня неправильно — я целиком и полностью на вашей стороне, но... Как группа из тридцати четырех человек сможет противостоять Системе?

— Харт, это только первый шаг, — убежденно отзывалась Ливи. — Нам просто нужно показать остальным, что синты, которых они привыкли воспринимать как нечто совершенное и неуязвимое, отнюдь не такие. У нас есть оружие против них, но это будет не открытый мятеж, а тщательно спланированная диверсия — práжко даже не смогут понять, кто и откуда нанес удар. Синтетики будут ослаблены, а жители Бене-Исс окажутся перед выбором — продолжать жить как прежде, делая вид, что ничего не произошло, и дальше страдать от оков Системы или же присоединиться к тем, кто сумел справиться с ее слугами. Стать Свободным и, в конце концов, избавиться от оков.

— Вы хотите пойти против Системы, а значит, и против Создателей. Людей, создавших наш город!

— Да, они создали Бене-Исс, — тихо отзывалась Ливи, — но они же его медленно разрушают. Они все больше вытесняют людей, заменяя их синтетиками. Скоро уже не останется профессий, для которых нужны будут люди. Элита станет бессмертной — так же, как Создатели, переселившие свой разум в механические тела, готова поспорить, улучшенные

версии их собственных. Менее достойные продолжат умирать. Бене-Исс заполонят киборги, бывшие когда-то людьми. А Система продолжит наблюдать, все ужесточая и ужесточая меры против остатков человечества — просто потому, что не сможет иначе. Ведь люди для Создателей опасны — они подвержены эмоциям, импульсам, чувствам. В какой-то момент они могут решить, что с них хватит, и восстать — вот этого Система боится, и именно этого всеми силами пытается не допустить, задавливая людей страхом. Я понимаю, насколько тяжело будет свергнуть Создателей. Но если мы не будем пытаться... мы обречены.

Ливи замолчала, переводя дух. Харт изумленно смотрел на нее: изумрудные глаза возбужденно сверкали, обычно бледные щеки порозовели. Она казалась сейчас такой живой и вдохновленной...

Немного смущенная своей тирадой, Ливи подняла на него взгляд.

— Ты уверен, что готов к последствиям?

— Да, — просто ответил Харт. Без объяснений — они сейчас были лишними. Он принял решение и не собирался отступать от него.

Ливи кивнула. Поманила его за собой — к дальней стене, которую украшала большая — почти в полстены — картина. Нажала куда-то сбоку, и картина послушно отъехала в сторону. Харт вскинул брови, но промолчал, заинтригованный.

Тайник оказался весьма странным — что-то вроде шкафчика с сотнями маленьких ячеек. В них — гладкие черные шары с пол-ладони, при ближайшем рассмотрении оказавшиеся компактными дронами.

— Наблюдатели? — предположил Харт.

Ливи покачала головой.

— Носители вируса.

Сказать, что он удивился — значит ничего не сказать.

— Вирус вызывает сбой в мозгу синтетика, разрушая нейронную сеть — попросту отключает синта... навсегда.

— Все это — твоя работа? — восхитился Харт, осторожно беря в руки пока еще дремлющий источник вируса. Вот оно, тайное оружие Свободных.

— Наша с папой. На нем было создание дронов, на мне — разработка вируса. Не сразу, конечно, нам все удалось. Мы долго испытывали носителей на примитивных моделях роботов, прежде чем получилось обойти защиту и вывести их из строя. Теперь, когда последние тесты закончены, мы готовы применить носителей. — Серьезная и сосредоточенная, Ливи сейчас казалась старше своих лет. — Плохо только то, что все они — однодневки. Одноразовые, проще говоря. Когда дроны активируют вирусный код и передадут его синтетику, то в процессе передачи заразятся сами. Сколько я ни билась, но избежать этого не получается — нужен более совершенный механизм, который сможет заблокировать вирус, не позволяя ему поразить себя. Дроны этого не умеют. — Она недовольно скривилась. — А синтетики отказываются передавать другим данные с вирусным кодом. А это было бы так кстати! Синты постоянно обмениваются информацией друг с другом. Достаточно было бы одного зараженного, чтобы он смог запустить цепную реакцию! Поделился данны-

ми с вирусом с одним, тот передал десяти другим — и так далее. До того, как у меня появилась Мириам, я тестировала вирус на двух взломанных синтетиках. Добавила функцию защиты — и синт-носитель отказался передавать другому вирусный код, распознав в нем опасность заражения. Убрала — и спустя некоторое время, необходимое на обработку данных, оба сгорели. — Ливи расстроенно вздохнула. — Может, если бы у меня было чуть больше времени, я бы сумела что-то придумать. А пока... Здесь четыре сотни дронов — а это значит, что примерно такое же количество синтов сегодня «умрут».

Ливи хотела добавить еще что-то, но стук в дверь прервал ее на полуслове. Пока Харт лихорадочно пытался переварить весьма занятную информацию, хакерша, одним нажатием кнопки вернув картину на место, отворила дверь.

На пороге стоял Хендриксон и одна из Свободных. Темные волосы рассыпаны по плечам, платье открывает длинные ноги ровно настолько, чтобы это казалось откровенным, но не вульгарным. Взгляд решительный, даже жесткий. Оценивающий. Харт мельком видел ее в лагере, но имени не запомнил. Ливи, знакомая с каждым Свободным, кратко рассказала ее историю. Но сейчас, глядя на девушку, Харт с трудом мог представить ее рыдающей из-за того, что парня, в которого она была безумно влюблена, забрали Реконструкторы. Она казалась слепленной совсем из другого теста.

Пока он изучал новенькую, Хендриксон протянул Ливи браслет — копию того, что обхватывал запястье каждого из них.

— Проверь чип, — не объясняя, попросил он.

Недоуменно пожав плечами, Ливи с браслетом отошла к столу. Харт повернулся к незнакомке, представился.

— Десс, — бросила она. Сказала и тут же потеряла к нему интерес — все ее внимание было приковано к чипу в руках Ливи. Харту стало любопытно, что же такого особенного было в нем.

Ливи вернулась и вопросительно взглянула на отца.

— И?

— Чип рабочий?

— Более чем, — по-прежнему недоумевая, ответила она. — Да в чем дело-то?

— Он среагировал на мою сестру, — объяснила Десс. Добавила с усмешкой: — А она точно не синтетик.

— Может...

— Не может, — отрезала темноволосая. Вздохнула, сказала уже мягче: — Бросьте. Кому понадобится создавать синтетическую копию Блэки?

Хендриксон посерезнел. Меж бровей пролегла глубокая складка.

— Для того чтобы ответить на твой вопрос, нужно понять, какую ценность представляет твоя сестра. Создание «дубликатов» — дело небыстрое, дорогое и хлопотное. У прайко должна быть веская причина для этого.

— Именно поэтому я уверена, что в чипе браслета какая-то ошибка, — упрямо произнесла Десс. — Но... я волнуюсь за Блэки. Прайко действительно могли заинтересоваться ею — она помогла сбежать

Малене, а дроны-наблюдатели явно это зафиксировали.

- Малена? — переспросила Ливи.
- Новоприбывшая.

Харт удивленно хмыкнул. Свободных с каждым днем становилось все больше. Такими темпами они действительно скоро станут солидной фракцией, с которой Системе придется считаться — то, чего Ливи с Хендриксоном и добивались.

— Это я привела ее сюда, — пояснила брюнетка. — Ей нужна ваша защита.

Десс рассказала им о Сомнитуме — о мерзкой тайне, что скрывалась за внешним великолепием Темпебраско. Харт представил себе капсулы, в которых медленно погибали юные парни и девушки, обреченные на пожизненное заточение в Сомнитуме. Их мозг умирал в то время, пока капсула поддерживала жизнь в их телах. Представил и содрогнулся. Это казалось настолько чудовищным, что легко могло оказаться правдой. Вот только...

— Не понимаю, зачем Создателям идти на такие меры, когда сотни или тысячи молодых людей мечтают стать визуальщиками? — вклинился он.

— Если они вернут их домой, то изменения, произошедшие с ними, заметят родные, — пожав плечами, ответила Десс. — Поэтому создают ложные голограммы — так, Малена долгое время была уверена, что разговаривает с братом, хотя за него это делала программа. Поэтому устами копий учеников Темпебраско говорят о том, что те останутся работать в корпорации. Не зря же среди горожан ходит слух, что тот, кто становится визуальщиком, уже никогда

не возвращается домой. Вот только люди думают, что Творцы обменивают свою реальную жизнь на виртуальную по собственной воле. — Она помолчала, сказала задумчиво: — Я думала об этом — вряд ли использование разума подростков для поддержания целостности виртуального мира длится слишком долго — иначе кто-то непременно что-нибудь бы заподозрил. Или же Система тщательно следит за тем, чтобы эта тема за пределы Темпебраско не выходила.

— Наверняка, — пробормотал Хендриксон. — Сомнирум — любимое детище Создателей. Я застал те времена, когда он только зарождался — весть о совершенном виртуальном мире, неотличимом от реального, затмила все остальные их свершения. Но Сомнирум — не просто развлечение для жителей Бене-Исс. Создатели хотели — и, уверен, хотят этого до сих пор, — чтобы точки входа — капсулы с системами жизнеобеспечения — появились и в других городах-государствах. А я все не мог понять, почему Создатели вкладывают в Сомнирум столько сил, почему его распространение за пределы Бене-Исс считают огромным шагом вперед. До сих пор не понимал...

— Только потому, что больше людей станут перемещаться в Сомнирум? — озадаченно спросил Харт.

— Да нет же. Потому что всех, кто попал туда, так или иначе можно контролировать. Боже мой, — пробормотал Хендриксон, сраженный истиной, которая ему открылась. — Возможности, которые открывает перед Создателями Сомнирум, поистине огромны! Впустив туда человека, можно просто не

выпустить его оттуда, а затем создать его копию, убедив остальных, что с ним все в порядке. Главы государств, политики, ученые — да мало ли кто мог помешать Создателям! Мы можем только догадываться об их истинных намерениях насчет других городов-государств. А что, если их изощренный разум породил идею использовать для своих целей Реконструкторов? Если они изучают сознание человека, пока его тело заперто в невинной на вид капсуле? Что, если помимо заботы о здоровье она обладает еще одной функцией — способностью заглядывать в человеческий разум?

Харт похолодел от подобной перспективы. Но Ливи оставалась хладнокровной.

— Папа, это все лишь догадки. Ты исходишь лишь из заинтересованности Создателей в распространении капсул Сомнитума, — напряженно выговорила она. — Доказать это практически нереально, но... если мы докажем, что корпорация, основанная Создателями, использует людей — невинных детей — для сотворения виртуального мира, делая из них пленников и марионеток, этого будет достаточно. Обезумевшей толпе уже не так важны будут мотивы.

— Еще один камушек, упавший на чашу весов, — кивая, тихо пробормотал Хендриксон.

— Рискую показаться бессердечной, — вновь напомнила о себе Десс, — но в данный момент мне плевать на планы Создателей и их мерзкие игры с людьми. Все, что мне сейчас нужно — это вызволить Блэки из Темпебраско. Я не верю, что встреченная мной... девушка — лишь копия моей сестры. «Ду-

бликат», как вы это называете. Но я знаю наверняка, что в Темпебраско ей оставаться опасно. Достаточно только взглянуть на бескровное лицо Малены, чтобы это понять. Ее держали там, в Сомнируме, насильно. И даже выбравшись, она все не может оправиться от случившегося. Что говорить о тех, кто пробыл там годами...

— Вряд ли мозг сможет выдерживать такую нагрузку настолько долго, — хмуро отозвался Хендриксон. Перевел взгляд серо-зеленых глаз на Десс. — Я помогу тебе.

— Не ты, папа, — Ливи решительно помотала головой. — Ты знаешь, как управляться с дронами и сможешь научить остальных. Ты сможешь починить их, если вдруг они выйдут из строя — до передачи вируса. И знаешь, что делать, если что-то пойдет не так. С Десс пойду я. И Мириам. — Она взглянула на мрачно глядящего на нее Харта. — Ты поможешь отцу и остальным ребятам с носителями вируса.

— Ты... уверена? Может, будет лучше, если я пойду с вами?

Ливи качнула головой. Фиолетовые пряди упали на щеку, она нетерпеливым жестом откинула их назад, за спину.

— Свободных мало. А зараженных дронов нужно распространить как можно быстрее — пока прайко не разобрались в ситуации и не приняли меры. К тому же в Темпебраско действовать силой нельзя, а в том, что касается взлома...

— ...от меня толку нет, — усмехнувшись, закончил за нее Харт. Однако не мог не признать ее правоту.

— Я, пожалуй, переоденусь, — пробормотала Десс, оглядела свой наряд.

— Одолжить тебе одежду? — вызвалась Ливи.

Новоаявленная Свободная смерила взглядом ее темные брючки, модно порванные на бедрах и коленях, и, едва заметно поморщившись, произнесла:

— Нет, спасибо. Куплю в торговом центре.

И скрылась за дверью.

— Мы заберем сестру Десс и вернемся к вам, на подмогу. А потом разнесем Темпебраско к чертям!

— Может, стоит сразу послать носителей вируса туда? — предложил Харт. — Вырубить несколько синтов, облегчить вам задачу.

— Нет, — категорично отозвалась Ливи. — Это вызовет преждевременную шумиху, и тогда мы потеряем шанс незаметно проникнуть туда и выяснить наконец, что же происходит в этой проклятой школе. Хотя уже ясно: школа — это только прикрытие. Обманка для привлечения юных умов.

Они с Хендриксоном еще обсудили детали плана, связанные с дронами, сыпали терминами, которые Харту были незнакомы. Ливи улыбнулась ему на прощание. Прежде чем она скрылась за дверью, он, перебарывая нервозность и смущение, произнес ба-нальные, но искренние слова:

— Будь осторожна.

Она снова улыбнулась, но на этот раз как-то... светлее? Радостнее? Эта улыбка вселила в него надежду — уверенность, что они справятся. И с уничтожением синтетиков носителями вируса, и со спасе-

нием сестры Десс — если, конечно, ее было от чего спасать.

Но одной надежды мало.

Все пошло не так.

Глава восемнадцатая ПРОНИКНОВЕНИЕ В ТЕМПЕБРАСКО

Десс, облаченная в излюбленный костюм из саморегенерирующейся кожи, поджидала Оливию на стоянке аэромобилей. Она не хотела пользоваться такси, которые регистрировали каждый вызов — а значит, оставляли в Системе след. Маглев тоже был не лучшим вариантом — там беспрестанно курировали десятки дронов-наблюдателей. А Десс очень не хотелось, чтобы ее лицо попало в объектив камеры.

План был безумным — особенно для девушки, посвятившей полжизни тому, чтобы стать маршалом. Она на испытательном сроке, на первом серьезном задании, и что она делает? Собирается проникнуть в охраняемое синтетиками учреждение, по дороге вырубив парочку. И с кем? С одной из Свободных — ярых противников Системы и Создателей, которых она поклялась защищать.

Голова шла кругом.

В сотый раз прокручивая в голове недавнюю встречу с сестрой, Десс вспоминала ее жесты, фразы, взгляд. Сердито махнула головой — да быть того не может. Не бывает настолько достоверных копий.

Наконец появилась Оливия. Фиолетовые волосы растрепаны, лицо бледное и сосредоточенное. Рядом

с ней — невероятно красивая девушка. Синт. Взломанный синт. Десс представила, какую реакцию вызвали бы ее слова, расскажи она обо всем Вандри. А ведь та была права — Свободные оказались не так просты и, судя по всему, секретов хранили немало.

А сама Десс сейчас зависла посередине, на тонком и хлипком мосту над пропастью. Свободные не знали, что она — шпионка, перед которой поставили задачу их уничтожить. Вандри не знала, что Десс собирается пойти против Системы — самое тяжелое для маршала преступление. Убей она человека, и то не столкнется с таким осуждением, как если уничтожит синтетика... или же поможет кому-то его уничтожить.

«Я не буду вмешиваться в войну Свободных и Системы, — мысленно убеждала Десс саму себя. — Нужно просто вызволить Блэки из Темпебраско, вернуть ее домой. Провалить миссию — черт с ней, пусть кто-то другой доносит Вандри на Свободных».

Стало немного легче. Во всяком случае, когда Оливия поравнялась с ней, Десс уже смогла спокойно смотреть ей в глаза. Нервозность ушла вместе с медленным выдохом. Но где-то в подсознании билась мысль: она — маршал, ей не даруют такой милости — не вмешиваться в чужую войну. И, хотела бы она того или нет, но если перед ней встанет выбор, она обязана принять сторону синтетиков. Предав людей. Предав ту, которая помогает ей, не прося ничего взамен.

Оливия залезла в машину, синт последовала за ней. Десс села на водительское кресло, радуясь, что может отвлечься от терзающих ее мыслей.

— Каков план? — осведомилась она, поднимая аэромобиль в воздух.

— Если поблизости будет много пражко, Мириам отключит камеры. Пока они будут разбираться с возникшей проблемой, мы проникнем внутрь. Мириам отвлекает синтетиков, мы находим твою сестру и тут же возвращаемся обратно. Но сначала... я должна буду убедиться, что она — человек.

— Ой, да брось!

— Десс, ты не представляешь, на что способны Создатели! Гениальные ученые, киборги с человеческим сознанием, живущие уже больше века! Самая большая ошибка — сомневаться в их возможностях.

Десс мрачно смотрела вперед, во тьму, разбавляемую светом аэромобильных фар, не зная, как относиться к словам Оливии. Поверить в то, что Блэки, которую она видела, и не Блэки вовсе... И все-таки Оливия права — от людей, создавших Сомнитум, Бене-Исс и синтетиков, можно ожидать чего угодно.

Но если так, то где же тогда настоящая Блэки?

Показались кованые ворота Темпебраско. По указу Оливии Десс зависла в воздухе, дожидаясь, пока Мириам свяжется с ближайшим дроном-наблюдателем и отшлет его в другую сторону. Как объяснила Оливия, отключать камеры пока еще слишком рано.

Через несколько минут Мириам сообщила, что угроза устранена. Десс приземлилась прямо в парке, в кустах, под аккомпанемент ломающихся веток. До корпусов оставалось всего несколько шагов.

Втроем они выбрались наружу. Десс мельком взглянула на часы в нижнем углу визора. Половина двенадцатого ночи — самое подходящее время для проникновения.

— Попытаемся сделать все как можно быстрее и бесшумнее, — полуслепотом сказала Оливия. — Но на крайний случай у Мириам припрятано несколько носителей вируса.

— Кого? — не поняла Десс.

Хакерша махнула рукой — дескать, долго объяснять, и направилась к одному из корпусов — жилому, судя по наспех начертанному Маленой плану территории. Пожав плечами, Десс двинулась за ней. Вслед за Оливией поднялась по лестнице черного выхода. Праэко поблизости не было, что существенно облегчало им задачу.

— Ладно, Мириам, меняем план, — решила Оливия. — Пойдешь с нами. Заметишь праэко — обменяешься с ними ложными данными, выманишь их на улицу, в противоположную сторону от аэромобиля. Задержишь. Если надолго задержать не получится — уничтожишь с помощью носителей.

— И... она всегда беспрекословно тебя слушается? — поинтересовалась Десс.

— Мириам реагирует на мои команды, как если бы их отдавали Создатели. Где находится комната твоей сестры?

— Блэки, — сухо сказала Десс. — Ее зовут Блэки. Я не знаю. Я же говорила — внутрь меня так и не пустили.

— Ладно, — озадаченно покусывая губу, протянула Оливия. — Есть одна мысль. Пошли!

Толкнула дверь, ведущую на второй этаж. Десс выскочила вслед за ней и оказалась в пустом, тускло освещенном коридоре. Оливия указала Мириам на дрона-наблюдателя, неторопливо плывущего по воздуху в нескольких шагах от них. Что-то торопливо прошептала. Кивнув, синтетик направилась вперед. Наблюдатель резко развернулся, прошелся красными лучами по ее лицу, замер. Несколько секунд ничего не происходило. Десс начала нервничать.

— Что она медлит? — воскликнула она.

Оливия шикнула на нее и тут же шепотом пояснила:

— Дрон передает ей данные с камер наблюдения. Это единственный способ, чтобы найти твою се... Блэки.

Наконец невидимый для человеческих глаз процесс передачи данных закончился. Дрон-наблюдатель пискнул и потух — не став рисковать, Мириам вывела его из строя. Подошла к нему. Оливия коснулась ее визора. На полупрозрачном экране замелькали кадры видеосъемки, сделанные дроном. Оливия отматывала назад, бросая косые взгляды на Десс. Та отрицательно качала головой — нет, нет...

— Вот она!

Оливия остановила запись. Подавшись вперед, Десс разглядела дату — четыре дня назад — и номер комнаты, из которой выходила Блэки.

— Тридцать шестая — это третий этаж.

Они поднялись выше. Десс коснулась двери, ведущей в общий коридор, и тут браслет напомнил о себе едва ощутимой вибрацией. Обернувшись на-

зад, она послала Оливии красноречивый взгляд. Та кивнула.

— Давай, Мириам.

Синтетик скрылась за дверью. Дождавшись, когда вибрация утихнет, Десс последовала за ней. Добралась до комнаты Блэки и, на мгновение замерев, толкнула дверь.

Хлопнула в ладоши, не дожидаясь, пока глаза привыкнут к темноте. Свет вспыхнул, озарив небольшую, но достаточно уютную комнату. Пустую комнату. Постель аккуратно заправлена, ни вещей, ни излюбленных Блэки бумажных книг и блокнотов. Ничего.

— Она может быть в Сомнитуме, — хрипло сказала Десс.

— Но это не объясняет, куда подевались все ее вещи.

— Может, это не ее комната. Может, она была у кого-то в гостях.

— Десс, она выходила растрепанная, в пижаме. Явно шла в душ.

Она мрачно взглянула на Оливию, признавая ее правоту.

— Тогда остается только ученический корпус.

— Свяжусь с Мириам, — бросила хакерша. — Пора отключать камеры. Ручаюсь, в самой школе наблюдателей и разного куда больше. Малена говорила тебе, где установлены капсулы входа в Сомнитум? И где держали ее?

— Капсулы... добровольного, скажем, входа — на втором этаже. Малена находилась на том же этаже, но в боковом крыле, в комнате, запечатан-

ной кодовым замком. Он был открыт, когда произошел сбой, нам же придется открывать его самостоятельно.

— Не проблема, — отмахнулась Оливия.

Снова лестница и осточертевшие ступени. Вырвавшись на свежий воздух из душных коридоров жилого корпуса, Десс помчалась вперед — к зданию школы. Оливия не отставала, на бегу отдавая команды Мириам.

— Один синт сгорел, значит, у нее осталось четыре дрона-носителя, — чуть задыхаясь, проговорила хакерша. — Камеры отключены, теперь задача Мириам — убедить прайко, что взломщики находятся вне школы. Выманить их, проще говоря. А дальше все зависит от того, насколько быстро они сообразят, что данные Мириам — ложны. Как бы то ни было, нам нужно поторопиться.

— Прямо глаза открыла, — усмехнувшись, пробормотала Десс.

Черный вход оказался заперт. Оливию это не смутило. Она поспешила задрали рукав блузки, открыв взгляду Десс новехонький омнитул. Приложила его к панели кодового замка и, нетерпеливо постукивая носком ботинка, принялась ждать. Об успешном взломе омнитул известил ее вспыхнувшим на дисплее переплетением зеленых линий. Оливия толкнула дверь, пропуская Десс вперед.

Она бежала так быстро, как только могла. Вперед ее гнал адреналин и желание увидеть Блэки живой и невредимой. Увести отсюда, не обращая внимания на недоумение и протестующие возгласы.

Оставить Темпебраско позади вместе с его мрачными тайнами.

В зале с капсулами сестры не оказалось. Там находилось лишь четверо учеников, видимо, слишком увлекшихся путешествием по Сомнитуму и даже не подозревающих, что уже наступила ночь.

— Значит, она там, — прошептала Десс онемевшими губами.

Не уточняла, где именно, но Оливия поняла, тронула ее за руку, участливо заглянула в глаза и сказала тихо:

— Мы вытащим ее.

Десс с усилием кивнула и, сбросив с себя мимолетное оцепенение, двинулась вперед, к боковому крылу. Четыре комнаты, расположенные друг напротив друга, и только одна из них заперта — как и предупреждала Малена. Оливия, заметно нервничая, повторила трюк с омнитулом. На этот раз взлом занял куда больше времени, и в тот момент, когда Десс уже начала отчаяваться, что им удастся проникнуть в тайную комнату, дверь отворилась.

Внутри — темно и душно. Выстроившиеся в два ряда капсулы освещались скучным светом боковых лампочек. За стеклом — юноши и девушки с умиротворенными лицами. Пленники Сомнитума.

Всего Десс насчитала двенадцать человек — гораздо меньше, чем ожидала увидеть. После рассказа Малены ее воображение нарисовало куда более жуткую картину: огромное подвальное помещение, заставленное сотней капсул — сотней совершенных

ловушек, серые лица детей, изможденные тела, худые руки, прислонившиеся к стеклу. Ничего этого не было и в помине — подростки, казалось, просто спали и видели сны.

— Блэки нет, — напряженно выговорила Десс. Она должна была почувствовать облегчение, но... Если Блэки здесь нет, если ее нет ни в «учебном» зале, ни в комнате — то где же она?

— Держать их здесь, в Темпебраско, слишком опасно, — донесся голос Оливии с другого конца комнаты. Спустя несколько мгновений она появилась в поле зрения Десс. Пригнувшись, внимательно изучила дно капсулы, перед которой она стояла. — Наверняка здесь есть механизм, благодаря которому капсулу можно легко переместить.

— Хочешь сказать, их вывезли отсюда в другое место?

— Наверняка. Думаю, после побега Малены прако решили перестраховаться и увезти капсулы подальше от Темпебраско. Те, что находятся здесь, просто ждут своей очереди.

Десс потерла лицо руками, сказала сдавленным голосом.

— И где теперь Блэки? Как нам ее найти?

Оливия выпрямилась, взглянула на нее блестящими глазами, в которых читалась решимость.

— Мы можем заставить прако вернуть ее. А задо рассказать всему Бене-Исс правду.

— О чём ты? — непонимающе нахмурившись, спросила Десс.

— О том, чтобы снять на видео все это, — Оливия указала рукой на капсулы, — и показать остальным.

— Это просто дети в капсулах входа в Сомнитум, — возразила Десс, — как и те, что в общем, открытом зале. Как убедить родителей, что детей здесь держат насилино?

— Убеждать и не требуется. Достаточно посеять в них зерно сомнения, — уверенно отзвалась Оливия. — Представь, все время, что подростки находятся здесь, родители по видеосвязи или во время редких визитов сюда общались с их копиями. Возможно, кто-то из них замечал их странное поведение или же несвойственные фразы — ведь стопроцентной схожести с оригиналом быть не может! А тут видео, которое лишний раз заставит их понять, что что-то здесь не так. Что будут делать прако, когда к ним заявятся пара десятков родителей с требованием отпустить домой их детей? Так или иначе, но они выдадут себя. Поползут слухи. Если Блэки и заключили в капсулу насилино, то это произошло буквально день-два назад — ведь Малена разговаривала с ней настоящей. А значит, у нас есть серьезный шанс вернуть ее до того, как Сомнитум изменит ее разум.

— Ты думаешь, прако пойдут на это после того...

— Им больше ничего не останется делать! Если они не вернут Блэки, не вернут десятки других, то фактически признаются в преступлении. Они — слуги Системы! А так придумают, как отвертеться, замнут скандал — это легко сделать, когда имеешь прямой доступ к Сети и возможность стирать оттуда любой компромат.

— Вот именно, — внезапно пришедшая в голову мысль заставила Десс помрачнеть. — Ты не сможешь выложить в Сеть это видео.

— И не нужно. Сколько на улицах Бене-Исс светодиодных и голограмических рекламных экранов? Я уже однажды подключалась к ним, когда пыталась распространить информацию о Свободных — иначе откуда, ты думаешь, в обход Сети поползли слухи о нас?

— Ого, — только и смогла вымолвить Десс.

— Толку, правда, это дало мало, но сейчас же совершенно иной случай! — возбужденно продолжала Оливия. — Если все пройдет как надо, это видео окажется на десятках экранов, где его смогут увидеть сотни человек! — Увидев сомнения на лице Десс, она, понизив голос, произнесла: — У нас нет другого выхода. Мы не знаем, где держат остальных. Бене-Исс огромен. Пока мы будем искать пропавших, может пройти слишком много времени. К тому же... вряд ли нам удастся попасть сюда снова. Праэко усилият охрану, а мы упустим единственный шанс рассказать людям правду.

Десс решилась. Оливия права — в одиночку им с праэко не совладать. А после обнародования видео у них не останется других вариантов, кроме как выпустить детей из Сомнирума.

— Давай снимать.

Оливия с готовностью кивнула. Сдернула с лица визор, протянула Десс.

— Когда я отправлю видео, Система тут же вычислит айпи визора. А так как она все равно увидит мое лицо, лучше, если и айпи будет закреплен за мной, а не за тобой, — объяснила она. Добавила с усмешкой: — Мне терять уже нечего.

— Может, в таком случае разумнее снять ви-

део, просто не включая тебя в кадр? — предложила Десс.

Оливия помотала головой.

— Люди охотнее поверят тому, кто не станет прятаться за объективом камеры. Я хочу, чтобы жители Бене-Исс воспринимали Свободных как мятежников, а не беглецов.

Беря в руки ее визор, Десс ощущала мимолетное облегчение. А следом за ним — горький стыд, прильнувший к щекам горячим жаром. Эта худая девчонка с фиолетовыми волосами собиралась открыто протестовать, нарушая все мыслимые запреты Системы, а она думала лишь о том, как бы о ее причастности к происходящему не узнала Вандри.

Десс надела визор Оливии, свой положив прямо на пол.

— Готова?

Хакерша медленно выдохнула, нервно размяла пальцы и, помедлив, кивнула. Десс активировала режим видеосъемки и подала сигнал.

— Я — Оливия Хендриксон. Я — Свободная, — ее голос звенел от напряжения, но лицо выглядело спокойным и сосредоточенным. — За моей спиной — обычные капсулы погружения в Сомнитум. Но дети, которых вы видите за стеклом, заключены туда насильно. Их не выпускают, не дают вернуться домой — чтобы никто не увидел, что с ними сотворил Сомнитум.

Оливия говорила страстно и убедительно. Рассказала обо всем, что они знали на текущий момент, слив воедино рассказы Малены, ее брата-близнеца и наблюдения Хендрикsona. Видео длилось семь

с лишним минут. Десс, заново его пересмотрев, покачала головой.

— Слишком долго. Праэко успеют взять ситуацию под контроль до того, как жители услышат хотя бы половину.

— И пускай! Главное я сказала в начале. Если это не проймет горожан, то... и остальное эффекта не возымеет.

— Твоя правда, — пробормотала Десс.

Оливия взяла визор из ее рук.

— Планшет в аэромобиле. Отправлю видео оттуда. — Коснулась омнитула, что-то быстро набрала на голографической консоли, видимо, связываясь со своим взломанным синтом. Сказала, подтвердив догадку Десс: — Мириам подгонит аэромобиль к черному выходу. Она устроила небольшой переполох. Четверо синтетиков уничтожены, праэко она пустила по ложному следу.

— Какая умница, — отзвалась Десс.

Оливия кивнула, не распознав в ее словах иронии.

— Идем.

Наконец проклятая школа осталась позади. Поднимая аэромобиль в воздух, Десс слышала приглушенные голоса — их искали. Довольно усмехнулась и тут же помрачнела. Что толку, что они выбрались живыми и невредимыми, если сознание Блэки осталось запертым в этом чертовом Сомнитруме, а ее тело...

На заднем сиденье Оливия торопливо стучала по сенсорному экрану планшета. Пальцы ее мелькали с такой скоростью, что у Десс зарябило в глазах. Оливия дожидаться утра не захотела, справедливо

рассудив, что полночь для никогда не спящего Бене-Исс — вполне подходящее время.

— Готово, — в ее голосе слышалось и торжество, и усталость. — Видео на всех рекламных экранах Лобраго. Ручаюсь, найдутся те, кто снимет видео на свой визор и уже на следующий день покажет всем желающим. А данные, не попавшие в Сеть, для Системы недоступны. Начнется цепная реакция — то, что нам и нужно.

Десс оставалось только изумленно покачать головой.

— Что теперь? Будем ждать, когда прайко сделают ответный ход?

— Боюсь, что времени на ожидание у нас нет, — напряженно отозвалась Оливия, глядываясь в темноту за окном. — Летим в лагерь. Ребятам нужна наша помощь.

— Помощь в чем? — недоуменно осведомилась Десс.

Оливия повернулась к ней, на мгновение вскинула брови.

— В нападении на синтетиков. Они уже должны были распространить дроны с вирусным кодом, но вдруг что-то пошло не так? Поехали, объясню по дороге.

Вирусный код. Нападение на синтетиков. Десс развернулась, направила аэромобиль к лагерю Свободных.

Как бы она ни не желала ввязываться в войну между людьми и синтетиками, ее мнение, похоже, никого не интересовало. У судьбы на нее были свои планы.

Глава девятнадцатая ДИВЕРСИЯ

В общем зале собирались практически все Свободные, включая новоприбывшую Малену. Мама Ливи осталась в своей комнате, еще двоих Измененных отправили в спальню — особой помощи от них ждать не приходилось. Одного из них Харт уже видел прежде — когда вместе с Ливи выбирался из тюрьмы Реконструкторов.

Итого — тридцать три человека. И почти четыре сотни «зараженных» дронов. Пока все переминались с ноги на ногу в ожидании, когда Хендриксон озвучит дальнейший план действий, он обратился к двум парням — высоким и светловолосым, судя по сильно-му сходству — братьям.

— Дерек, Кирс, вам нужно будет перевезти дроны к центральной площади Лобраго. Думаю, место и время подходят идеально — через несколько минут там начнется выступление какой-то певички. Будет много народа: как людей — необходимых нам свидетелей, так и праэко. Расположите носители на крыше любого здания поблизости — магазина или торгового центра.

Парни кивнули вразнобой. Хендриксон вместе с ними направился в комнату Ливи — видимо, чтобы вручить драгоценный груз. Вернулся уже один.

— Так, планшеты есть не у всех. Значит, кому-то придется управлять дронами с помощью визора. Это сложнее, но ненамного. Самое главное — начать атаку синхронно, одномоментно. Тем больше шансов застать праэко врасплох и выиграть время.

Удостоверившись, что Свободные поняли свою задачу, Хендриксон взял в руки планшет.

— Я отправлю каждому из вас сообщение с кодовыми номерами дронов, которыми вам предстоит управлять.

В углу визора мелькнул значок конверта. Коснувшись пальцем экрана, Харт открыл сообщение. Пробежал глазами по строчкам, запоминая первый код.

— Готовы? — осведомился Хендриксон.

В воздухе повисло напряжение. Прятаться от Системы намного легче, чем вступать с ней в открытое противостояние. Пусть Свободных и защищали стены лагеря, но как только на поверхности начнут погибать синтетики, Система поймет, кто ответственен за это. И их начнут искать. Судя по застывшим, решительным лицам, каждый из находящихся в зале это понимал. И был готов к любым последствиям.

— Пора, ребята, — тихо сказал Хендриксон.

Харт коснулся визора, открывая программу. Ввел кодовый номер первого дрона. Тут же включилась камера, демонстрируя темное звездное небо, местоположение носителя вируса отразилось на карте. Харт поднял его вверх. Хендриксон предусмотрительно отключил звук на всех устройствах, чтобы гвалт толпы и оглушительная музыка со сцены не отвлекали Свободных.

Дрон завис у края крыши. Харт увидел объемную вывеску здания, а в нескольких шагах внизу — бордюр центральной площади. Дрон медленно поплыл вперед, по маршруту, проложенному Хартом на

интерактивной карте. Чуть опустился вниз, повинувшись его командам — глядя на фигурки сверху, сложно было отличить людей от синтетиков.

Харт направил дрона к самой сцене. Там сегодня выступала Аллана Бей — красивая певица с низким, бархатным тембром и внешностью готической куклы. Темные волосы развевались на ветру, беззвучно шевелились алые губы. Несмотря на поздний час, народа было действительно немало. Кто-то подпевал, протягивая вверх руки, кто-то танцевал.

Группки людей у скамеек болтали, лениво потягивая «Блесс» и не обращая никакого внимания на сцену. Рядом с одной из стаек молодежи прохаживалась праэко в неизменном серебристом костюме. То, что нужно.

Дрон опустился вниз. Синтетик, словно почувствовав его приближение — а кто знает, может, так оно и было? — повернулась всем телом. Харт невольно вздрогнул, когда в объектив камеры носителя вируса попало совершенное лицо синта. На миг сердце сбилось с ритма — показалось, что нереально яркие зеленые глаза смотрят прямо на него. Видят его через призму камеры, сквозь расстояние в несколько миль. Красным загорелась надпись: «установить обмен данными». С неимоверным облегчением Харт коснулся ее пальцем.

Глаза праэко на миг полыхнули, и в ту же секунду взгляд остекленел. Харт помнил инструкции Хендриксона, знал, что нужно переключиться на следующего дрона, не теряя времени зря. Но не мог оборвать связь, завороженный зрелищем... и ожиданием того, что должно случиться. Но понять, что происходило

за псевдочеловеческой оболочкой синтетика, было невозможно. Просто черты лица исказились в едва заметной гримасе — то ли удивления, то ли неверия, а зрачки замельтешили из стороны в сторону. По всей видимости, синтетик пыталась изгнать из своего совершенного организма неведомую заразу, но понимала, что стремительно терпит поражение. В какой-то момент праэко просто рухнула на землю, всполошив молодежь.

Глядя на их перепуганные и озадаченные лица, Харт мысленно возликовал. Решил было, что Ливи ошиблась в своих предположениях насчет живучести носителей вируса, ведь его дрон по-прежнему передавал кадры с площади Бене-Исс. Но не прошло и минуты, как камера погасла — дрон сгорел. Разочарованно вздохнув, Харт связался со следующим.

Когда начался переполох — ведь одновременно тридцать с лишним человек опустили на площадь носителей вируса, а значит, тридцать с лишним синтетиков сгорели в первые же пять минут, — выводить из строя остальных становилось все сложнее. Аллана Бей прекратила петь, растерянно глядя вниз со сцены — все равно слушать ее было некому. Сначала замерев от неожиданности, люди бросились врассыпную — даже не осознав, что им никакая опасность не угрожает. Часть людей осталась, окружив поверженных праэко плотным кольцом. Осматривали, набирали сообщения, торопясь первыми рассказать остальным ошеломительную новость — на синтетиков совершено нападение. Кто-то поднял один из сгоревших дронов, перевернул. Харт сквозь объектив камеры изумленно уст-

вился на белую букву «С» на глянцево-черном боку дрона. Значит, все гораздо проще — Хендриксон и не думал скрываться от Системы и решил прямо заявить, что именно Свободные причастны к уничтожениям прайко. Что же, в этом есть смысл. Чем больше людей знают о существовании Свободных, тем больше вероятности, что они, рано или поздно, к ним присоединятся.

Харт с мстительным удовлетворением наблюдал, как люди перешагивают через тела синтетиков. Но насладиться пусть маленькой, но победой сполна так и не успел.

Прошло не больше получаса с того момента, когда с крыши торгового центра Лобраго взмыл первый дрон, как в лагерь Свободных ворвались. Сначала Харт услышал над головой странный шум, тут же переместившийся вбок — кто-то, тяжело ступая, спускался по лестнице. Запертая на кодовый замок дверь для незваных гостей препятствием не стала. Распахнулась, с силой ударившись о стену.

Ледяные взгляды прищуренных глаз, серо-черные костюмы, бластеры — парализующий — в руках, боевой — в кобуре на поясе.

Маршалы.

Харт ощутил себя так, будто стремительно падал с невероятной высоты. Горло перехватило, из легких выбило воздух. Как так? Откуда они узнали о лагере?

Времени на раздумья не было. Одним прикосновением Харт разорвал связь с дроном, возвращая экрану визора прозрачность. Бросился назад, к мужской спальне, где в одной из прикроватных тумбочек у него

был припрятан парализующий бластер — тот самый, что он прихватил из тюрьмы Реконструкторов.

Реконструкторы, вашу мать. Нет, туда он больше не вернется.

Выбежав из спальни с парализатором в руках, Харт нос к носу столкнулся с маршалом. Высокая альбиноска, воспользовавшись эффектом неожиданности, ударила его кулаком в лицо. Скулу пронзила резкая боль, глаза на мгновение застлала пелена. Нападать на человека маршалам запрещалось, но, очевидно, Свободных Система разрешила им не жалеть.

Отшатнувшись назад, Харт приложился спиной о косяк двери. Жалобно хрустнули позвонки, вызвав плотоядную усмешку на лице маршала. Харт вскинул руку с бластером и врезал рукоятью по губам альбиноски, с наслаждением стирая ее ухмылку. Ударил снова, в живот, заставив согнуться пополам; по хребту, заставив рухнуть на пол. Парализующий бластер маршала отлетел к противоположной двери, оказавшись вне ее досягаемости.

Краем глаза Харт увидел отчаянно борющегося Хендрикsona. Вырвав из рук немолодого маршала бластер, тот пронзил его парализующим зарядом.

— Вам нужно увести отсюда жену! — крикнул Харт.

— Не выйдет, — обреченно ответил Хендриксон. — Маршалы повсюду.

Словно в подтверждение его слов со стороны лестницы показались серебристо-черные фигуры. Чуть более трех десятков безоружных Свободных — из них только человек двадцать сильных парней, способных защищаться кулаками, — против десятка вооруженных маршалов. Исход очевиден.

Харт бросился вперед. Альбиноска схватила его за ногу, рванула на себя. Он едва сохранил равновесие. Вывернулся и наступил подошвой на пальцы с безупречным маникюром. Маршал взвыла. Стремительно перевернулась на бок и, выхватив из кобуры боевой бластер, демонстративно направила в грудь Харта.

— Не имеешь права, — застыв на месте, выдавил он. Челюсти свело, слова дались с трудом.

Вновь на ее лице появилась эта мерзкая ухмылка. Альбиноска опустила бластер чуть ниже и... нажала на спуск.

В ногу вонзились тысячи огненных жал. Застонав от боли, Харт бросился к ней, стремясь вырвать пистолет. И, сраженный парализующим импульсом, рухнул на колени. Ощутимый удар по спине кулаком, — и Харт, как и альбиноска минутой раньше, распластался на полу. Его сил хватило только на то, чтобы повернуть голову. Увидеть парализованного Хендрикsona, над которым склонился маршал, прочесть муку в глазах лидера. Увидеть Свободных, падающих один за одним, утрачивая контроль над собственным телом.

Все кончено. Они проиграли.

Глава двадцатая ВЕЧНЫЙ РАЙ

Протяжный вздох, горькая усмешка.

Войдя в Сомнирум, Блэки совершила роковую ошибку.

Она недооценила праэко. Камеры зафиксировали ее разговор с Маленой, и не прошло и часа

с момента побега той девушки, а прайко уже приняли необходимые меры, решив заключить ненужную свидетельницу в клетку из стекла и стали. Это означало только одно: все, что говорила Малена — правда. Чудовищная и жестокая, но — правда.

Блэки никогда не доверяла синтетикам с их одержимой преданностью Системе и грубым вмешательством в человеческую жизнь, но не верить людям повода не находила. Так неужели Ана Грекки — симпатичная блондинка, которую она мечтала однажды назвать своей подругой, — замешана в грязных делах корпорации? Неужели, прия в комнату Кхидри и напомнив Блэки о пропуске практики, куратор хладнокровно посыпала ее в ловушку?

«Но разве не этого я хотела? — пронеслась мысль, вызвав на губах отчетливый привкус горечи. — Весь мир у моих ног. Вот она — вечная жизнь в Сомнитруме — предел моих прежних мечтаний!»

Виртуальная комната — зеркальное отражение спальни в родном доме — осталась далеко позади. Точка перехода спокойно пропустила Блэки в ее любимый райский уголок — остров Алтрапес. Девочка бродила по горячему песку, босая, нарочито медленным шагом, пытаясь усмирить хаос, царивший в голове.

Напрасные мысли, совершенно бесполезные. Она — здесь, и с этим нужно просто смириться. Или бороться, рискуя быть полностью уничтоженной Системой. Ведь так просто обрезать какой-нибудь из проводов, лишив ее доступа к воде и пище... или

даже воздуху. Поэтому всякий раз, когда навстречу ей попадался один из «туристов» Сомнирума — раскрасневшийся, довольный, со смеющимся взглядом, — Блэки лишь опускала глаза.

«Десс найдет меня, — как молитву, шептала она снова и снова. — Сестра обязательно меня найдет».

Часть третья

СБРОСИТЬ ОКОВЫ

Глава двадцать первая

КТО Я?

Мгновением раньше была пустота.

«Кто я?»

Серийный номер — XH184P, сгенерированное случайное имя — Кейл.

«Дурацкое имя».

Ошибка. Неправильный запрос. Повторите запрос.

Темнота. Непривычная, чернильная, беспрозрачная. Кажется, нужно было что-то сделать, чтобы она исчезла, но он никак не мог понять, что именно.

«Кто я?»

Серийный номер — XH184P, сгенерированное случайное имя — Кейл. Возраст — 0 лет, 0 дней, 0 часов, 1 минута, 16 секунд. 17 секунд. 18 секунд...

Тяжелый вздох.

С ним говорила Система. Знание всплыло из ниоткуда, так же как и осознание: веки — вот что ему мешало увидеть свет.

И тогда он открыл глаза.

Глава двадцать вторая В КАПКАНЕ

Они совершили чудовищную ошибку. Да, видео разлетелось по всему Бене-Исс, как и предсказывала Оливия — не было и дня, чтобы Десс не услышала слово «Свободные», полушепотом оброненное кем-нибудь. Но к чему это привело?

Слуги Системы словно с цепи сорвались. Из-за «террористического акта», которым они обозвали диверсию Свободных, уничтожившую триста восемьнадцать синтетиков, ввели комендантский час. После десяти вечера выходить на улицу запрещалось.

Маршалам перестали доверять — судя по доносившимся до нее обрывкам слухов, кто-то из стражей закона был в сговоре со Свободными. Сразу же появились сотни синтетиков, срочно заменивших маршалов на их постах.

Вирусная атака Свободных стала своеобразным катализатором, обнажившим извечный страх Системы перед людской агрессией и вскрывшим гнойники человеческих душ. О да, не одни синтетики с ума посходили — люди не отставали, охотно демонстрируя всю низость своей натуры. Доклады, доносы, грязные сплетни — вот чем теперь занимались достопочтенные маршалы. Люди доносили на своих соседей за любую провинность: за косой взгляд, за когда-то брошенное резкое слово — им наконец выпал шанс сполна отплатить за давние обиды. Каждый торопился рассказать о своих подозрениях, объявить знакомых тайными членами фракции Свободных. А мар-

шалам приходилось копошиться в этой зловонной куче в попытках отличить ложь от правды.

Поговаривали, что Система начала вторгаться и в то, что раньше считалось неприкосновенным — в личные данные горожан, их переписку и даже разговоры, которые велись в жилых помещениях. В последнем праэко охотно помогали искусственные интеллекты, имеющиеся в каждом втором доме Бене-Исс.

К черту все это. Самым ужасным было то, что Блэки праэко не вернули до сих пор. С Десс и их отцом по-прежнему разговаривала программа — после всего увиденного сомнений в этом не оставалось. Десс рискнула даже ее проверить. Осторожно, словно ступая по хрупкому льду, задавала вопросы. На следующий вечер после посещения с Оливией Темпебраско она спросила «Блэки», как та провела вчерашний день, где была, чем занималась. Сестре ее внимание очень польстило, и девочка пустилась в долгие и подробные объяснения насчет какого-то Кхидри — Десс это имя было смутно знакомо — и очередного «сеанса созидания» в Сомнируме. Сказала, что легла рано. Десс осмелилась уточнить номер ее комнаты под предлогом, что зайдет в гости в следующий раз. «Тридцать шестая. Но, мне кажется, тебя не пустят, — лживая виноватая улыбка. — У них тут довольно строгие правила».

Итак, это действительно была не Блэки. Но как в этом убедить отца?

Десс не могла все ему рассказать. Ему, маршалу до мозга костей, весь этот месяц со дня мя-

тежа — ох, простите, террористического акта! — плюющемуся ядом при одном только упоминании о Свободных.

Она все еще не до конца поверила в историю с клонами — или дубликатами, как их называл Хендриксон, хотя и понимала, что с Блэки определенно что-то случилось. И готова была взвыть от бессилия. Пыталась убедить отца вернуть сестру домой, как предлог используя пресловутое видео, но добилась только снисходительно-едкой фразы: «Бог мой, Десс, не говори, что повелась на бредни шайки террористов!»

Оливия пропала. Десс подозревала, что их лагерь теперь находится в другом месте, и даже была рада, что не знала — где именно. В ту злополучную ночь, вернувшись в обитель Свободных, они с Оливией обнаружили лишь открытые настежь двери, хаос и... тишину. Девушка взвыла, как раненая волчица, удостоверившись, что родители исчезли. А в душе Десс открылась свежая рана, кровоточащая до сих пор. Она привела маршалов в лагерь. Ее доклады помогли Вандри понять, что Свободные действительно одержимы идеей разрушить Систему изнутри и обладают неким оружием, которое позволит им осуществить задуманное. После нападения дронов-носителей вируса на синтетиков маршалам осталось лишь сложить два и два... и нагрянуть в лагерь.

Десс предстояло жить со всем этим: с клеймом предательницы, пускай и видимым только ей одной, со знанием, что из-за нее тридцать человек — неплохих, в общем-то, ребят — отправились к Реконструк-

торам. Что Оливия едва не сошла с ума от горя, разом лишившись всего. Что Блэки исчезла, а ее словам никто не поверит...

Ей предстояло со всем этим жить. Как?

Нет ответа.

Глава двадцать третья ЗНАКОМАЯ НЕЗНАКОМКА

Лан поцеловал Ребекку в губы — быстрый, почти формальный поцелуй. Ощущил болезненный укол совести, заметив в ее огромных серых глазах обиду. В последнее время она была в их доме частой гостьей.

Облаченная в короткий топ и облегающие брючки, Бекка прислонилась спиной к холодильнику, непроизвольно поглаживая живот, и наблюдала, как Лан собирается на работу. Живот все еще плоский, со следом от колечка в пупке — пирсинг она вынула сразу, как только узнала о беременности. Зачем? Кто их, женщин, разберет? То ли вычитала, то ли услышала от подруг, что это для ребенка вредно.

Он не знал, на что злится. Искренне радовался, когда Ребекка, с покрасневшими от слез глазами и робкой улыбкой на лице, сообщила ему о том, что беременна. Он надеялся, что малыш вернет гармонию в их некогда счастливую семью, склеит разбитые осколки.

В его голове еще были живы воспоминания о счастливых мгновениях. Вот они с Беккой на Аль-Нарой, нежатся на белом песке. Он берет ее на руки и с ней — смеющейся, легкой — идет по волн-

нам, как в какой-нибудь дешевой мелодраме. Но Бекке нравится — откидывая назад золотые пряди, она заливисто смеется. Или тот вечер в Перлопар, когда они ужинали в ресторане на верхнем этаже стеклянной башни. Дух захватывало от невероятной высоты и маленьких фигурок людей у них под ногами. Волнуясь, как школьник, Лан подарил ей кольцо. Ребекка бросилась ему на шею, опрокинув и разбив хрустальный графин с «Блессом», чем заслужила укоризненный взгляд официантки.

Его предложение не было неожиданным — прошло два месяца со дня совершеннолетия Ребекки, он числился одним из ее электов, да и четыре года отношений говорили сами за себя. Но она все же была безмерно счастлива. И он был.

Что же случилось потом?

Ребекка — потрясающе красивая девушка, милая, отзывчивая, добрая. Она тянется к нему, как цветок к свету, а он, так или иначе, ее отталкивает. За что он так с ней? И почему, глядя на нее — свою законную жену вот уже полгода, — не видит ничего, кроме кукольно-фарфорового личика и точеной фигурки? Не чувствует ничего, кроме... да ничего он не чувствует!

Лан стиснул зубы и резко выдохнул. Ну, вот опять. Очередное утро, когда он, собираясь на опустевшую работу, предается все тем же осточертевшим размышлениям... и обижает своим невниманием беременную жену.

Кончилось все тем, что он просто выдавил через силу «пока» и скрылся за дверью, словно отрезая расстроенную Ребекку от себя. Трус.

До работы он обычно добирался за полчаса, пешком, не желая тратить драгоценные минуты свободы на тряску в автобусе. Лан шел, провожая глазами проезжающие мимо машины, лениво раздумывал над тем, чтобы в выходные смотраться с Бекки в Алтрапес. Понежиться на горячем песке, окунуться в прохладные волны. Или, быть может, отправиться в заснеженный Кенкар — Ребекка давно мечтала взобраться на гору. Тут же вспомнил о беременности и с досадой вздохнул. Значит, все-таки Алтрапес.

Поднявшись в свой кабинет, первым делом включил старенькую кофеварку. Получившийся слишком крепким кофе щедро разбавил молоком. И только покончив с каждодневным ритуалом, уселся в кресло. Хмуро перебрал бумаги, ворохом рассыпанные по столу.

Лан не уставал поражаться тому, за какую ерунду ему платили неплохие, в общем-то, деньги. Вся его работа заключалась в ведении анкет сотрудников рекламного агентства «Модиам», составлении графиков (таких же ненапряжных, как и у него самого), принятии на работу, переводе в другие отделы и увольнении. К тому же последнее он не делал уже очень давно. Шефа — немолодого, но весьма энергичного Дейва Вествика за все четыре года работы Лан видел от силы раз десять. Все отчеты сдавал по электронной почте, в ответ получая лишь пару лаконичных фраз.

К тому моменту, как Лан закончил текущие дела, стрелки на часах показывали уже без пятнадцати четыре. Он запросто мог не досиживать эти полтора

десятка минут — никто и никогда его бы за это не осудил, — поэтому начал неторопливо собираться. Кинул пухлый блокнот с ручкой в кожаный портфель, пятерней причесал светлые волосы, никак не желающие укладываться в нормальную прическу и всегда торчащие непослушными вихрами. Отвернулся от зеркала и замер от неожиданности.

В проеме двери стояла девчонка. Лет девятнадцати, худая, с длинными фиолетовыми волосами.

— Я нашла тебя, — прошептала она, словно не веря.

— Эмм... мы встречались? — Лан сморщил нос, пытаясь понять, где он мог ее видеть. Определенно, ее симпатичное бледное личико в обрамлении лиловых прядей казалось смутно знакомым.

Она грустно улыбнулась.

— Я — Ливи. Оливия Хендриксон.

Он пытливо смотрел на нее секунд пять, затем помотал головой — это имя ему ни о чем не говорило.

— Бесполезно. Ты не вспомнишь меня, пока сам этого не захочешь, — тихо сказала она.

Лан прерывисто вздохнул. День с самого утра выдался не слишком радужным, а тут еще эта девица — по всей видимости, одна из тех странноватых барышень, которые считают себя невероятно романтичными и притягательными, когда говорят загадками.

— Послушайте... — начал он устало.

— Ты должен осознать одну важную вещь, — выпалила она. Подняла голову, посмотрев на него своими потрясающе яркими зелеными глазами. — Ты не в реальности. Ты в Сомнируме.

Лан смерил посетительницу озадаченным взглядом. Сомнитум? Какой-то новый молодежный сленг? Он открыл было рот, но она не дала ему и слова сказать.

— Сомнитум обманывает тебя! Заставляет тебя поверить, что все, что ты видишь — реальность, а не программа! У тебя есть совершенно другая, настоящая жизнь. А все, что окружает тебя сейчас, — лишь иллюзия.

Лан рассвирепел. Тщательно хранимое спокойствие лопнуло, разлетевшись на мириады осколков. Слушать эту сумасшедшую было выше его сил. Схватив лежащий на стуле портфель с такой силой, что едва не оторвалась кожаная ручка, он решительно направился к выходу из кабинета. Девица отскочила в сторону, попыталась схватить его за руку, удержать. Он вывернулся, едва не выкрутив ей тонкую кисть. Шагая по коридору, бросил охраннику: «Выведи эту ненормальную из здания». Тот кивнул и кинулся выполнять.

Лан шел под аккомпанемент каблуков по мраморной плитке, а вслед ему несся звонкий голос знакомой незнакомки: «Вся твоя жизнь — сплошная ложь! Если ты не поймешь этого сейчас, ты никогда не сможешь вырваться из замкнутого круга!»

Он ускорил шаг и вздохнул с облегчением, когда тяжелая входная дверь захлопнулась за его спиной.

За ужином Лан по большей части отмалчивался, с хмурым видом слушая щебетание Ребекки. Она рассказала мужу последние услышанные от подруг сплетни: говорят, в скором времени у офисных работников будет не два, а три выходных в неделю.

Еще одна отличная новость — туроператоры в очередной раз понизили цены на билеты. Лан недоуменно покачал головой. Складывалось ощущение, что власти города всеми силами старались выгнать жителей за его пределы. Больше выходных, отпускные по желанию, низкие цены на турпутевки. Непонятно только, какая властям от этого выгода.

«Вся твоя жизнь — сплошная ложь».

Лан уронил вилку. Она ударила о край тарелки, издав звон, резко вонзившийся в его виски. Бекка заткнулась на полуслове, растерянно глядя на него.

— Милый, с тобой все в порядке? — с тревогой спросила она.

— Я просто уронил вилку. Это же не конец света, — процедил он сквозь зубы, увидев опостылевшую гримасу обиженноной девочки на лице Ребекки.

«Вся твоя жизнь — сплошная ложь». Слова фиолетовой девицы никак не желали выходить из его головы. Потеряв аппетит, Лан вышел из-за стола.

Поднявшись наверх, рухнул на заправленную кровать и понял, что извиняться перед женой как за скомканное утро, так и за неудавшийся ужин он не будет.

Глава двадцать четвертая ВСПЫШКА

Проверка завершена успешно. Сбоев не обнаружено.

Кейл ХН184Р кивнул проверяющей его прапако. Ему казалось неестественным, что, говоря с ним, она

не открывала рта — потому что именно так общались между собой синтетики. Голоса им были не нужны.

Но его не покидало зыбкое ощущение, что с ним все должно было происходить как-то иначе.

Он вообще часто замечал на себя прищуренные взгляды прайко. Внимательные, словно ждущие от него какого-то подвоха. Кажется, его считали странным. Но почему?

Сегодня Кейл впервые увидел человека. Седовласый мужчина, вошедший в его бокс, не откликнулся на его попытку обмена данными, из чего он сделал вывод: незнакомец — не синтетик. Вошедшая следом прайко замерла за спиной человека.

— Опытный образец номер сто восемьдесят четыре, — пробежав глазами по дисплею планшета, пробормотал мужчина. Вскинул голову, оглядел Кейла с ног до головы. — Ты знаешь, кто я?

— Нет, — без запинки ответил он.

— Так узнай, — невозмутимо отозвался незнакомец.

В течение двенадцати секунд Кейл соображал, что от него требуется. Пробормотав «замедленное развитие», мужчина что-то черкнул стилусом на планшете. Услышав его, прайко добавила:

— Еще повышенное эмоциональное восприятие.

Незнакомец досадливо поморщился, кинул на синтетика недовольный взгляд.

— Это как раз таки совсем не удивительно. — Вновь повернулся к Кейлу. — Тебе нужно понять, кто я есть.

Как только Кейл получил конкретную задачу, сразу стало ясно, чего добивался от него мужчина.

Он вглядился в него, послал мысленный запрос. Камера в его глазницах зафиксировала сетчатку объекта, черты лица, соотношение роста и веса и еще кучу ненужных подробностей, промелькнувших у Кейла перед глазами тысячами строчек с информацией. Он растерянно поморгал.

— Отфильтруй ненужное, — сухо подсказала прако.

— Терпение, Лаэс. Он сейчас как дитя несмышленое, только вставшее на путь развития. Ему просто нужно время.

Кейл внутренне подобрался. Применил фильтры. Не интересующие его строчки данных поблекли и потухли, вычленив необходимую информацию.

— Вы — Вин Марбест, ведущий кибернетик в корпорации...

— Молодец, — прервал его тот. Быстро сделав пометки, погасил дисплей планшета. — А теперь пойдем со мной.

Кейл подчинился. Вместе они покинули бокс и направились по широкому коридору. В отсеках по обеим сторонам от него стояли, по всей видимости, такие же «опытные образцы», как назвал Кейла Вин Марбест. Судя по оснащению, в основном боевые модели.

Он заметил и нескольких синтетиков-метаморфов. Одного из них, лишенного одежды, каких бы то ни было половых признаков и черт лица, подготовливали к внедрению данных человеческого мозга в его мозг, вылепливанию из лица и тела необходимой псевдочеловеческой модели и дальнейшей

коррекции — веса, роста и прочих физических данных.

В отличие от боевых единиц, метаморфы в основном исполняли роль шпионов. В мозг Кейла была заложена функция, позволяющая отличить синтетика-метаморфа от человека. Как наблюдательно-боевая модель, он должен анализировать поведение человека — потенциальной угрозы для синтетиков. Вот только наблюдать пока было не за кем — не считая Вина Марбеста, его окружали одни лишь синтетики.

Однако не прошло и пяти минут, как Кейл понял, что сделал преждевременный и ошибочный вывод. Миновав боксы, он вслед за Вином Марбестом вошел в комнату, где находились сразу пять человек. Просканировав их, Кейл понял, что все они состоят на службе корпорации, а значит, опасности не представляют.

— Он сильно недоработан, — Вин Марбест обращался к остальным. Судя по тону голоса, он был недоволен. — Функция распознавания лиц почему-то была отключена.

— Послушайте, вы же понимаете — нам дали слишком мало времени! — голос принадлежал молодой ученой с короткой стрижкой. Эна Лей Ларкес, как подсказали Кейлу результаты сканирования ее лица.

— Так доработайте его сейчас! — воскликнул Вин Марбест. Помолчав, сказал уже спокойнее: — Эмоциональные фильтры восприятия притушите — излишняя восприимчивость может ему навредить. Проверьте его на боевую готовность. Как закончите, пришлите мне результаты.

Он не попрощался с Кейлом, как было принято среди людей. Молча вышел из комнаты, закрыв за собой дверь.

— Отключите его, — устало попросил один из ученых. Кевин Вассини, сорок один год, шестнадцать месяцев, три дня и...

Темнота.

Вспышка. Короткая, невозможна яркая, прорезавшаяся сквозь мглу.

Девушка на аттракционе. Волнистые светлые волосы чуть ниже плеч, открытое, немного детское лицо, прелестная улыбка. Поднявшийся ветер разметал ее волосы, она со смехом попыталась привести прическу в порядок. Платье до колен — голубое, в тон ее глазам. Незнакомка легко спрыгнула с качелей — взметнувшаяся вверх юбка на мгновение обнажила стройные ноги, — подошла ближе, сказала что-то, смеясь.

Ошибка. Программный сбой. Неизвестный источник данных. Удалить данные?

Нет. Нет!

Светловолосая прелестница растаяла, оставив неясное ощущение, что была дорога ему как воздух.

Темнота.

Глава двадцать пятая ПОД ПРИЦЕЛОМ

Видео из потайной комнаты Темпебраско все же возымело эффект, и перепуганные родители добились своей цели. Школу закрыли. Детей возвращали домой.

Заламывая руки от волнения, которое никак не удавалось подавить, Десс сновала по дому в ожидании того часа, когда в дверь постучится Блэки.

И этот час настал.

Стоя в душевой кабинке, с пеной, покрывшей все тело эфемерным нарядом, Десс услышала возбужденный голос отца — что для него было несвойственно. Мгновенно все поняла. Сильной струей наспех смыла с себя пену, обернувшись полотенцем, ринулась вниз. Плевать на приличия. Ее сестра вернулась.

Та застыла у порога, неловко обнимая отца. Отстранилась, взглянула на Десс, на ее волосы, с которых капало на пол. Улыбнулась — несмело, одними уголками губ, как улыбалась только она.

«Это и в самом деле Блэки», — с невыразимым облегчением выдохнула Десс.

Но когда она бросилась обнимать сестру, со смехом уворачивающуюся от ее мокрых прядей, голову пронзило это проклятое «Или..?».

Сглотнув, Десс отступила на шаг. Присмотрелась к большим глазам, выглядывающим из-под густой челки, милому юному лицу. Ей казалось или Блэки как-то неуловимо изменилась? Казалось, или куда-то исчез взгляд грустного щеночка?

«Боже, Десс, ты — проклятый параноик!»

Она натянуто улыбнулась младшей сестре.

— Я так переживала, Блэки! Это правда, что некоторых учеников держали как заложников? — выпалив, вперилась в нее, пристально следя за выражением лица.

Девочка устало вздохнула.

— Ох, это так тяжело было слышать. Я не знаю, правда не знаю. Для меня вообще последние полтора месяца как в тумане...

— Они что-то сделали с тобой? — вспомнилась Десс.

Почему нет? Что мешало корпорации привлечь Реконструкторов и подправить кое-какие воспоминания в головах пленников, перед тем как выпустить их на свободу?

— Я не знаю, правда. Пожалуйста, не мучай меня вопросами, — взмолилась Блэки. Взгляд грустного щеночка — тут как тут. — Все, чего я сейчас хочу — оказаться в своей спальне перед видеовизором с большой банкой «Бл исса». Все, что угодно, только не думать сейчас о Темпебраско.

— Правда, Десс, не донимай сестру, — проявил неожиданную заботу отец.

Закусив губу, она провожала взглядом удаляющуюся сестру. Поднялась в свою комнату, неторопливо оделась, поглощенная мыслями о Блэки. Когда рукав домашней блузки скользнул по запястью, внезапно почувствовала — что-то не так.

Браслет!

Лихорадочно поразмыслив, Десс поняла, что оставила его в ванной. А ведь он мог оказаться ценным помощником в ее мучительных мысленных метаниях. Невыносимое это чувство, когда не знаешь, кто перед тобой — собственная сестра или ее синтетическая копия.

Она бросилась в ванную и после нескольких минут отчаянных поисков вынуждена была констатировать: браслет с чипом, распознающим синтетиков, пропал.

Десс подошла к комнате Блэки. Занесла кулак в воздухе и, помедлив несколько секунд, постучалась. Приоткрыв дверь, заглянула внутрь. Сестра с удобством устроилась на покрытой тигровым пледом кровати, обложившись подушками. Закрытые глаза распахнулись. Сонно поморгав, Блэки сказала с виноватой улыбкой:

— Решила пораньше лечь. Нас продержали у маршалов три часа, все допрашивали о корпорации.

— Блэки, ты не видела мой браслет? — медленно спросила Десс. — Я оставила его в ванной, а сейчас не могу найти.

Сестра помотала головой.

— Может, куда-то упал? — без тени интереса отозвалась она. Зевнула, как показалось Десс, нарочито. — Я так вымоталась. Я посплю, ладно?

Десс кивнула, пожелав спокойной ночи, закрыла дверь. Вернулась к себе и еще долго лежала в постели, прислушиваясь к каждому шороху, пока сон не сморил.

На следующее утро за завтраком отец протянул ей браслет:

— Не твое?

— Где ты его нашел? — воскликнула Десс, выхватывая из его рук пропажу.

— За роботом-уборщиком в ванной. Включил его и, когда он отъехал, заметил на полу браслет. Я его раньше у тебя не видел.

Десс ответила уклончиво, вспоминая тщательный обыск в ванной. Могла ли она не заметить браслет или же его туда подложили? Например, ночью, пока она сладко спала?

Со вздохом отодвинула от себя нетронутую тарелку хлопьев.

— Ты ничего не съела, — приподняв бровь, заметил отец.

— Что-то нет аппетита, — призналась Десс.

Она вернулась в комнату и уселась за интерактивный стол. Открыв почту, прочитала очередное поручение от Вандри, которое, как и все в последнее время, особым разнообразием не отличалось. Съездить по такому-то адресу, поговорить с людьми и проверить их показания против соседей — очередных претендентов на звание Свободных. Доносов не убывало, наоборот — с каждым днем становилось все больше.

Система умела внушать людям страх, теперь Десс это понимала. Вполне возможно, Блэки — если она была не человеком, а искусствой подделкой под ее сестру, в чем Десс до сих пор не могла определиться, — приставлена Системой для наблюдения за ней.

Она поймала себя на том, что озирается по сторонам в попытках понять, не изменилось ли расположение вещей за время ее отсутствия в спальне. Нервно передернула плечами — от этих навязчивых мыслей становилось не по себе.

Визор утратил прозрачность. На экране появилось лицо Оливии — мелькнуло и тут же исчезло. Десс стремительно опустила прячущуюся за ухом дужку микрофона вниз. Зашептала:

— Оливия, с тобой все в порядке? — Бросила косой взгляд на запертую дверь, но все же решила соблюдать предельную осторожность.

— Относительно, — устало выговорила Свободная. — Этот канал защищен от прослушки, но долго разговаривать я не могу. Нам надо увидеться. Есть новый план... точнее, улучшенный старый.

Десс пораженно уставилась в пустоту — Оливия по-прежнему не рисковала показывать свое лицо, чтобы не оставить следа в архиве данных ее визора.

— После всего этого ты хочешь...

— У меня нет выбора. Надо довести до конца то, что мы начали. Мои родители у Реконструкторов, и я сделаю все возможное, чтобы вытащить их. Если ты откажешься мне помогать — я пойму. Серьезно. Но... лишняя помощь мне бы не помешала.

— Конечно, — мгновенно отреагировала Десс. При упоминании о родителях Ливи ее сердце мучительно сжалось.

Во время всего разговора перед ее глазами всплывала одна и та же картина: опустевший лагерь, рыдающая в голос Оливия. А в голове, заглушая все прочие слова, звучала одна и та же фраза, как осточертившая песня, которую жаждешь забыть. Как вечное напоминание. «Это я виновата, это я виновата, это я...»

Если бы Десс знала тогда, что задумали Свободные, она бы попыталась их отговорить. Потянуть время, может, вывести Вандри на ложный след. Убедить ребят перебраться в другое место.

Если бы она знала тогда истинный лик Системы, которой была так предана...

Но не было смысла рассуждать о том, чего уже нельзя изменить. Единственное, что оставалось

Десс — сделать все возможное, чтобы исправить свою ошибку и помочь Оливии вызволить родителей и друзей.

Совладав с эмоциями, она хрипло спросила:

— Где мы встретимся?

— Я скину адрес. И тут же сотру. Проследи, чтобы тебя не заметили. Эта мера, может, и излишняя — если бы Система знала, что ты Свободная, ты бы со мной уже не разговаривала, но...

— Не волнуйся. Я буду осторожна, — заверила ее Десс.

Она хотела о многом спросить, многое рассказать, но понимала, что сейчас не то время — даже несмотря на заверения Оливии о защищенности канала.

Завершила звонок, дождалась сообщения, несколькими мгновениями спустя исчезнувшего. Так и не рискнув записать адрес в электронном блокноте, посидела с закрытыми глазами, запечатлевая его в памяти. Стерла данные о звонке из архива и, подойдя к двери комнаты, распахнула ее.

На пороге стояла Блэки.

Сердце Десс скакнуло к горлу, замерло на секунду и ухнуло вниз, не прекращая биться словно в агонии.

— Напугала? — невинно улыбнулась сестра.

А Десс, пытаясь выдавить из себя жалкую улыбку, лихорадочно соображала: как долго Блэки стояла под дверью ее комнаты и успела ли услышать их с Ливи разговор?

Непроницаемое выражение лица сестры не позволяло ничего понять.

— Куда-то идешь? — поинтересовалась Блэки.

— Да. Вандри дала очередное задание. Нужно съездить по одному адресу, — как можно небрежнее произнесла Десс.

— Ясно, — протянула сестра. — А я думала, мы сходим с тобой в торговый центр...

Это была неплохая возможность расспросить Блэки о последних днях в Темпебраско, но встреча с Оливиией сейчас намного важнее.

— Завтра, ладно? — мимолетно улыбнувшись, сказала Десс.

Блэки выглядела разочарованной. Неохотно кивнула и скрылась в своей спальне.

Десс быстро спустилась вниз. Покинула дом, застыгнула в серебристый аэромобиль. Перед тем, как взлететь, удостоверилась, что Блэки не подглядывает за ней из окна спальни.

Черт возьми, она и впрямь стала настоящим параноиком! И все же лучше быть сумасшедшей, но живой, чем нормальной и мертвой.

Десс кружила по кварталу, постоянно поглядывая на экран заднего вида — не было ли за ней «хвоста». И только окончательно убедившись в его отсутствии, полетела в Лобраго. Приземлилась на парковке одной из кафешек. Ее немало удивил выбор места Оливии — фактически центр Бене-Исс, оживленная улица, кафе, куда всегда заглядывало немало народа. И только войдя внутрь, поняла: в толпе затеряться куда проще, чем в пустом переулке.

Оливию она увидела не сразу. Все искала глазами фиолетовую шевелюру, пока не дошло, что для осторожной и предусмотрительной девушки остав-

лять привлекающие внимание волосы на виду — явная глупость. Наконец наткнулась взглядом на столик, за которым над хрустальной вазочкой с пирожным склонилась одинокая посетительница. Метнулась туда.

— Блэки вернулась, — только усевшись, сообщила Десс.

Оливия вытаращила и без того немаленькие глаза и чуть не подавилась йогуртом. Лицо и волосы она прятала под широким капюшоном, а на ее лбу, скулах и подбородке Десс заметила странные светящиеся полосы.

— Преломление света, — заметив ее взгляд, туманно объяснила Оливия. — Так наблюдателям и синтам сложнее распознать мое лицо. — Перебив саму себя, выпалила: — Ты ведь понимаешь, что это не может быть твоя настоящая сестра?

Десс промолчала, заслужив тяжкий вздох Свободной.

— Десс, я знаю: тебе хочется верить, что Блэки — цела и невредима. Но нужно смотреть фактам в лицо.

— Я пытаюсь, — с усилием выговорила девушка. — Меня и саму многое настораживает: например, ее слова о том, что она мало что помнит, не в состоянии описать, что делала и где была в тот день, когда мы с тобой проникли в школу, а еще месяц назад вполне ясно и подробно рассказывала о своей жизни в Темпебраско. Но, может, с ней поработали Реконструкторы?

— Десс, ты же знаешь, что Измененные, прошедшие даже минимальную переделку, ведут себя совершенно иначе, чем обычные люди.

— Но... прогресс ведь не стоит на месте, верно? Может, Реконструкторы научились действовать более... аккуратно.

Хакерша молчала.

— Ох, Оливия, не смотри на меня так! — взмолилась Десс. — Я знаю, что цепляюсь за соломинку. Просто не могу допустить даже мысли, что с Блэки случилось что-то... по-настоящему плохое! Ведь если так, то в этом буду виновата я одна. Возможно, из-за наших с ней... сложных отношений сестра и решилась стать затворницей в той проклятой школе. Я ведь даже не навещала ее все это время...

— Десс, ты все равно ничем бы не смогла ей помочь, — мягко сказала Оливия. — Не кляни себя, от этого никому не станет лучше. Ты сама говорила, как была счастлива Блэки от перспективы стать визуальщицей. Корпорация просто заманила ее в ловушку — как и многих других. Теперь наша задача — найти ее. Харта я уже нашла и сделаю все возможное, чтобы отыскать и Блэки.

— Но ведь ее не было с ними, — прошептала Десс. — Вот что меня пугает.

— У меня есть одна идея, как найти Блэки. Не знаю, сработает или нет, но попытаться стоит. Назови мне места в Сомнируме, где она бывала чаще всего.

Десс вскинула голову.

— Ханайа — зеленый край с озерами и горами. Ммм... пожалуй, еще Флиа — маленькая деревушка в лесу. Но больше всего она бредила Алтрапес. Каждый раз, когда мы выбирали место для отдыха, она

всегда первым делом называла его. А потом мы спорили до хрипоты. — Десс улыбнулась воспоминаниям. Подняла на Оливию взгляд. — Надеюсь, это тебе как-то поможет.

Они помолчали. Вынув из внутреннего кармана куртки планшет, фиолетоволосая сделала пометки.

— Какой у тебя план? — осведомилась Десс. — Насчет Системы и... прочего.

— Я придерживаюсь прежней тактики. Знаешь ли ты об этом или нет, но Свободные жили не только в нашем лагере.

— Догадывалась, — кивнула Десс. — Там жили только те, у кого не было дома.

— Верно. Так вот... Задачей остальных было распространение слухов о лагере, чем они занимаются и сейчас. Так я нашла поддержку в лице нескольких маршалов, разочаровавшихся в своих прежних идеалах. Осознавших, кем на самом деле являются Создатели и их пресловутая Система. — Оливия замолчала, переводя дух. — Среди маршалов назревает бунт. Несогласные должны были помочь мне подобраться к Создателям, но теперь, когда их заменили боевые синты... с этим придется повременить. Пока по Бене-Исс распространяются слухи о Свободных — благодаря видео на этот раз это происходит куда быстрее, — я продолжаю работу над вирусом. Все идет... не слишком гладко, но первые сдвиги уже есть. Я уже рассказывала Харту однажды. Я пытаюсь увеличить время, необходимое для того, чтобы вирус вызвал сбой и перегрев системы у синтетиков. Создать скрытый вирус, который активируется не через не-

сколько секунд после обмена данными, а хотя бы через несколько минут. Тогда велик шанс запустить целую цепную реакцию — заразить одного синта, чтобы он, в свою очередь, заразил с десяток других. Пока это только в теории. На практике же... — Она помрачнела. — Мириам сгорела в одном таком неудачном эксперименте. Понимаю, глупо жалеть синтетика, но... она и впрямь не раз меня выручала.

Десс понимающе кивнула.

— Так что ты хочешь, чтобы я сделала? — спросила она.

— Твоя задача, как одной из несогласных, не попавшей под подозрение Системы, — распространять слухи через знакомых. Я дам тебе адрес нового убежища для Свободных. Если ты будешь уверена в ком-то, приводи его ко мне. Знаю, это риск, но иначе никак. Нам нужны люди — без них носителей вируса не запустить. А я не собираюсь прятаться всю жизнь, пока сознание моих родителей переделывают эти черные твари.

— Люди с похожими историями охотно пойдут за тобой, — медленно проговорила Десс. В памяти всплыло лицо матери. Лицо, которое она вспоминала непозволительно редко. Отец убедил ее, что так будет лучше для всех. Говорил, что переделка сильно затронула ее разум, и она даже не помнит о том, что где-то у нее есть дочери и муж. Десс верила ему — как прежде верила бестелесному гласу Создателей. Но время показало, как сильно она ошибалась в отношении Системы. Так может, и отец говорил ей не всю правду?

Тряхнув головой, Десс отогнала мрачные мысли. Сейчас нужно сконцентрироваться на том, чтобы искупить свою вину перед Свободными и найти Блэки. А потом, когда все будет кончено... она подумает обо всем остальном.

— Ладно. У меня не так много ненавидящих Систему знакомых... — Еще бы, она ведь маршал! — Но я постараюсь ненавязчиво рассказать им о Свободных. А теперь, извини, мне нужно... — Десс чуть было не ляпнула «на задание», но вовремя спохватилась, — ... домой.

— Да, конечно, — Оливия поднялась вместе с ней, но направилась к бару, чтобы расплатиться.

Десс вышла на улицу. Послеполуденное солнце ослепило ее, привыкшую к полумраку кафе. Вместо того чтобы отправиться на задание, она полетела домой. Ей просто необходимо было окончательно во всем разобраться. Если Оливия сумела найти в Сомнитруме Харта, то и ее сестру могла отыскать, но для этого Десс необходимо удостовериться, что их сомнения насчет Блэки не напрасны.

Открыв входную дверь, Десс поразилась царившей в квартире тишине. Ее нарушил голос Атри — искусственного интеллекта их дома, привычно поприветствовавшей свою хозяйку. Вздрогнув от неожиданности, Десс чертыхнулась. Она хотела застать Блэки врасплох — вдруг обнаружила бы сестру, предположим, обыскивающей ее комнату?

— Ты рано, — заметила Блэки.

Она стояла на кухне, равнодушно наблюдая за работой робота-уборщика. Набравшись решимости,

Десс подошла к сестре вплотную. Заглянула в такие знакомые голубые глаза.

— Блэки, что с тобой происходило последний месяц?

— Почему ты спрашиваешь? — нахмурившись, спросила она.

— Просто хочу понять. Я волнуюсь за тебя.

— Я же говорила — все как обычно. Учеба, Сомнитум.

— Ты знаешь девушку по имени Малена? — Ставки повысались. Как внедренный в лагерь Свободных маршал, Десс вполне могла слышать историю Малены, поэтому решила рискнуть.

Блэки напряженно сморщила лоб.

— Не припоминаю. А что?

— Малена рассказывала, что ты помогла ей сбежать из Темпебраско.

— Сбежать? — рассмеялась Блэки. — Зачем оттуда сбегать? Ворота всегда открыты.

Десс отступила на шаг. Сестра вела себя вполне естественно, а Реконструкторы вполне могли изъять воспоминание о побеге Малены из памяти Блэки. Но Десс всегда доверяла своим инстинктам. А они сейчас настойчиво говорили ей — что-то здесь не так.

Она развернулась к подставке с ножами. Выхватила один из них. Перед тем, как острое лезвие опустилось на запястье Блэки, на какой-то страшный миг время словно остановилась. Столько мыслей промелькнуло, сменяя одна другую. «Что, если я ошиблась?». «Боже мой». «Блэки, прости».

Лезвие черкнуло по белой коже. Сердце Десс

остановилось и забилось лишь тогда, когда вместо крови она увидела проводящую жидкость. Невероятное облегчение нахлынуло на нее, и только мгновением спустя пришел страх. Оливия оказалась права. А это означало только одно — настоящая Блэки в беде.

Десс ждала, что синтетик бросится на нее, поэтому машинально поудобнее ухватилась за рукоять ножа. Вспомнив, с кем имеет дело, отшвырнула нож в сторону и потянулась к висящему на поясе боевому бластеру. Если пробить корпус или голову, синт выйдет из строя.

Но синтетик, притворяющаяся ее сестрой, не стала ни нападать, ни защищаться. Метнулась к входной двери... и скрылась за ней. Десс оторопело смотрела ей вслед. Не этого она ожидала от слуги Системы.

Вместе с тем пришло понимание: разумеется, Системе невыгодно, чтобы кто-то, помимо Десс, узнал об обмане. Вот она и приказала провалившему миссию синту скрыться.

Вот только гордиться разоблачением «Блэки» Десс предстояло совсем недолго. Не прошло и пятнадцати минут, в течение которых она безуспешно пыталась связаться с Оливией и рассказать ей о случившемся, как в дом ворвался отец. Услышав его крики, онаглянула из гостиной.

— Что... Что ты наделала? — лицо отца побагровело, исказилось яростью и... ужасом? Он задыхался, с трудом выговаривая слова.

Десс стояла, ничего не понимая. Да, она «раннила» синтетика, но отчего такая бурная реакция?

И вообще, как он узнал? И не прошло и пары секунд, как она ответила самой себе: — Атри! Посчитав произошедшее противоестественным, та отправила видео с камер наблюдения главному хозяину дома.

Так и оказалось — отец сдернул с лица визор, протянул его Десс дрогнувшей рукой. Она хотела было остановить видео и все объяснить, но увиденное заставило ее остолбенеть.

Странно было смотреть на себя со стороны: как она говорила, как разворачивалась и вынимала из подставки нож, как проводила лезвием по коже лже-Блэки. Но еще более странным, жутким и невозможным был следующий кадр, когда по руке «Блэки» потекла алая кровь.

Растерянно моргая, Десс наблюдала, как «Блэки» убегает из дома. Отец вырвал визор из ее рук, и к ней наконец вернулся дар речи.

— Папа... Боже мой, ты же не думаешь, что я ранила собственную сестру!

— Но именно это я и вижу, — процедил он.

Десс облегченно вздохнула: какое счастье, что на кухне остались неоспоримые доказательства ее правоты и обмана подчиненного Системе синтетика.

— Пойдем, я покажу тебе, что произошло на самом деле.

Помедлив, отец все же подчинился. Видимо, ему самому было тяжело поверить в увиденное на экране визора.

Она зашла на кухню, бросила торжествующий взгляд... на безукоризненно чистый пол, где всего не-

сколько минут назад находилась лужица проводящей жидкости. Робота-уборщика нигде не было видно... как и ножа, на котором остались следы синтетической «крови».

Ее доказательства исчезли, запись с камеры подменили. Скоро за ней придут: или, как истинный маршал, о происшествии сообщит отец, выполняя свой долг перед Системой, или Атри пошлет запрос о совершенном преступлении — если не сделала этого до сих пор. Отец будет искать бедняжку Блэки, сбежавшую из дома от сумасшедшей сестры... вот только совсем не там. А Десс отправят к Реконструкторам, где ей предстоит повторить печальную участь матери.

Она отступила на шаг. Еще и еще.

— Папа... Я этого не делала. Это Система.

Десс говорила и видела, что отец не верит ей. Тогда она развернулась и бросилась бежать.

Отец кинулся следом — она и не питала надежд, что он позволит ей так просто уйти. Скрывшись за дверью, придержала ее и, когда отец приблизился, с силой толкнула вперед. Нос хрустнул, потекла кровь. Отец зарычал сквозь стиснутые от боли зубы. Выхватив из кобуры парализующий бластер, Десс пронзила его в бок зарядом. Бросилась прочь и, запрыгнув в аэромобиль, взлетела. Руки дрожали, на них алыми бисеринами сверкали капли брызнувшей из носа отца крови, а в голове билась одна-единственная мысль, отдающая безумием.

Хорошо, что на сей раз это была кровь.

Глава двадцать шестая КОНЕЦ ИЛЛЮЗИЙ

Лан повернул голову, взглянул на спящую Ребекку. Длинные ресницы отбрасывали тень на персиковые щеки, маленький, чуть вздернутый носик придавал лицу милое очарование. Прекрасная молодая женщина, которая носит под сердцем его ребенка. Почему тогда он ничего не чувствует к ней — ничего, кроме... благодарности.

А ведь совсем недавно все было совершенно иначе: они были по-настоящему счастливы и наслаждались обществом друг друга. Но пару месяцев назад все это неожиданно куда-то ушло, оставшись лишь смутным воспоминанием. Куда и почему? Лан не засматривался на других женщин, Бекка никогда не закатывала истерику — даже сейчас, беременная, вела себя как обычно и капризами не изводила.

В чем же тогда причина?

«Вся твоя жизнь — сплошная ложь! Если ты не поймешь этого сейчас, ты никогда не сможешь вырваться из замкнутого круга!» Все чаще в его голове всплывала эта фраза, прежде казавшаяся совершенно бессмысленной.

Вчера днем он снова видел фиолетоволосую. Пришел в кафе в обеденный перерыв, сел за любимый столик. Минутой спустя к нему присоединилась она. Лан не дал ей раскрыть рта. Поднялся и молча направился к офису. Черт с ним, с обедом. Выслушивать бредни он не намерен.

Однако эта Ливи молчать не собиралась.

— Ты должен вспомнить, — крикнула она. — Должен понять, что все, что тебя окружает — лишь иллюзия. Совершенная, прекрасная, но иллюзия.

Лан ускорил шаг, чтобы поскорее скрыться от этой ненормальной, от ее звонкого голоса, словно преследующего его.

— Харт!

Он оглянулся. Сам не зная, почему. Несколько секунд пристально смотрел на притихшую девушки, развернулся и пошел прочь. Но это имя эхом звучало в голове весь день. Знал ли он его? Нет. Тогда почему обернулся? И почему она назвала его так?

Ребекка проснулась. Улыбнулась, сказала игриво:

— Ты что, смотрел, как я сплю? — Видимо, она находила это очень романтичным.

Супруга быстро поцеловала его в губы, сладко потянулась и встала.

— Я в душ, — обронила она. На ней была тонкая кружевная сорочка, облегающая стройное тело как вторая кожа. Бекка казалась сейчас такой притягательной... но совершенно чужой.

Лан раздраженно вздохнул. Он точно спятил.

— Что-то не так, милый? — встревоженно спросила Ребекка. Она всегда читала его как открытую книгу — как бы он ни старался, ему никогда не удавалось утаить от нее эмоции.

— Все в порядке, — соврал Лан.

Поднялся и прошел к шкафу, делая вид, что не замечает красноречивого взгляда жены. Торопливо оделся. Бекке ничего не оставалось, как пойти в душ без него.

За завтраком жена сказала Лану, что после обеда собирается наведаться к врачу.

— Я пойду с тобой, — огородил он Ребекку. — Отлучусь на час — моего отсутствия никто даже не заметит.

Ему показалось, что на ее хорошенъком лице промелькнула растерянность.

— Зачем? — удивленно спросила она.

Лан пожал плечами, откусывая приличный кусок от золотистой гренки.

— Хочу поговорить с врачом, узнать, нормально ли развивается ребенок.

— Да я и сама все тебе могу рассказать, — небрежно ответила Бекка. — Зачем отрывать тебя от работы.

— Да я и сам не прочь бы оторваться, — хмыкнув, сказал Лан.

— Ну ладно, — протянула она. — Если ты так хочешь.

В который уже раз Лан покидал дом в смешанных чувствах. Странная реакция жены, тут же сменившаяся равнодушным согласием, не давала ему покоя. Может, эта фиолетоволосая знала правду о его ребенке и ее слова о лжи связаны именно с этим? Что, если Ребекка изменяла ему, и ребенок, которого она носила под сердцем — и не его вовсе?

Размышляя об этом, Лан внезапно понял: то, что отцом малыша может быть не он, огорчало его куда больше, чем теоретическая измена Бекки.

Он решил все расставить по местам — и как можно раньше. Поэтому, завидев в своем кабинете фио-

летоволосую, не захлопнул за собой дверь и прогонять ее не стал. Напротив, подошел ближе, немало ее удивив, и спросил:

— Ты говорила, что моя жизнь ложь. Почему? Ты... — он долго не решался это сказать, но все же выпалил: — имела в виду ребенка Бекки?

В тот же миг понял: он даже не сказал «нашего ребенка».

— Какого ребенка? — непонимающе захлопала ресницами Ливи. Уставилась на него, приоткрыв от изумления рот. — Боже мой, они... она что, сказала тебе, что беременна? Как давно?

Лан уже ничего не понимал. Но он устал от сомнений и недомолвок. Все, что ему сейчас оставалось — просто довериться судьбе и выслушать эту странную девицу.

— Где-то... три недели назад, — ответил он.

— Дай угадаю: у вас начались проблемы, она почувствовала, что ты отдаляешься, и через некоторое время сообщила тебе эту прекрасную новость! — сверкнув глазами, проговорила Ливи.

Лан с усилием кивнул.

— Да. В общем-то, примерно так и было.

— Боже мой, неужели мужчины до сих пор ведутся на эту уловку!

В голосе фиолетоволосой он расслышал разочарование. Неожиданно разозлился.

— Да в чем дело-то?

— Дело в том, — вкрадчиво начала Ливи, — что эта... Бекка не беременна. Она даже не твоя жена.

Лан расхохотался. Правда, веселья в его смехе было мало.

— Серьезно? А почему тогда я помню нашу с ней свадьбу?

— Вот именно. Ключевое слово — помнишь. Все, что у тебя есть — это воспоминания. И, Харт, все они ложны.

Она снова назвала его так. А он поразился тому, как тесно переплетались ее слова и его недавние мысли.

— Бред, — прошептал Лан, все еще не готовый поверить в услышанное. Да и как в такое поверишь?

— Разумеется, тебе все это кажется бредом. Так бы казалось и мне, если бы мне сказали, что моя реальность — виртуальная. Но, Харт, ты находишься в Сомнируме, в искусственно созданном мире, в котором все выглядит, чувствуется и даже пахнет, как настоящее. Тебя заставили поверить в то, что все происходящее — правда. Убрать твои воспоминания о прошлом полностью у них бы просто не хватило времени — как-то я уже говорила тебе, что резкое вмешательство в человеческое сознание не проходит бесследно. Поэтому они просто задавили твои прежние воспоминания, заменив их ложными. Ты все вспомнишь... со временем.

— Они? Кто эти «они»?

— Праэко, слуги Создателей. Харт, это не так важно. Важно другое, — Ливи перевела дух. Заломила руки в сильном волнении. — Я могу вытащить тебя отсюда. В реальность. Кapsула с твоим телом — бог мой, как это жутко звучит! — находится у меня.

Лан поднял на нее взгляд. Он не понимал ни слова из того, что она говорила.

— Я могу вернуть тебя в реальность, но для начала мне нужна твоя помощь. Первое — мне нужно, чтобы ты мне поверил. Если я просто отключу провода и выдерну тебя из Сомнирума... я не знаю, чем это кончится. Возможно, ничем плохим, а возможно, биополярным расстройством — или настоящие воспоминания не вернутся вовсе, или вернутся, но и ложные останутся. Тогда в твоей голове будут уживаться два человека — ты из виртуальной и настоящей реальностей. Я не хочу такой жизни для тебя.

Лан по-прежнему молчал, безуспешно пытаясь переварить услышанное. А Ливи меж тем продолжала:

— И второе — мне нужна твоя помощь. Блуждать по Сомнируму я не могу — зоны перехода меня не пропустят, да еще и Систему оповестят, Десс теперь в бегах и тоже не сможет это сделать. Я хочу, чтобы ты отправился в Ханайу, Флиа и Алтрапес и попытался найти девушку по имени Блэки.

Фиолетоволосая торопливо закатала рукав футболки. Лан с изумлением уставился на татуировку с портретом юной девушки с густой челкой и большими ярко-голубыми глазами.

— Небольшой трюк. Сомнирум не пропустил бы меня с планшетом.

— Чем? — переспросил Лан.

Ливи терпеливо вздохнула. Скользнула взглядом по кейсу в его руках, старенькой заляпанной кофеварке, кипам бумаг.

— Ты застрял в прошлом веке. Поверь, когда ты все вспомнишь, ты очень удивишься. Тебя ждет нема-

ло открытий, — добавила она с усмешкой. Посерьезнела, опустила рукав. — Харт, пойми — необходимо, чтобы ты отыскал Блэки. Другого такого шанса может не представиться. К тому же ты нужен мне там, в реальности.

Лан уловил прозвучавшую в голосе Ливи интонацию. Вскинул голову, внимательно вгляделся в ее лицо.

— Если ты говоришь, что все вокруг меня — виртуальная реальность... — он умолк. Сказанное вслух, это казалось еще безумнее. И все же... — И Ребекка — на самом деле мне не жена... Мы с тобой...

Лан умолк, позволив ей додумать фразу самой. И она поняла. Мгновенно смущилась и сказала, чуть запинаясь:

— Я... Мы — нет. Я просто помогла тебе однажды... Свободные — тебе о чем-нибудь это говорит?

— О многом.

— Да, пример неудачный. Ладно. Просто попытайся вспомнить. Бене-Исс, праэко, Система, Создатели, Реконструкторы. Уцепись за эти слова и не отпускай. Что-то внутри тебя когда-нибудь должно отзваться... я так думаю.

И он действительно пытался. Ливи, если верить ее словам, вернулась в свою реальность, но работать после такой ошеломляющей встречи было невозможно. Лан ушел, даже не заперев за собой кабинет. Направился к автобусной станции, гадая: почему Ливи назвала ее зоной перехода?

Иллюзия. Вдруг вспомнился недавний разговор с Ребеккой — рабочие дни сокращали, цены на турпутевки понижали. Слишком хорошо, чтобы быть правдой? Возможно, но какой во всем этом смысл? Он не понимал.

Странные климатические условия в стране — вот что его всегда поражало. Час на автобусе — и окажешься на одном из цепи островов. Четыре — в джунглях. Двенадцать — в горах, чьи вершины покрыты шапками снега. Возможно, так все и должно было быть, и все его сомнения — пусты и беспочвенны, но...

Было еще кое-что. Две недели назад он заметил нечто по-настоящему странное. Они отдыхали с Беккой на пляже, как вдруг боковым зрением он увидел что-то белое. Повернулся и в упор уставился на белое пятно, висящее прямо в воздухе и как будто съевшее пространство. Моргнул... и пятно пропало. Лан рассказал об увиденном жене, но она, конечно, не поверила. Рассмеялась и, швырнув в него полотенцем, обозвала выдумщиком.

Так неужели Ливи говорила правду и его мир — нереален? А сам он заперт в какой-то... капсуле, в ожидании того часа, когда его сознание будет готово примириться с правдой, чтобы не сойти с ума после... перехода в мир реальный? Или он уже сошел с ума — в тот момент, когда увидел на пороге своего кабинета худую девицу с фиолетовыми волосами?

По дороге в Ханайу Лан проговаривал про себя одни и те же слова: Бене-Исс, прако, Система, Соз-

датели, Реконструкторы. Что-то, похожее на узнавание, действительно появилось — смутное, далекое. Как тогда, когда он впервые увидел Ливи или когда она окликнула его. Харт Карвел — вот как, по ее словам, его звали.

Лан потратил несколько часов на исследование Ханайи и Флиа, расспрашивал людей, описывая внешность Блэки. Безрезультатно. В Алтрапес он приехал, когда на остров уже опустилась ночь.

«Ребекка будет волноваться», — подумал он. И следом: «А не все ли равно?»

В одной из летних кафешек ему, наконец, улыбнулась удача: хозяин сказал, что похожая по описанию девушка не раз заглядывала к нему, чтобы угоститься лимонадом. Местная художница, рисовала портреты туристов, на это и жила. Ночевала обычно под открытым небом, хотя вполне могла позволить себе снять номер в отеле. Должно быть, ей казалось романтичным ночевать под звездами.

Лан нашел ее на пляже, в нескольких шагах от полосы прибоя. Она сидела, скрестив ноги, и задумчиво смотрела вдаль. Заслушав шаги, обернулась. Скользнула по нему все тем же отрешенным взглядом.

— Блэки, — неуверенно сказал он.

Глаза расширились, руки, прежде спокойно лежавшие на песке, напряглись и вцепились в песок.

— Ты... знаешь меня?

— Одна девушка ищет тебя. Ливи. У нее фиолетовые волосы...

Блэки помотала головой — не знает. Лан приблизился, сел рядом.

— Я, похоже, здесь застряла. — Голубые глаза наполнились слезами.

— На Алтрапес?

— В Сомнируме, — обреченно прошептала она. Одна слезинка скатилась по щеке, загадочно блеснув в лунном свете.

— Значит, все это правда... — Лан и сам не знал, спрашивал или утверждал. — Сомнирум — это виртуальная реальность?

Позабыв про слезы, Блэки вытаращила на него глаза.

— Ты знаешь, кто такие Реконструкторы? — он назвал то слово, которое вызывало у него самый живой отклик. Слово, которое, кажется, он прежде знал.

— Черные машины смерти, — шепнула Блэки. — Синтетики, которые способны управлять человеческим сознанием.

— Значит, они могут забрать воспоминания?

Она кивнула.

— Думаю, да. Это случилось с тобой? Ты выглядишь растерянным.

— Так и есть, — Лан усмехнулся. — Только это очень мягко сказано.

Блэки рассмеялась сквозь слезы, вытерла лицо.

— Будь здесь завтра, — сказал он, поднимаясь. — Ливи очень хотела, чтобы я тебя нашел.

Она сосредоточенно кивнула.

— Не знаю, кто это, но мне многое нужно ей рассказать. Я буду здесь завтра. Как и всегда.

Лан попрощался с Блэки, покинул пляж, а потом и Алтрапес. Автобус помчал его в сторону го-

рода. Теперь, после встречи с юной художницей, он уверился в том, что все сказанное Ливи — правда. Знал, что воспоминания, рано или поздно, вернутся. И был к этому готов.

Ребекка была ложью, его ребенок был ложью. И весь его мир — одна лишь ложь.

А он не хотел больше жить во лжи.

Глава двадцать седьмая КИБЕР-ОШИБКА

Светлые волнистые волосы, глаза цвета неба, прелестное округлое лицо... Эта девушка — кто она? Кто она для него?

Сначала Кейл решил, что это обычный программный сбой после манипуляций кибернетиков. Но затем...

Она бежала по траве, увлекая его за собой. Он видел сцепленную с ее рукой мужскую руку, очевидно, принадлежащую ему. Светловолосая, босая, она мчалась к реке. Теперь на ней было зеленое платье — цвета молодой сочной листвы. Добежав до реки, незнакомка скинула с себя одеяние и нырнула в прохладную воду.

Ошибка. Программный сбой. Неизвестный источник данных. Заблокировать данные?

Кейл понял — это не сбой, это воспоминания. Но какие воспоминания могут быть у недавно созданного синтетика? И откуда это ощущение, что то, что он чувствует к этой хорошенькой незнакомке, противостоят?

Не он один это заметил. Праэко Лаэс, которая вела наблюдение за ним, рассказала о своих опа-

сениях Вину Марбесту, когда тот появился в боксе Кейла.

— В целом, его состояние — удовлетворительно, но фильтры эмоционального восприятия по-прежнему выдают завышенные показатели.

— Руки бы им поотрывать — ни черта нормально сделать не могут... Но, может, это и к лучшему? — пробормотал Вин, глядя на Кейла, чуть наклонив голову. — Злость, направленная на мятежников, пойдет нам только на пользу. Он будет яростнее, безжалостнее.

— А если наоборот? — сухо спросила прайко.

Кейлу всегда становилось не по себе, когда они обсуждали его, будто его и вовсе не было в комнате. Будто он — какой-то неодушевленный предмет, не способный понять, о чем они разговаривают, не обладающий даже зачатками разума.

— Брось, Лаэс. Не думаешь же ты, что он пощадит кого-то из них. Функция сочувствия у него отключена — точнее, ее попросту не существует. То, что появляются некоторые... сбои — это просто следствие нехватки времени. К тому же мы не можем лишиться целой боевой единицы только из-за его несовершенности. Назревает бунт, и мы должны быть во всеоружии.

Лаэс промолчала — главным все-таки был Вин Марбест. Человек.

Он поднял к глазам планшет, быстро пробежался по нему взглядом и довольно поды托жил:

— В остальном показатели просто отличные. Лаэс, обнови его базу и подключи к Сети. — Вин поднял взгляд на Кейла. — Пора тебе послужить на благо Системы.

Когда Марбест ушел, Лаэс установила с Кейлом связь, загрузила в него новые данные. Карта Бене-Исс, информация о следующем — первом в его короткой жизни — задании. После развернулась и подала знак, чтобы он следовал за ней.

Они прошли боксы, миновали комнату, куда его привели в прошлый раз. Подошли к двойной двери с кодом, по обеим сторонам от которой стояли боевые синтетики. Дверь отворилась, Кейл вышел, оставив Лаэс позади. Она коротко ему кивнула и, развернувшись, ушла.

Задача: патрулирование квартала Собсо.

Кейл спустился по широкой лестнице, вышел на залитую солнцем крышу — стоянку аэромобилей. Но не успел он сделать несколько шагов, как надпись изменилась.

Вам принадлежит аэромобиль с номерным знаком BE456F.

Маячок на карте показал расположение аэромобиля: шестой во втором ряду. Кейл направился к нему, приложил руку к электронному замку. Лакированная черная дверь послушно поднялась вверх. Он залез внутрь, утопив тело в комфортном кожаном сиденье, восхищенно провел ладонью по приборной панели. Поднял аэромобиль в воздух и направился к своему посту — центральной улице квартала Собсо.

Она лежит на траве, мокрые потемневшие пря-ди падают на лицо и шею. Капельки воды на щеках, она дышит быстро-быстро, словно они плавали наперегонки. Да, так оно и было. Она смеется, дразнит его — он проиграл, а она вновь победила.

Ошибка. Программный сбой. Неизвестный источник данных. Заблокировать данные?

Кейл летел на автопилоте — если бы не он, аэромобиль, внезапно лишившийся управления, просто рухнул бы вниз.

«Нет, — приказал он. — Обработать данные. Провести раскадровку».

Ее лицо крупным планом — капельки воды поблескивают на щеках, как прозрачные бисеринки.

«Распознавание».

Программа выполнила требуемое. Не прошло и минуты, как появился результат. Девушку из его воспоминаний звали Аннари Казман. Проживала в Элкрайз — спальном квартале Бене-Исс.

Не раздумывая ни мгновения, Кейл развернул аэромобиль.

Отклонение от маршрута. Задача: патрулирование квартала Собсо.

«Заткнись».

Аэромобиль приземлился у стоящего монструозного здания. Роскошный лифт, больше похожий на маленькую комнату в каком-нибудь отеле — с кожаным диванчиком и цветком в роскошной вазе, поднял Кейла на двадцать восьмой этаж. Он постучал в металлическую дверь и застыл в ожидании ответа.

Дверь ему открыла Аннари.

Все те же светлые волосы, только сильно отросшие — теперь они доходили до поясницы. Круглое прежде лицо выглядело осунувшимся, под глазами залегли темные круги.

— Вы что-то хотели? — наморщив лоб, спросила она.

Кейл почувствовал новое для себя ощущение, идентифицировав его как растерянность. Он ожидал, что Аннари узнает его, но она лишь скользнула по нему равнодушным взглядом.

Кейл молниеносно обработал всю имеющуюся у него информацию и после секундной заминки сказал:

— Следуя последнему пункту устава Системы, мы обязаны проводить опрос граждан Бене-Исс для выявления информации о мятежниках, называющих себя Свободными.

Аннари пожала плечами:

— Это не ко мне. Я ничего не знаю о них. Но... я так понимаю, что отказаться от допроса я не могу?

— Это не допрос. Я просто задам вам несколько вопросов.

— Однофигственно, — буркнула она, но Кейла внутрь пропустила.

Проходя вслед за ней в квартиру, он раздумывал: может, эта девушка — не Аннари? Может, программа ошиблась? Ведь у него и прежде бывали сбои. Правда, все они были связаны только с ней — с неизвестной из вспышек, которые были так похожи на воспоминания.

— Вы — Аннари Казман? — задал Кейл первый вопрос, как только она устроилась на диване напротив него.

— Да.

Он снова замолчал, не зная, каким еще образом проверить свою догадку. То, что его лицо было ей неизвестно — очевидно. Но откуда тогда он ее знал?

Чтобы потянуть время, Кейл осмотрелся по сторонам. Взгляд его наткнулся на видеофото на стене над камином из белого камня. На нем был запечатлен короткий кадр: Аннари в обнимку с темноволосым худеньким пареньком с острыми скулами и темными, почти черными глазами.

С ним.

Кейл протянул руку вперед, спросил:

— Кто это?

Аннари проследила за его рукой, лицо ее помрачнело.

— Джей. Мой... парень. Мой элект. Мы думали пожениться после моего совершеннолетия.

— И почему не поженились? — слова давались нелегко.

Если Аннари и удивило странное внимание синтетика к ее личной жизни, то внешне она никак это не показала.

— Он умер, — хрипло сказала она. — Две недели назад. Лежал в коме полгода, а потом...

Аннари опустила голову вниз и беззвучно заплакала. Плечи не подрагивали, наоборот, она словно окаменела, но по щеке как прозрачные бисеринки вниз сбежали крупные слезы.

— Я всегда думала, что Создатели могут вылечить любую болезнь, но оказалось, что и они не всесильны.

Кейл не пытался ее успокоить — со стороны синтетика это показалось бы странным. Подошел к зеркалу на дальней стене комнаты. Молча смотрел на себя, примиряясь с правдой.

Лицо было чужим — более взрослым и совершенным, голос — тоже. Но воспоминания были настоя-

щими. Он — тот самый Джей. Бывший человек, чей разум оказался заключен в тело синтетика. Быть может, умирая, он продолжал думать об Аннари. Быть может, те, кто создал его, просто слишком торопились и самые сильные в его жизни воспоминания уничтожить не смогли.

Они совершили ошибку, но что с того? У него не было доказательств, кроме вспышек-воспоминаний и ощущения, что он выглядит не так, как должен выглядеть.

Кейл не мог рассказать Аннари правду. Даже если она поверит... Он — синтетик. Она — человек. Часть его эмоций уничтожена, он никогда не сможет любить ее так, как любил когда-то.

Поэтому Кейл-Джею ничего не оставалось делать, как просто уйти.

Задача: патрулирование квартала Собсо.

Он стер напоминание и поехал к месту назначения. Весь остаток дня, патрулируя улицы Бене-Исс, Кейл-Джей размышлял, что ему делать дальше. Если бы воспоминания вернулись, он мог бы доказать семье — у него ведь должна была быть семья? — что он — это он. Может, вместе они бы придумали, как рассказать правду людям. Но вспышки-воспоминания, посещающие его с завидной регулярностью, были только о ней, об Аннари.

Хотел бы он сказать, что ненавидит Создателей, но, даже зная определение этому чувству, ощутить его не мог. Все это осталось в прошлом — там же, где его человеческое тело.

Система лгала ему, а он даже не мог ничего доказать. Он — лишь крохотный винтик в огромной ма-

шине под названием Система. Он не мог даже навредить ей.

Или... мог?

Если Система считает Свободных своими врагами...

Кейл-Джей залез в архивы Системы и удалил информацию о нескольких разыскиваемых членах фракции Свободных. Зафиксировал «ошибку» — чтобы в исчезновении данных раньше времени не заподозрили его. Когда-нибудь он попадется, но до тех пор...

Перед ним мерцали надписи: информация о том или ином правонарушении, данные с камер дизагрессоров. Кейл-Джей равнодушно просматривал их, пока одно сообщение, мигающее красным, не привлекло его внимание.

Правонарушительница Десс Ларсо, напавшая на синтетика, замечена в квартале Тарой. Необходимо задержать ее и доставить к Реконструкторам.

Кейл-Джей просмотрел всю имеющуюся о ней информацию. Маршал — разумеется, уже бывший, — совершившая нападение на разоблаченного ею синтетика-метаморфа. Ее поимка — задача первостепенной важности, так как она может раскрыть жителям Бене-Исс информацию о метаморфах, что совершенно недопустимо.

До Тароя он долетел на предельно допустимой скорости за восемь минут, тридцать девять секунд, опередив остальных. Рискуя попасться на несоответствии данных, сообщил, что правонарушительница задержана.

Кейл-Джей нагнал ее в узком проулке. Она попыталась убежать, обронив по дороге энергетические

батончики «Блесс». Должно быть, пряталась где-то поблизости и проголодалась.

Он бросился за девушкой. У тупика она развернулась, вынула из кобуры боевой бластер и направила на него. Глаза ее горели решимостью. Не тратя времени на разъяснения — Десс могла потратить его на более активные действия — например, выстрел, — Кейл-Джей бросился на нее, благодаря рассчитанной траектории линии огня легко уклонился, когда она все-таки нажала на спуск. Повалил ее на землю и обездвижил парализующим импульсом. Взвалил на плечо и закинул в аэромобиль, накрепко пристегнув ремнями.

Мятежница лишь бросала на него ненавидящие взгляды — но ровно до того момента, когда он произнес «извини». Глаза Десс удивленно округлились — она явно не ожидала услышать подобное от синтетика. Отчитавшись Системе, что везет привонарушительницу к базе Реконструкторов, Кейл-Джей опустил аэромобиль на одной из неприметных стоянок Тароя и, повернувшись к Десс, все ей рассказал.

Глава двадцать восьмая НЕОЖИДАННЫЙ СОЮЗНИК

Сидя в аэромобиле, не имея возможности пошевелиться, Десс костерила себя на все лады. Она же была так осторожна! Дождалась, пока дроны-наблюдатели пролетят мимо, внимательно следила за тем, чтобы не наткнуться на синтетика или одну из летающих камер. Всего-то нужно было

выбраться из подвала и перебежать дорогу до ближайшего магазина. Она не ела почти двое суток, и голод, в конце концов, все же одержал верх.

Когда пришедший по ее душу синтетик играющи выбил бластер из ее рук и поразил парализующим зарядом, Десс решила, что все кончено. Но, слушая его, все еще будучи обездвиженной, не могла поверить своим ушам.

Невероятно. Просто невероятно. Десс смотрела на него и видела перед собой настоящего синта — из тех, первых моделей, которые внешним совершенством выдают свою сущность: яркие глаза, идеальные черты лица. Эдакие биомеханические куклы.

Но стоило только его послушать... Голос был слегка обезличен, лишь изредка проскальзывали интонации, синтетикам не свойственные, но слова... Вспышки-воспоминания, Аннари, видеография, в которой Кейл-Джей легко узнал себя, ведь именно таким он и представлял себя изначально. Чужое отражение в зеркале... Десс, наверное, сошла бы с ума после такого, а он... Взял себя в руки и решил отомстить — настолько, насколько это возможно.

За утерянную человечность и за оставленные воспоминания.

— Наверное, если бы не было их, мне было бы проще, — тихо сказал Кейл-Джей. Не зная, каким из имен называться вернее, он решил называться обоими. Ведь они отражали обе его жизни — человеческую и механическую. — Я бы воспринимал себя как синтетика. Действовал как синтетик. Был им. А те-

перь я постоянно задаюсь вопросом: каково это — быть человеком?

Десс понимающе вздохнула.

— Ладно, Кейл-Джей, во всяком случае, ты можешь успокаивать себя тем, что тебе — умершему однажды — дали второй шанс. И теперь, когда ты знаешь правду о Создателях, ты должен воспользоваться этим шансом, чтобы помочь людям — тем, кто, как и ты, пострадал или страдает от их действий.

— Да, но как?

— Кое-что ты уже сделал, — улыбнувшись, ответила Десс. — Ты поможешь мне еще больше, если отвезешь в лагерь Свободных. Сама я туда ни за что не доберусь — мой аэромобиль вычислили, я убежала, но его пришлось оставить.

Десс с тоской подумала о серебристокрылом красавце. Визор она выкинула сразу, как только оказалась за порогом дома — по его айпи ее легко могли отследить. Счастье, что она догадалась, что маршалу в бегах не стоит отправляться в лагерь Свободных. Если бы победили не доводы разума, а кипящий в крови страх, то Оливия и все находящиеся с ней Свободные оказались бы в длинных и цепких лапах Системы.

Кейл-Джей коротко кивнул.

— Ты голодна, наверное? — спросил он.

Десс снова вздохнула. В памяти всплыли батончики в яркой обертке, сиротливо лежащие на асфальте.

— Два дня ничего не ела, — призналась она. — Не рисковала даже носа на улицу высунуть. Но... по-

терплю. Сейчас важно как можно раньше оказаться в лагере.

Кейл-Джей спорить не стал. Аэромобиль помчал их по заданному маршруту. Десс вспоминала сообщение Оливии о местоположении лагеря, которое стерлось, едва она успела его прочитать. В этот же момент Кейл-Джей стирал ее данные из архивов Системы.

Пока они добирались до места назначения, он спросил Десс, чем она вызвала такой интерес Системы.

— Корпорация «Сомнитум» похитила мою сестру. Я не знаю, где она... и не знаю, смогу ли когда-нибудь ее найти. Если они могут стирать воспоминания и переселять человеческий разум в тело синтетика... — она замолчала. Собравшись с духом, продолжила: — Один из синтов принял облик моей сестры. Я до последнего не верила в то, что это возможно, но все оказалось правдой.

— Синтетик-метаморф, — кивая, ответил Кейл-Джей. — Я видел таких... не знаю, как назвать это место — в лаборатории?

Десс изумленно взорвалась на него.

— Метаморф. С ума сойти. Им что, могут придать внешность любого человека?

— Абсолютно любого. Правда, их не так много — гораздо меньше, чем любых других синтетиков.

— Неудивительно, — пробормотала Десс. — Думаю, их создание довольно-таки затратно.

Она погрузилась в раздумья, которые прервал голос Кейл-Джея:

— Мы на месте.

На этот раз в качестве лагеря Оливия выбрала ничем не примечательный дом в спальном районе, сплошь состоящем из хорошеных, но однотипных двухэтажных коттеджей. Как говорилось в сообщении, этот дом принадлежал одному из Свободных — тех самых, что, живя среди людей, распространяли об их фракции различные слухи. Пока хозяин дома вел обычную жизнь, всем остальным покидать его было строжайше запрещено — Свободные учились на своих ошибках.

Десс постучалась. Дверь ей открыл высокий молодой мужчина в очках-обманках. Быстро оглядевшись по сторонам, она произнесла:

— Я — Десс Ларсо. Я к Оливии.

Мужчина кивнул. Открыл дверь пошире, но тут его взгляд остановился на лице Кейл-Джея.

— Взломанный? — спросил он, видимо знакомый с Мириам — славной помощницей Ливи.

— Да, — ответила Десс, чтобы избежать лишних расспросов, но Кейл-Джей ее ответом, кажется, был возмущен. Если, конечно, чуть заметная гримаса на его лице действительно свидетельствовала о возмущении.

Они прошли внутрь, поднялись на второй этаж, где и обитали Свободные. После огромного бункера этаж коттеджа в несколько комнат казался не слишком подходящим для убежища.

Оливия сидела за интерактивным столом, рядом с ней стоял Харт — живой и невредимый. Десс невольно улыбнулась — значит, у Оливии получилось вытащить своего друга из Сомнорума. Это не могло

не радовать: раз у нее получилось связаться с ним через капсулу входа и в конце концов освободить, значит, и для Блэки был шанс.

Завидев Десс, Ливи вскочила с места. Бросилась к ней, сжала в объятиях — поразительно крепких для такой худенькой девушки. Десс смущенно заморгала.

— Я так волновалась! — воскликнула Оливия. — Я надеялась, что ты просто выбросила визор, а не Реконструкторы или пражко сняли его с твоего лица.

Десс фыркнула с победоносным видом:

— Вот еще!

Оливия негромко рассмеялась. Смех ее затих, как только она, взволнованная новостью о том, что Десс жива, разглядела наконец ее бело-черный кожаный костюм.

— Ты что, сняла его с маршала? — тонкие брови взметнулись вверх.

Десс обреченно вздохнула:

— Я — маршал. Уже бывший, разумеется.

— Почему ты не говорила нам об этом?!

Десс молчала. Как сказать, что она и не собиралась присоединяться к Свободным вплоть до того момента, как обнаружила, что Блэки похитили? Как признаться в том, что она не предупредила Свободных о том, что местоположение их лагеря раскрыто, потому что считала их врагами?

Повисла напряженная тишина. Потом Десс увидела, как лицо Оливии исказила удивленная гримаса. В комнату зашел Кайл-Джей.

— Он не взломан, — предупредив ее вопрос, сказала Десс. — Но он на нашей стороне.

— Т... то есть? — Оливия переводила непонимающий взгляд с нее на синтетика и обратно.

— Кейл-Джей — один из синтетиков, которых создают, переселяя человеческий разум в искусственное тело. Кибернетик «Сомнирума» называл его «опытным образцом». Видимо, это своего рода эксперимент.

— И вполне успешный, — вставил Кейл-Джей. — Кажется, только в отношении меня они допустили ошибку.

— Или остальные просто молчат, не желая быть разоблаченными, — заметила Десс.

Кейл-Джей рассказал Оливии и Харту о вспышках-воспоминаниях, которые и привели его к Аннари.

— Должно быть, они переселяют в тела синтетиков мозг недавно умершего человека. Думаю, устроить это не слишком сложно, если иметь в больницах и моргах своих людей — в данном контексте, синтетиков, — пробормотала Оливия. Она сновала по комнате в сильном возбуждении. Ни на секунду не могла остановиться. — Это же гениально — чудовищно, но гениально! Полностью стереть воспоминания, но оставить привычки, навыки, инстинкты, может быть даже, мышечную память. Не нужно тратить драгоценное время на совершенствование синтетиков, когда можно использовать ресурсы человеческого мозга.

— Я рада, что ты восхищена, — сухо отозвалась Десс. — Но Кейл-Джей твоих чувств явно не разделяет.

Оливия смущенно потупилась.

— Прости, это все гены отца, — глядя на молчаливого Кейл-Джея, улыбнулась виновато. — Просто... черт, Создатели припасли для нас немало сюрпризов! Тягаться с такими гениями жалкой кучке людей...

— Да, — тихо сказала Десс, — нас все меньше.

Оливия вдруг повернулась к ней — так резко, что фиолетовые пряди разлетелись, как в рекламе шампуня.

— Да. Я ненормальная, точно. Болтаю тут с вами, а главного так и не сказала. — Она выдержала секундную паузу и торжественно произнесла: — Харт нашел Блэки. — Тут же немного сникла. — Правда, не в реальности. В Сомнитуме.

Десс глубоко вздохнула, чтобы унять сердцебиение. Пусть так, но она была готова броситься Харту на шею и крепко его расцеловать. Но взгляды, которыми периодически обменивалась эта чудная парочка... нет, пожалуй, не стоило. Поэтому Десс просто сказала проникновенно:

— Спасибо.

— Пойдем, покажу тебе капсулу Харта, — понимающе улыбнулась Оливия.

Привела Десс в соседнюю комнату — небольшую и забитую всевозможными вещами и предметами мебели на манер чулана. Большую часть свободного от хлама пространства занимала капсула погружения. Олив подключилась к ней с помощью омнитула, с которым, кажется, не расставалась даже во сне. По-видимому, что-то изменяла в настройках.

— Готово, — объявила она. — И... Десс, ты зря винишь себя в невнимательности к сестре. Ты знала,

где ее искать — а одно это уже о многом говорит. Харт нашел ее в Алтрапес, на пляже Грисмуд.

— Думаю, этого слишком мало, чтобы считать себя хорошей старшей сестрой, — мрачно ответила Десс. — Я только надеюсь, что у меня будет время, чтобы все исправить.

Не дожидаясь ответа Оливии, она вошла внутрь. Прицепила провода и закрыла стеклянную дверь, отрезая себя от реального мира и погружаясь в мир виртуальный.

Горячий песок, чуть прохладный ветер. Десс блуждала по заполненному людьми пляжу, пока не увидела сестру: короткая юбка-тюльпан, черные гольфы до середины бедра — она решила не изменять своему излюбленному стилю. Десс закусила губу, чтобы сдержать слезы, в любой миг готовые брызнуть из глаз.

— Блэки! — окликнула она охрипшим голосом.

Услышав свое имя, сестра стремительно обернулась.

— Десс, — она не слышала, просто прочитала по губам.

Блэки бросилась к ней. Оказавшись рядом, на несколько мгновений замерла. И сказала, не скрывая текущих из глаз слез:

— Я знала, что ты меня найдешь. Я всегда это знала.

Десс обняла ее, чувствуя соленый привкус на губах. Тряхнула головой, поморгала. Некоторые привычки — вроде боязни показаться слабой в глазах остальных, — совершенно неискоренимы.

Блэки отстранилась, заглянула в ее лицо и спросила с надеждой:

— А вы... нашли мое тело?

Десс сокрушенно покачала головой.

— Почему-то я так и думала, — грустно улыбнувшись, ответила сестра. — Может, я — лишь призрак Сомнитума, просто цифровая копия, а мое тело уже давно мертво. Как бы то ни было... Я рада, что мне не стерли сознание. Или не заменили воспоминания ложными, как Харту. Думаю, это все оттого, что я — Творец. Их у корпорации осталось слишком мало. Они знают, что мне, запертой в Сомнитуме, ничего не остается делать, кроме как творить. А значит, поддерживать иллюзию этого мира. — Она усмехнулась, внезапно показавшись такой взрослой. — Даже заключив в ловушку, прайко нашли способ меня использовать.

— Послушай, Блэки, я не сдамся, — горячо зашептала Десс. — Я найду тебя. Во что бы то ни стало.

Сестра ответила ей своей печальной улыбкой:

— Иди. Ты же теперь мятежница, верно? Думаю, у тебя еще много дел в реальном мире.

Десс рассмеялась, с нежностью глядя на Блэки. Сердце мучительно сжалось. Как же она была несправедлива к ней все это время! Считала слабой, неприспособленной к жизни... как же она ошибалась...

— Я буду здесь, и я буду тебя ждать, — твердо сказала Блэки.

Так не хотелось оставлять ее одну, но она была права: если Десс хочет ее найти, нужно действовать. Взорвать эту чертову Систему вместе с ее Создателями.

Прежде чем произнести заветную фразу выхода из виртуальной реальности, Десс пообещала, глядя во влажно поблескивающие глаза сестры:

— Я вернусь.

Глава двадцать девятая СТРАТЕГИЯ

Ливи была права. Память действительно возвращалась. Лишенные оков, воспоминания вырывались из своего плена. Теперь уже было странно представлять, как еще совсем недавно он мог воспринимать себя Ланом Валески — тем, кем никогда не был.

Ливи рассказала ему о том страшном дне, когда, вместе с Десс вернувшись из Темпебраско, она увидела вместо лагеря пустой бункер. Маршалы забрали все дроны до единого, всю технику, все, над чем работал Хендриксон — вплоть до мельчайших деталей.

Рассказала, как с помощью Мириам отправила последнего уцелевшего дрона-наблюдателя — того самого, которого взломанный синтетик хранила в своем внутреннем сейфе — в Темпебраско. Дрон проследил за гиропланом, который доставил капсулы из Темпебраско на заброшенный склад за пределами жилого квартала Бене-Исс.

Несколько дней Ливи наблюдала за базой корпорации, параллельно готовясь к ее захвату со своими давними союзниками — маршалами, несогласными, и была поражена, когда в убежище корпорации доставили несколько человек в бесчувственном со-

стоянии — Свободных из их бывшего лагеря, причем исключительно молодых ребят.

У Ливи на этот счет имелась своя теория. Она считала, что остальные Свободные — включая и ее родителей — просто не подошли на роль будущих «пассивных Творцов».

— Думаю, тебя, как и остальных, готовили к отправке к Реконструкторам. Но затем наше с Десс видео распространилось среди жителей Бене-Исс. То, что пытались передать по Сети, просто удаляли. Но люди не так глупы, как порой считает Система. Многие снимали видео на свои визоры, а потом показывали и пересылали другим. Как следствие — поток людей, жаждущих провести отдых в Сомнитуме, существенно уменьшился. Сам посуди — кто захочет добровольно идти туда, где из тебя будут, грубо говоря, выкачивать мозги? Пусть даже это видео увидела лишь малая часть Бене-Исс и далеко не все в мой рассказ поверили. И все-таки нашлись те, кто поверил. А потом еще и Темпебраско закрыли и все визуальщики вернулись домой. Лишенный поддержки, Сомнитум начал разрушаться. Даже взять то белое пятно в воздухе, которое ты однажды видел — это очень плачевный для Сомнитума знак.

— Так вот для чего им нужны были мы — для поддержания жизни виртуального мира? — понял Харт.

Ливи кивнула.

— Ты ходил на работу в вымышленном городе, ездил в отпуск, на самом деле просто минуя таким нетривиальным способом зоны перехода, благода-

ря которым и попадал из одной области Сомнирума в другую. Сначала я думала, что вы с остальными ребятами нужны были только для того, чтобы одним своим присутствием, так скажем, держать этот мир на плаву. Но потом поняла: вы были чем-то средним между настоящим визуальщиком и обычным путешественником Сомнирума. Вы изменяли его — не так, как это делают Творцы, но все же изменяли — дополняли окружающую реальность, заполняли пробелы в ней. Эдакие пассивные Творцы, поддерживающие жизнь Сомнирума, но даже не подозревающие об этом. Это объясняет, почему на базу корпорации забрали только молодых ребят, а остальных, включая и моих родителей, оставили у Реконструкторов. Ну а Ребекка, ребенок — все для того, чтобы удержать твой интерес к жизни, к этому миру. Пока ты счастлив, ты не задумываешься ни о чем — о каких-то странностях, несогласиях. Ты просто принимаешь их на веру.

— Хочешь сказать, что Ребекка была лишь частью Сомнирума, а не живым человеком?

— Не знаю, Харт. Правда не знаю. Возможно, она — такая же пленица с ложными воспоминаниями и искаженным восприятием реальности. А ребенка придумала, чтобы удержать тебя, — Ливи помолчала. — Думаю, я ошибалась только в одном — это не Реконструкторы влезают в сознание человека, пока тот находится в Сомнируме. Дело в самих капсулах входа. Через них Создатели управляют человеческим разумом, выполняя тем самым функцию Реконструкторов.

— Боже, как это жутко и бесчеловечно! — воскликнул Храт. Трудно представить, что совсем недав-

но он был частью механизма этой адской машины под названием корпорация «Сомнитум».

Ливи ответила задумчиво:

— Полагаю, Создатели утратили свою человечность, когда стали синтетиками. Хотя — кто знает? Быть может, это произошло задолго до того, как они променяли человеческие тела на бесконечную жизнь.

Два дня Харт провел в мучительных попытках склеить из разрозненных осколков воспоминаний всю свою прошлую жизнь. Образ Лана все больше блекнул, отступая в отдаленные уголки сознания. Ливи постоянно находилась рядом. Даже с головой погруженная в работу над усовершенствованием вируса, она находила время, чтобы поддержать и ободрить его.

Элси, Ребекка — они казались теперь лишь слабыми отголосками прошлого. Призраками, фантомами. А Ливи... Ливи была его настоящим.

В памяти Харта все еще оставались слепые пятна: целые месяцы его жизни, фрагменты событий, но с каждым днем и каждым часом их становилось все меньше.

А на третий день после его возвращения в реальный мир в лагерь явилась Десс, ведя за собой Кейл-Джея — первого увиденного Хартом синтетика с человеческим разумом. Хотя... быть может, и не первого — там, где дело касалось Создателей и их творений, ни в чем нельзя было быть уверенным.

Как только Десс отправилась навестить сестру — ту самую очаровательную юную леди, найденную им в Алтрапес, — Ливи прямо-таки набросилась на

бедного Кейл-Джея, стремясь вытянуть из него всю известную ему информацию о теневой стороне корпорации «Сомнирум».

Синтетик рассказал им о метаморфах, вызвав удивленный возглас Ливи, и о самой лаборатории, где создавали ему подобных.

— Кейл-Джей, ты даже не понимаешь, какая ты ценная находка для нас! — воскликнула Ливи. — С твоим появлением у Свободных появилась уникальная возможность — иметь своего шпиона в стане врага! Ты можешь рассказывать нам о малейших нововведениях кибернетиков, о планах корпорации, о слабых местах Системы — если, конечно, таковые вообще имеются.

Однако синтетик поспешил охладить ее пыл:

— Я хотел бы помочь вам, правда. Но боюсь, что как шпион в стане врага скоро стану бесполезен.

— Почему это? — непонимающе нахмурилась Ливи.

— Я сообщил Системе о том, что я задержал Десс и везу ее к Реконструкторам. Проверять меня нужды не было — нет оснований не доверять словам синтетика — просто потому, что они не умеют лгать. Но первое же сопоставление данных с базы Реконструкторов — и прако поймут, что правонарушительница Десс Ларсо к ним не поступала.

— Но ты ведь всегда сможешь сказать, что Десс сбежала, — предложила Ливи. Усмехнулась: — Глядя на нее, поверить в это будет нетрудно.

— Тогда Система потребует, чтобы я предоставил видеоотчет — проще говоря, мои воспоминания.

— Хочешь сказать, — медленно начала Ливи, — для того, чтобы записать видео, тебе нужно просто его... мmm... увидеть?

Кейл-Джей кивнул.

— У синтетиков глаза — не просто орган зрения, но и объектив камеры. Запись ведется беспрестанно. Передавать ее Системе в режиме реального времени нет смысла — это приведет к захламлению архива. Но все, что я однажды слышал и видел, хранится в моем мозгу в виде цифровых данных.

Закусив губу, Ливи лихорадочно пыталась найти выход. Зрачки ее метались из стороны в сторону, как всегда, когда она была особенно взбудоражена.

— Вот что мы тогда сделаем, — наконец произнесла она. — Раз тебе нужно видео — это мы его снимем. Как только Десс вернется из Сомнитрума, разыграем небольшое представление. Ты будешь везти ее к Реконструкторам, она каким-то образом вырвется и... видео ее побега готово!

— Неплохой вариант, — одобрил Кейл-Джей. — Проблема только в одном: узнав, что я не справился, прайко пошлют других синтетиков мне на помощь. К тому же, пока мы будем «разыгрывать представление», другие камеры могут засечь Десс и переслать данные Системе. И как только прайко увидят, что она сбежала, тут же приложат максимум усилий, чтобы ее поймать. Как следствие — меня могут отправить на очередное исправление, а Десс — к Реконструкторам.

Харт, прежде молчаливо наблюдающий за их диалогом — кто он такой, чтобы соревноваться

с двумя талантливыми умами? — подался вперед и произнес:

— Подождите, у меня есть идея.

Две пары глаз — ярко-зеленых и ярко-голубых — в упор уставились на него. Если Кейл-Джей смотрел равнодушно, то в глазах Ливи зажглась искра интереса.

— Что, если сделать иначе? — продолжил Харт. — Кейл-Джей, ты говорил, что видел нескольких синтетиков-метаморфов в... лаборатории. А ты можешь каким-то образом найти их в Бене-Исс? Спрашиваю потому, что сама лаборатория наверняка отлично охраняется, и проникнуть туда будет трудно.

Кейл-Джей обдумал его слова.

— На оба твоих вопроса могу ответить утвердительно. Лаборатория действительно находится под охраной боевых синтетиков. Что насчет метаморфов — я видел окончательное преображение одного из них. Я могу изъять изображение его лица из своей памяти, за отправную точку выбрав день своего создания, и отыскать его по базе данных жителей Бене-Исс. Найти, чье место надлежало занять синтетику-метаморфу, думаю, будет несложно.

Харт кивнул, и взгляд Кейл-Джея на несколько мгновений остекленел.

— Кара Лесвольд, — закончив обработку данных, произнес синтетик. — Бывший маршал. В Системе зафиксировано несколько доносов от ее коллег-маршалов. Утверждается, что она неоднократно высказывалась против политики Создателей.

Установив связь с планшетом Ливи, Кейл-Джей передал ей изображение.

— Мне она не знакома, — мотнула головой фиолетоволосая. — Должно быть, решила выступить против Системы в одиночку. Где-то прокололась и... ее наказали. А иметь мятежного маршала в Бене-Исс для Создателей очень удобно — тот самый вариант со шпионом в стане врага. Система наверняка планировала через нее найти других несогласных и подавить бунт в зародыше.

— Логично, — согласился Харт. — Кейл-Джей, ты можешь выяснить, где сейчас находится метаморф, принявший облик Кары Лесвольд?

Синтетик вновь обратился к полученной по своим внутренним каналам информации.

— Метаморф в квартире своего прототипа, четырнадцатый дом по Грейчмент-роуд.

— Что ты задумал? — заинтересовалась Ливи.

— Если мы застанем метафорфа врасплох, ты можешь взломать его, — живо отозвался Харт. — С помощью Кейл-Джея вы измените его личность — на личность Десс. Никаких особых личностных черт не нужно — только портретное сходство.

— Я сумею это провернуть — принцип я знаю, — вставил синтетик. — Для этого мне потребуется только непосредственная близость Десс и ее согласие.

— Думаю, она не будет возражать, чтобы стать прототипом для синтетика-метаморфа, — отозвался Харт. — А затем ты поведешь метаморфа в обличье Десс, как правонарушительнице, к Реконструкторам. Послушайте, это же отличный шанс, чтобы внедрить вирус — и распространят его не дроны, а Кейл-Джей! Но обратной дороги не будет... Когда син-

тетики начнут выходить из строя, нам нужно будет нападать — после того, как о происходящем будет предупреждена Система, второго такого шанса проникнуть в тюрьму больше не представится.

Ливи молчала, осмысливая сказанное им.

— Использовать Кейл-Джея как носителя вируса... да, это идея, — протянула она. — Но даже если отключить у метаморфа функцию обмена данными, то все равно велик шанс, что прайко распознают в нем синтетика.

— А какая разница? — пожал плечами Харт. — Главное, чтобы прошло достаточно времени для распространения вируса.

— Вот времени как раз таки может и не хватить, — задумчиво проговорила Ливи.

— Нужно решать, пока Система не обнаружила отсутствие Десс, — отрывисто произнес Кейл-Джей. — Я сообщу ей о вашем плане. Посмотрим, что она на это скажет. Оливия, сколько тебе потребуется времени, чтобы усовершенствовать вирус?

— Работа над вирусом закончена, но насколько она успешна, покажет только время, — Ливи нервно выдохнула. — Я немедленно свяжусь со знакомыми маршалами. Союзники нам не помешают. А те, кто по понятным причинам участвовать в мятеже не станут, обещали обеспечить нас оружием.

Когда Кейл-Джей вышел из комнаты, она повернулась к Харту. Спросила тихо:

— Значит, все начнется сейчас? Думаешь, мы к этому готовы?

Впервые в глазах Ливи он увидел неуверенность и страх. Глядя на нее — умелого хакера, смелую мя-

тежницу, взявшую на себя бремя лидерства после того, как маршалы забрали ее отца, Харт часто забывал о том, что она — девятнадцатилетняя девушка, которой не чужды сомнения и страх.

Харт подошел к ней, взял ее теплые руки в свои.

— Система торопится, потому и ошибается все чаще. Свободные заставили Создателей понервничать — сначала вирус, который уничтожил триста с лишним синтетиков, потом ваше с маршалами вторжение на базу корпорации. Сейчас самое подходящее время, чтобы разворотить это осиное гнездо и напомнить людям, что именно они, а не синтетики — хозяева мира. Мы справимся, Ливи. Обязательно справимся.

Она подняла на Харта взгляд. Его всегда забавляло, как такая решительная, даже отчаянная девушка, красящая волосы в ярко-фиолетовый цвет, порой смущалась в его присутствии. Но сейчас было совсем не то время, чтобы осторожничать. Приподнявшись на цыпочки, Ливи дотянулась губами до губ Харта. Мгновение спустя отстранилась, словно вспугнутая птичка. Рассмеявшись, Харт притянул ее к себе.

И очень долго не отпускал.

Глава тридцатая МЯТЕЖ

Как и ожидал Кейл-Джей, у Десс имелись свои соображения по поводу их плана.

— Не вижу смысла отправлять в тюрьму принявшего мое обличье метаморфа, когда Кейл-Джей мо-

жет доставить туда меня, — заявила она. — Или вы думаете, я захочу отсиживаться в аэромобиле в ожидании вашего сигнала, пока в тюрьме происходит самое интересное?

— Десс, это может быть слишком опасно, — возразила Ливи. — Если они решат тут же отправить тебя на переделку?

— Тогда я вынуждена буду их разочаровать, — хладнокровно отозвалась Десс. — Кейл-Джей меня подстрахует. Он может пронести в своем «сейфе» мой бластер, и если что-то пойдет не так...

— Тогда я пойду с тобой, — решил Харт. Повернулся к Кейл-Джею. — Доложишь Системе, что я — сообщник Десс и пытался помочь ей сбежать, но был схвачен. Приведешь нас обоих к Реконструкторам. Я до сих пор числюсь в списках мятежников, так что увидеть меня они будут только рады. Ливи, ты с остальными Свободными будешь ждать снаружи, на безопасном расстоянии от тюрьмы.

— Харт, ты уверен, что тебе нужно идти туда? — взволнованно спросила она.

— Оставлять Десс и Кейл-Джея одних опасно, — мягко ответил Харт. — Вдруг синты раньше времени сообразят, что происходит. Знаю, меня трудно назвать отличным бойцом, но я все же смогу помочь, если что-то пойдет не так. К тому же... Ливи, мне надоело оставаться в стороне! Вы с Хендриксоном создали дронов-носителей, тогда как я лишь управлял ими с помощью визора. Я хочу быть кем-то больше, нежели просто наблюдателем! — Помедлив, он продолжил. — План довольно бесхитростный: попадаем в логово Реконструкторов,

Кейл-Джей обменивается данными с как можно большим количеством синтетиков. Потом, когда они начнут дохнуть, как мухи, освобождает нас с Десс. Подает вам сигнал и открывает ворота. Если в тюрьме по-прежнему остались маршалы, и они не пожелают принять нашу сторону, их можно просто обезвредить парализаторами.

— Тогда и я пойду с тобой, — решительно заявила Ливи.

— Нет, — категорично отрезал Харт. — Во-первых, я тебя туда не пущу, во-вторых, ты организовала побег в прошлый раз, и они могут знать об этом — а значит, глаз с тебя не спустят. Во-вторых, большое количество пойманных новичком-синтетиком мятежников может Систему насторожить.

— Соглашусь, — кивнул Кейл-Джей.

Он видел, как тяжело далось Ливи решение отпустить Харта в самое пекло. Невольно улыбнулся. Перед глазами вновь всплыло милое лицико Аннари, кадры, где они были вдвоем и были счастливы — незыблемый кусочек его прошлой жизни. То, что делало его живым и напоминало о том, что он и впрямь был живым когда-то.

Ливи между тем связалась с маршалами, заручившись их поддержкой, и заверила остальных: оружие у них будет. Спустя полчаса приняла видеозвонок на свой визор и поспешно спустилась вниз. Вернулась с новостями:

— Двенадцать бластеров — меньше, чем мы ожидали. Зато девять маршалов согласны участвовать в мятеже. Они будут ждать сигнала за пределами тюрьмы — вместе с пятнадцатью Свободными.

Один бластер вместе с бластером Десс пронесет Кейл-Джей для Харта. Те, кому оружия не досталось, останутся в лагере, управлять носителями ви- руса. Их можно рассредоточить по улицам города. У нас сейчас только десять отключенных дронов-на- блюдателей, похищенных ребятами с улиц. Ко- нечно, это очень мало. Но ведь на сей раз они не одноразовые. Хватит нескольких, чтобы запустить цепную реакцию.

— Носителей вируса я предлагаю отправить в ближайший от тюрьмы район, — вставил Харт, рассматривая карту на планшете. — Это квартал Тегросс. Тогда, покончив с Реконструкторами, мы с Десс, маршалами, Кейл-Джеем и вооруженными Свободными направимся туда. Находящиеся там прайко уже будут заражены, оставшихся прикончим мы. После того, как база Реконструкторов будет уничтожена, Система мгновенно узнает обо всем и нам придется действовать открыто. Ты же, как ли- дер Свободных, доставишь освобожденных сюда. Думаю, стоит повторить трюк со взломом — чтобы подчиненный тебе синтетик отключал камеры и дро- нов-наблюдателей — как это делала Мириам. Тог- да мы сможем оставить в тайне это место, сделав его убежищем для безоружных Свободных. Главная наша цель — даже не прайко, а дроны-наблюдатели. Если мы вырубим разбросанные по Бене-Исс каме- ры, Система практически ослепнет. Да, останутся синтетики, но, рано или поздно, вирус, переданный носителями и Кейл-Джеем, поразит каждого из них.

Обговорив детали плана, они приступили к его выполнению.

— Ладно, давайте начинать, — деловито сказала Десс. Обернулась к Ливи. — Что мне делать?

— Внизу лежат бластеры. Многие из ребят видели их только в кобурах маршалов, а в руках даже не держали. Их нужно будет обучить, как обращаться с оружием.

— Это не особо сложная наука, — с усмешкой поделилась Десс.

Пока она натаскивала остальных, Ливи загрузила в программу Кейл-Джая программу с вирусом.

— Очень надеюсь, что на этот раз все сделала верно, — заметно волнуясь, прошептала она. — Прежде дроны сгорали при передаче данных. Правда, с тех пор я основательно над вирусом поработала, но...

— Я — не дрон, — улыбнулся Кейл-Джей.

Волноваться о собственном будущем тому, у кого и нормального настоящего-то нет — глупо и бесмысленно.

Как только с загрузкой данных с вирусным кодом было покончено, настало время Свободным разделиться. Кейл-Джей, Харт и Десс направились к базе Реконструкторов — они называли ее тюрьмой, Ливи с остальными остались в лагере, чтобы позже к ним присоединиться.

Кейл-Джей посадил аэромобиль у ворот тюрьмы: судя по имеющейся у него информации, залетать во двор сверху было строжайше запрещено — маршалы (а теперь и заменившие их боевые синтетики) имели право открыть огонь по летательному объекту.

Он направился к воротам, ведя за собой скованных Харта и Десс. Стоящие на страже синтети-

ки пропустили их внутрь. Как они и обговаривали, встреченному в здании тюрьмы прайко Кейл-Джей рассказал о «сообщнике», заслужил похвалу и... передал данные с вирусным кодом. Игра началась.

Мятежников отправили в камеры. Кейл-Джей прошелся по всей территории, обмениваясь данными с прайко. Передавая им ложную информацию о том, что его направили сюда как дополнительную боевую единицу, не забывал внедрять в сообщение вирусный код. Все это время в его сознании мигала надпись, требуя его возвращения на пост в Собсо. Скоро Системе станет известно о его неподчинении, но к тому моменту это уже станет неважным.

Кейл-Джей добрался до пятого этажа, где, судя по плану здания, находились Реконструкторы. Замер у двери и терпеливо дождался момента, когда к ним на переделку приведут очередную жертву. Проскользнул внутрь, когда дверь открылась.

Он впервые видел Реконструкторов, которых Свободные именовали черными машинами смерти. Один из них, замерший у «операционного» стола, вопросительно уставился на вошедшего. Кейл-Джей обменялся данными, сообщил об ошибочном отклонении маршрута, что в человеческой интерпретации означало бы извинение, и покинул комнату.

Невидимая бомба была заложена в механическое тело и с минуты на минуту готова взорваться.

Кейл-Джей прошелся по этажу, обнаружив в других комнатах «спящих» — выключенных — Реконструкторов. В отличие от остальных синтетиков у них была только одна, хотя и очень важная

функция — проникать в человеческое сознание с возможностью его изменения. Разбрасываться таким ценным творением и посыпать их на улицы Бене-Исс для наблюдения за людьми Создатели не стали — мудрое решение, но в данном случае фатальное для самих Реконструкторов. Кейл-Джею понадобилось восемь с половиной минут, чтобы вывести из строя «спящих».

Когда один из зараженных синтетиков рухнул лицом в пол, а остальные подняли молчаливую панику, он спустился к камере Десс, освободил сначала ее — как более подготовленную, благодаря прошлому маршала. Десс вынула из его недр боевой бластер и бросилась добивать тех, кто избежал заражения. Следующим Кейл-Джей освободил Харта. И пусть руки светловолосого мятежника слегка подрагивали — от волнения, не страха, — но действовал он решительно и без малейших колебаний. Свободные — настоящие бойцы, в этом Кейл-Джей уже успел убедиться.

Он шел по широкому коридору тюрьмы, переступая через распластанные на полу тела синтетиков. Десс раскурочивала выстрелами их корпуса, Харт — не слишком умело, но старательно — повторял за ней. Кейл-Джей спустился во двор, открыл ворота для мятежников и передал на экран Ливи короткое сообщение.

Свободные и маршалы ворвались на территорию тюрьмы, сея хаос и разрушение.

Кейл-Джей находился в самом эпицентре, наблюдая, запечатлевая в сознании кадры его нового настоящего.

Оливия, напоминающая молнию — и цветом волос, и порывистыми движениями. Десс с решительным блеском в прищуренных глазах, с искаженным яростью лицом. Харт, тут же вставший рядом с Ливи плечом к плечу — защищая, оберегая.

У лишенных души синтетиков просто не было шанса против людей, которых гнали вперед ненависть, страх за близких и жажда отмщения.

Создатели были обречены.

Эпилог

Блэки бродила по мокрому песку, оставляя за собой следы босых ног. Подставляла лицо палиющим лучам, наслаждалась тем, как легкий бриз развеивает волосы.

Сестра навещала ее каждый день. Десс была глазами Блэки, из ее уст она узнавала о том, что происходило в Бене-Исс. Свободные уничтожили базу Реконструкторов, лишив людей основной угрозы, а Создателей — основного оружия против них. Свободные вселили в жителей Бене-Исс надежду, показав, что можно пойти против Системы и остаться в живых. Люди поднимали восстания против синтетиков, маршалы все чаще переходили на сторону сопротивления.

И это только начало.

С каждым днем Свободных становилось все больше. Десс говорила это с таким блеском в глазах, что Блэки поражалась произошедшей в ней перемене. Из несговорчивого маршала, одержимого служению Системе, она превратилась в настоящую мятежницу. Блэки понимала, что большую роль в метаморфозе сестры сыграла она сама. Если бы Система не трогала ее, все могло бы повернуться иначе.

Десс осталась бы преданным Создателям маршалом и по-прежнему считала бы Свободных врагами.

Все случилось так, как и должно было случиться.

Удивительно, но даже в такие темные для Бене-Исс времена люди продолжали посещать Сомнитум — очевидно, желая скрыться от сотрясающих город-государство бунтов в надежной капсуле и в умиротворяющем спокойствии виртуального мира. Конечно, с каждым днем их будет становиться все меньше — по мере того, как все большее число людей поверят в рассказы Свободных о Создателях.

Сомнитум уже претерпевал некоторые изменения: блекнул и рушился — медленно, но неотвратимо. Все чаще в воздухе появлялись «белые пятна», которые некому было залатать. Это значило, что Свободные все делали верно.

Каждый раз они с сестрой прощались на одной и той же ноте: Десс клятвенно обещала, что найдет ее. Блэки надеялась, что сестра вытащит ее из Сомнитума прежде, чем он падет. Если же нет... она не просто уйдет, сгинет, исчезнет, она уйдет, оставив наследие.

Она все-таки напишет свою книгу. Книгу о Бене-Исс, о Создателях, о Свободных — о маленькой группке людей, осмелившихся пойти против Системы.

История беглянки Малены и ее брата-близнеца стала для Блэки отправной точкой — неким осознанием, что она, даже запертая в виртуальной реальности, может донести свой рассказ людям.

Блэки блуждала по Сомнитуму, оставляя на нем кусочки своей истории. Чертила палочкой на пе-

ске — волны окатывали берег, стирали написанное, и она начинала все сначала, с каждым разом уходя все дальше от линии прибоя. Она оставляла записи всюду — на скалах, уподобляясь пещерным людям, на стенах полупустых отелей, столиках кафе, на коре деревьев.

Писала о Десс, о Харте, однажды нашедшем ее. Писала о Ливи, Хендриксоне, Кайл-Джее — о тех, кого никогда не видела и, быть может, никогда уже не увидит. Делилась их историями, рассказывала об их судьбах.

До того, как Сомнирум исчезнет, ее записи успеют прочитать десятки, а может, и сотни людей. Они расскажут об увиденном другим, те расскажут своим родным и знакомым.

Так оживет ее история.

И это все, что ей сейчас нужно. Ведь главное для творца — быть услышанным.

Оглавление

Часть первая

НЕ ГЕРОИ

Глава первая. ХАРТ	5
Глава вторая. ДЕСС.	21
Глава третья. БЛЭКИ.....	30
Глава четвертая. НАРУШИТЕЛЬ	39
Глава пятая. ВЫБОР.....	57
Глава шестая. ТЕМПЕБРАСКО.....	65

Часть вторая

ВИРУС

Глава седьмая. ЗАКЛЮЧЕННЫЙ	80
Глава восьмая. ПЕРВОЕ ЗАДАНИЕ.....	90
Глава девятая. ЧЕРНЫЕ МАШИНЫ СМЕРТИ.....	102
Глава десятая. ДЕМИУРГ	115
Глава одиннадцатая. ИСТИННЫЙ МАРШАЛ	127
Глава двенадцатая. ПОБЕГ.....	136
Глава тринадцатая. ШПИОНКА	148
Глава четырнадцатая. БЕГЛЯНКА	162
Глава пятнадцатая. ПОСВЯЩЕНИЕ В СВОБОДНЫЕ.....	176

Глава шестнадцатая. ВНЕДРЕНИЕ	194
Глава семнадцатая. ВИРУС	205
Глава восемнадцатая. ПРОНИКОВЕНИЕ В ТЕМПЕБРАСКО	216
Глава девятнадцатая. ДИВЕРСИЯ	230
Глава двадцатая. ВЕЧНЫЙ РАЙ.	237

Часть третья

СБРОСИТЬ ОКОВЫ

Глава двадцать первая. КТО Я?	240
Глава двадцать вторая. В КАПКАНЕ	241
Глава двадцать третья. ЗНАКОМАЯ НЕЗНАКОМКА	244
Глава двадцать четвертая. ВСПЫШКА	249
Глава двадцать пятая. ПОД ПРИЦЕЛОМ	253
Глава двадцать шестая. КОНЕЦ ИЛЛЮЗИЙ	270
Глава двадцать седьмая. КИБЕР-ОШИБКА	280
Глава двадцать восьмая. НЕОЖИДАННЫЙ СОЮЗНИК .	288
Глава двадцать девятая. СТРАТЕГИЯ	298
Глава тридцатая. МЯТЕЖ	307
Эпилог	315

Литературно-художественное издание

ДИВНЫЕ НОВЫЕ МИРЫ

Маргарита Тара

СОМНИРУМ

Фантастический роман

Редакционно-издательская группа
«Жанровая литература»

Зав. группой *М. Сергеева*

Руководитель направления *В. Чекунов*

Технический редактор *О. Лёвкин*

Компьютерная верстка *Л. Паниной*

Корректор *Л. Зубченко*

ООО «Издательство АСТ»

129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 3, комната 5

Наш электронный адрес: www.ast.ru

E-mail: zhanry@ast.ru

«Баспа Аста» деген ООО

129085, г. Мәскеу, Жүлдөздөй гүлзар, д. 21, 3 құрылым, 5 бөлме

Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru

E-mail: zhanry@ast.ru

Қазақстан Республикасында дистрибутор

және енім бойынша арзы-таларапарды қабылдаушының

екілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы к., Домбровский кеш., 3-а», литер Б, офис 1.

Төл.: 8 (727) 2 51 59 89, 90, 91, 92

Факс: 8 (727) 251 58 12, вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өтімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 22.08.2016. Формат 84x108¹/32.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8.

Тираж 2000 экз. Заказ № 1209

ISBN 978-5-17-099673-5

9 785170 996735 >

ДИВНЫЕ НОВЫЕ МИРЫ

Преступности нет — Система заботится об этом, руками Реконструкторов корректируя изъяны человеческого разума, представляющие опасность для общества.

Смертность минимальна — синты, совершенные машины в человеческом обличье, все чаще заменяют своих прототипов там, где требуются расчетливый ум и выверенные движения, и все больше людей вверяют им свои жизни.

Сомнирум — бесконечный виртуальный мир — способен исполнить любые мечты, воссоздать любую фантазию — о дальних краях, об ушедших эпохах.

Но так ли идеален этот мир? Рискуя собственными жизнями, юным Блэки, Харту и Десс предстоит найти ответ на этот вопрос.

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-099673-5

9 785170 996735

